

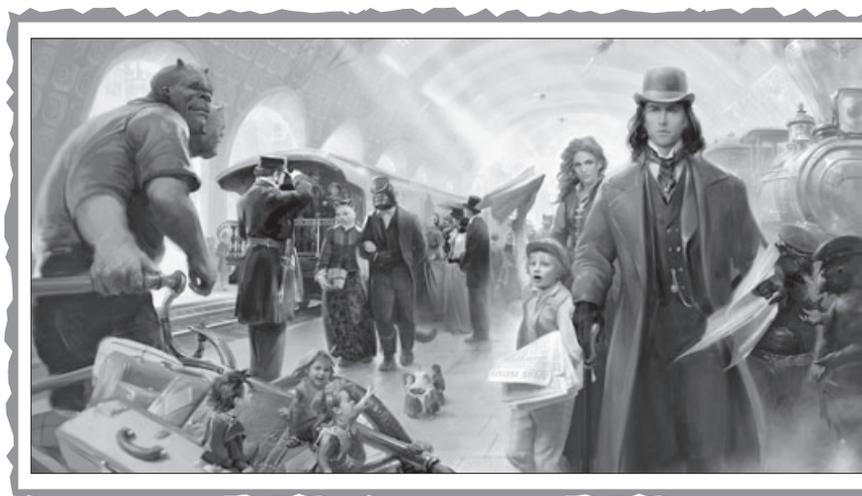
Три романа  
в одном  
томе

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,  
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,  
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА



Москва, 2017

# АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ, ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА



Три романа  
в одном  
томе

- Пересмешник •
- Под знаком мантикоры •
- Иногда они умирают •

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
П23

Серия основана в 2005 году  
Выпуск 156

Художники  
**В. Бондарь, О. Юдин**

**Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.**

П23 Пересмешник; Под знаком мантикоры; Иногда они умирают: Романы. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1083 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2441-2

В этом издании собраны лучшие одиночные романы авторов за более чем 10 лет их творчества.

«ПЕРЕСМЕШНИК» познакомит вас с Рапгаром — просвещенной столицей цивилизованного мира, городом тысячи народов, королевством страстей, вселенной пара и магии. Царством, в котором живут бок о бок лучшие люди и самые страшные чудовища из тьмы.

Вам предстоит расследовать загадочное убийство «ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ» — первое звено в головоломной цепи событий — вместе с капитаном контрразведки маркизом Фернаном де Суоза.

Роман «ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ» перенесет вас далеко за пределы цивилизованного мира. В легендарную страну Кайлат, где проходятся самые высокие в мире горы, живут мудрые, смелые люди и скрываются ответы на все сокровенные тайны жизни. Чтобы постичь их — надо лишь добраться сюда. И выжить.

*Роман «ПЕРЕСМЕШНИК» — «Лучшее отечественное фэнтези» 2009 года по версии журнала «Мир Фантастики».*

*Роман «ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ» — «Книга года» и «Лучшее отечественное фэнтези» 2004 года по версии журнала «Мир Фантастики». Также получил премию «Открытие себя» на международной ассамблее фантастики «Портал» в 2005 году.*

*Роман «ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ» получил профессиональную литературную премию «Странник» на международном конгрессе писателей-фантастов в Санкт-Петербурге в 2013 году.*

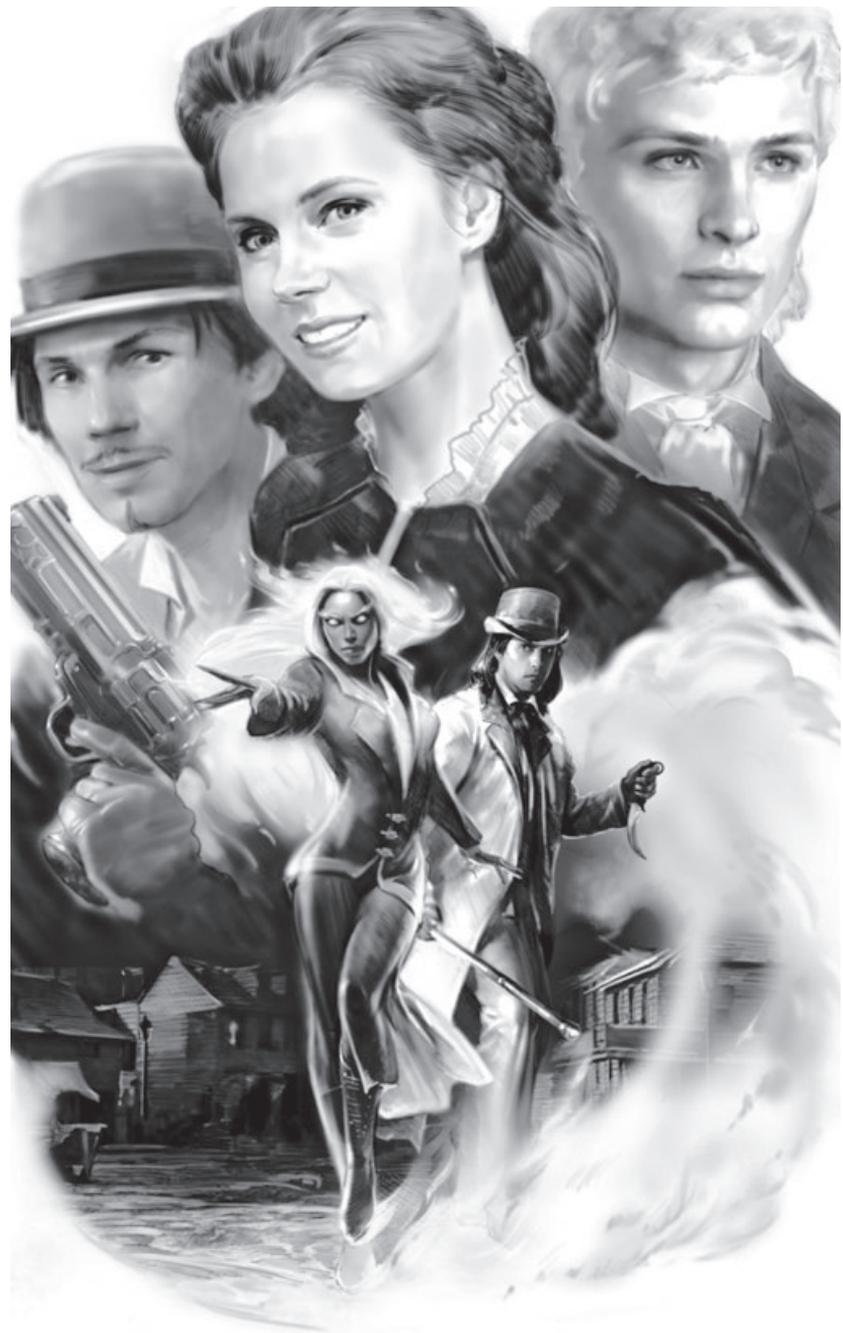
**УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5**

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,  
Турчанинова Н. В., 2017  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2441-2

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

• Пересмешник •



*Посвящается Елене Бычковой и Наталье Турчаниновой,  
познакомившим меня с Бэсс и Эрин.  
А также всем, кто захочет остаться в Рангаре надолго.  
Добро пожаловать!*

Гиены и трусов, и храбрецов жуют без лишних затей,  
Но они не пятнают имен мертвецов: это — дело людей.

*Редьярд Киплинг*

Не бойтесь будущего. Вглядывайтесь в него, не обманывайтесь на его счет, но не бойтесь... Вчера я поднялся на капитанский мостик и увидел огромные, как горы, волны и нос корабля, который уверенно их резал. И я спросил себя: почему корабль побеждает волны, хотя их так много, а он один? И понял: причина в том, что у корабля есть цель, а у волн — нет. Если у нас есть цель, мы всегда придем туда, куда хотим.

*Уинстон Леонард Спенсер Черчилль*

## **Глава 1**

### **«ДЕВЯТЫЙ СКОРЫЙ»**

— Скажи на милость, молодой человек, что за глупости ты городишь? — недовольно забрюзжал Стэфан, когда я отпустил коляску, кинув на прощанье возничему мелкую монету.

— Ты о том, что этот парень не заслуживает награды? — произнес я, наблюдая, как экипаж удаляется по живописной липовой аллее в сторону скрытого за холмами Отумхилла.

— Я о том, что теперь нам тащиться пешком четверть мили! О Всеединый! Это просто невыносимо для моих ног!

— У тебя никогда не было ног,— на всякий случай напомнил я ему.— Таким, как ты, они совершенно ни к чему.

— Это исключительно твое, невежественное мнение.— Стэфан не желал ничего слушать.— Что касается того прохвоста — он вор. А жаловать воров в высшем обществе считается плохим тоном.

Я рассмеялся:

— Тебе ли не знать, старина, что в нашем высшем обществе — вор на воре и вором погоняет. Нашел чем удивить!

Он недовольно побряхтел, понимая, что здесь-то я смог уложить его на обе лопатки, и все-таки сказал:

— Возничий вчера украл бутылку розового шампанского, пока вы, пьяные бестолочи, пытались стрелять вальдшнепов в том молодом дубовом леске.

— Пф-ф! Бедняге надо было промочить горло. Ты к нему очень несправедлив. — Я наслаждался прогулкой.

Все-таки те, кто говорит, что надо почаще покидать город, правы. Сельская природа куда больше радует глаз, чем улицы Рапгара.

— Если бедняга хотел пить, то поблизости текла река, — ядовито отчеканил Стэфан. — Когда немытая деревенщина утоляет жажду, хлеца шампанское из лучших провинций Жвилья по сорок фартов<sup>1</sup> за бутылку, — это конец света! И никак иначе я сие явление назвать не могу. Во времена твоего прадеда, да пребудет он в Изначальном огне, таких жуликов пороли стальными прутами...

— Ага... и еще живьем сдирали крюками кожу, — разом поскущел я. — Но, на мое счастье, мы живем в более прогрессивные времена. Миру нужна гармония, Стэфан.

Однако моя трость с этим утверждением явно была не согласна:

— Миру нужен огонь и стальная пята, иначе он быстро придет в негодность.

— В тебе говорит кровожадная душа демона, — укорил я его и тут же об этом пожалел.

— У нас нет души. И сколько раз я тебя просил — не называй меня так. Это по меньшей мере оскорбительно! Амнисы<sup>2</sup> не относятся к роду низших.

— Ну извини, — повинился я, не желая слушать в течение двух следующих часов поток разнообразных нотаций.

— Мой мальчик, когда ты доживешь до моих седин...

— Я не доживу, — перебил я его, и он, поняв, что сказал что-то не то, прикусил язык, кашлянул, прочистил горло и, сменив тему, произнес уже совсем другим тоном:

— Не уверен, что ты поступил правильно, так быстро изменив планы. Ведь ты собирался гостить в Отумхилле до конца недели, а пробыли мы там меньше суток.

— Я извинился перед Зинтринами. Они поймут.

— Извинился письмом, а не лично, как того требуют светские приличия. Это больше похоже на бегство, чем на отъезд.

Теперь уже мне нечего было сказать. Стэфан, как частенько это бывает, — прав. Но меня тяготило присутствие в имении Зинтринов, куда неожиданно-негаданно приехала Кларисса вместе со своими подлецами-братцами. Впрочем, дело было не в ней. Точнее, не только в ней.

---

<sup>1</sup> Один фарт — крупная денежная единица Рапгара — содержит в себе 20 трестонов или 100 сцелинов. Один трестон равен 5 сцелинам. — *Здесь и далее примеч. авт.*

<sup>2</sup> От *лат. annis* — водный поток, в другом значении — душа.

Прошло уже полтора года, как я снова оказался в этом фальшивом блеске — высшем свете Рапгара, среди пустых разговоров о погоде, поло, скачках и новых целебных курортах, а все они, прекрасные дамы в вечерних платьях и господа в смокингах и фраках, до сих пор то и дело награждают мою персону в лучшем случае любопытными взглядами. В худшем можно разглядеть целый спектр эмоций, начиная от сочувствия и жалости и заканчивая опаской и презрением. В первом и втором я совершенно не нуждаюсь, третье меня несколько смешит, а четвертое совсем не трогает. Но вместе с тем, по возможности, я старался игнорировать благородные сборища, если, конечно, от этого нельзя было отвертеться.

Данте в шутку называет меня затворником и говорит, что теперь, после всего случившегося, я точно должен брать от жизни все, а не чахнуть у себя в норе.

— Спешу жить, мой друг. Спешу жить,— говорит мне это древнее чудовище, как только на него нападает очередной приступ меланхолии.

Я в ответ лишь улыбаюсь, не желая спорить по таким пустякам, и молчу о том, что Данте сам не слишком торопится выезжать из своего дворца куда бы то ни было и называет половину высокородных господ Рапгара не иначе как неотесанными обезьянами. По его мнению, с мартышками могут общаться лишь очень вежливые чэры<sup>1</sup>, а себя он к таковым совершенно не относит.

— Ты же знаешь, как меня тяготят разговоры о покупке нового рысака, грядущих балах, модных идеях портных жвилья и о том, как господин Н. застал госпожу Н. в объятиях господина А. и какая славная дуэль состоится в грядущую пятницу. У меня такое чувство, что за шесть лет моего отсутствия здесь ровным счетом ничего не изменилось.

Помнится, Данте в ответ тихо фыркнул, и наша беседа угасла, словно пламя веры во Всеединого в сердце чернокожего огана.

Я вдохнул полной грудью чистый сельский воздух. Он пах желтой осенней листвой, парным молоком, старым сеном, жареными каштанами и ночным туманом, который совсем недавно успел раствориться среди деревьев, нарядившихся в ало-желтые одежды.

С детства люблю осень. Это замечательный сезон, пускай он и немного дождлив. По мне, зима излишне холодна, весной с моря дует стылый и влажный ветер, летом приходит одуряющая жара. Осенняя пора — лучшее из всего, что может показать природа. Не слишком жарко и не слишком холодно, небо кристально чистое, и все окрестности, куда ни кинь взгляд, сверкают алым, золотым, оранжевым, желтым, охряным и бледно-синим.

Возможно, я просто эстетствую на пустом месте, а быть может, люблю яркие краски увядания, столь близкого мне с тех пор, как гос-

<sup>1</sup> Чэ р — уважительное обращение к лучэру.

пода из Скваген-жольца так не вовремя заявили за мной в одну из ненастных весенних ночей семь с половиной долгих лет назад.

— Мы опаздываем,— напомнил Стэфан.

Я на ходу вытащил из кармана жилета часы на золотой цепочке, откинул крышку с памятной гравировкой, взглянул на тонкие, сожженные из огня, воды и воздуха стрелки:

— Нет. Времени полно.

— Опаздываем. Если ты не поторопишься, то пропустим скорый и вновь придется торчать час в том кафе, где тебе обычно подают отвратительный пережаренный кофе. А затем будем трястись в вагоне второго класса со всяким отребьем и нюхать паровозный дым, потому что окно опять заклинит.

— Эта неприятность случилась десять лет назад. Давно пора о ней забыть.

— У меня долгая память, молодой человек. Я служил твоему отцу, и деду, и прадеду пять с лишним сотен лет и помню каждый день этой службы.

— Прости, но не в моей власти отпустить тебя на волю прямо сейчас.— Я прекрасно чувствую намеки и недоговоренности.

— Да я и не прошу,— пробормотал Стэфан.

Амнис разрывался — с одной стороны, он давно жаждал отправиться в Изначальный огонь, чтобы присоединиться к своим — да чего уж там скрывать — и моим родичам, а с другой стороны, я не помню, чтобы он радовался от осознания того факта, что я когда-нибудь умру. Ведь главное условие освобождения духа из доставшейся мне по наследству трости — смерть последнего потомка в той семье, которой он служит. То есть в данном конкретном случае последний потомок, лучэр Тиль эр'Картиа,— я.

— Ты слышал, о чем вчера говорили в летнем павильоне за пятичасовым чаем? — Старина Стэфан меняет темы так же легко и быстро, как я перчатки.

— Порази мое воображение.— Я прибавил шагу.— О чем, кроме предстоящих скачек, войны, дел в колониях и биржевых сводок, они могут говорить? О том, как помирить сынов Иенала с выходцами из Малозана? Или как выгнать из Пустырей скангеров? А быть может, речь шла о том, что Комитету по рассмотрению гражданства пора жить своим умом и поменьше мозгами мэра? Последний бунт, когда недовольные малозанцы порезвились в Прыг-скоке и разнесли три квартала, а затем полезли в Холмы, нашу городскую управу явно ничему не научил. Я слышал, что ка-га и махоры недовольны тем, как движутся дела с наследованием права гражданства. На мой взгляд, Городскому совету стоит как можно быстрее разобраться с этим делом, если он, конечно, не хочет, чтобы в Дымке и Пепелке действительно были лишь дым и пепел. Фабрики Рапгару пока еще нужны.

— Нет. Совсем не об этом. Речь шла о том, что в районах Иных завелся пророк, мой мальчик.

— Очень интересно. Но неудивительно. В наше веселое время пророки лезут из-под земли быстрее митмакемов<sup>1</sup>, испуганных затяжным ливнем над Королевством мертвых.

— Я склонен обратить на него твое драгоценное внимание, о мудрейший, по той лишь причине, что он несколько отличается от сонма остальных шарлатанов.— В голосе Стэфана звучали саркастические нотки.

— И в чем же его отличие, мой неугомонный дух? Неужели у него нет в копилке пророчеств о возвращении Великой тьмы<sup>2</sup>, кровавом дожде с темных небес, хищных жабах, гибели девственниц, возвращения сынов Иенала на родину и о том, что какой-нибудь скангер с помойки в скором будущем займет место Князя?

— Ты сегодня очень многословен,— укорил меня амнис.— Тебя настолько вывело из равновесия появление Клариссы?

— Скорее уж ее братцев-идиотов. С удовольствием выбил бы из них душу,— проворчал я, взяв шляпу за туюлю и приподняв ее, когда мимо в открытой коляске проехала благородная дама, судя по всему, направляющаяся в Отумхилл.— Так что там насчет твоего пророка?

— Говорят, он за неделю предсказал убийства, случившиеся в Яме.

— А... гибель тех двух господ, что заглянули в Квартал исполнения желаний. Судя по заголовкам газет, там поработал мясник. Надеюсь, предсказателем уже занялся кто-нибудь из Скваген-жольца. В наше время чудеса случаются слишком редко. Я готов поставить десять соуров<sup>3</sup> на то, что нет дыма без огня и пророк — тот самый убийца, о котором последние дни только и пишет «Время Рапгара».

— Быть может, так, а может, и нет.— Мне не удалось смутить Стэфана.— В этом городе слишком много психов, способных на жестокие поступки. Одних крупных сект и тайных обществ больше двадцати, не говоря уже об обычных выходцах из таких райончиков, как Яма и Ржавчина. Про жителей Пустырей я и вовсе умолчу.

— Что еще поведал славному городу господин пророк?

— Если честно, я слышал лишь краем уха. Ты увидел Клариссу и покинул павильон.

<sup>1</sup> От *mitmakem* (*ивр.*) — восставший.

<sup>2</sup> В е л и к а я т ь м а — период власти предков лучэров (Всеединого) на земле с мента их прихода вместе с кровавым дождем и до возвращения в Изначальное пламя.

<sup>3</sup> С о у р — старая монета Рапгара, почти утратившая хождение. Также называлась Двойным Князем за изображение главы государства на двух сторонах. Чеканилась из золота высшей пробы (содержание не менее 98 процентов), весила 38,5 грамма.

— Какая досада,— проворчал я, свернув с центральной дороги на тропинку, которая должна была привести меня к железнодорожной станции.

Времени до «Девятого скорого» действительно оставалось немного.

— Но, судя по разговорам за чаем, это только начало. Убийства продолжатся.

— Печально.

Я совсем не бесчувственный, но меня и вправду нисколько не заботило, что какой-то обожравшийся корней лунного дерева<sup>1</sup> больной выпотрошил двух господ, решивших вкусить от греховного яблока удовольствий. Яма есть Яма, и те, кто решает спуститься туда, всегда должны помнить, что можно и не подняться. Разумеется, этот западный район Рапгара не так жесток и опасен, как Пустыри, Город-куда-не-войти-не-выйти или Место, но и здесь можно найти приключения на свою голову.

Убийства в Яме происходят регулярно, что и неудивительно с таким-то перенаселением, но газетчики ухватились именно за последнее, похожие друг на друга как две капли воды. На тот свет отправилось отнюдь не отребье с помойки, да еще крови оказалось слишком много, что несколько нехарактерно для живущих здесь преступников. Я бы сказал — излишне кровавое предприятие вышло у неизвестного господина. Словно он — год голодавший людоед тру-тру. Уверен, что теперь, пока в городе или в мире не случится ничего более интересного, все внимание прессы будет приковано к Яме.

Думаю, местные вряд ли рады тому, что их улицы переполнены синими мундирами Скваген-жольца. Жандармов в этом районе Рапгара никогда не жаловали.

Я поднял трость, отодвинул в сторону возникшую на пути ветку, огляделся по сторонам.

Солнце уже успело подняться над покатыми живописными холмами, и теперь его лучи били сквозь желтую листву лип. На пожухлой траве и тонких паутинках все еще сверкали редкие капельки росы. Под каменной кладкой, ограждавшей старое поле и тянущейся с правой стороны от тропы, какой-то зверь, скорее всего бездомный пес, пытался выкопать нору, но так и не вырыл, бросил ее, едва начав. Впереди, сразу за рябинами, ягоды которых уже налились оранжево-алым цветом, виднелся шпиль церкви Всеединого.

До городка было рукой подать. Я отправился в путь, думая о том, что, возможно, стоит наконец переехать в провинцию, подальше от

---

<sup>1</sup> Корень лунного дерева — священная пряность мяурров, которую используют во время ритуалов, посвященных Лунной кошке. Для других рас порошок из этого растения является сильным, а зачастую и смертельным галлюциногеном.

огромного Рапгара и пожить в свое удовольствие с месяц, полюбоваться пасторальными пейзажами, пока не закончилась осень. И тут же сам себе сказал, что ничего из этого не выйдет. Огромный город — словно спрут, исчадие Изначального огня, запустившее щупальца тебе в душу. Если уж схватил, то не жди, что отпустит.

Рапгар — моя родина. Я люблю его и ненавижу всем сердцем, и никуда из него не денусь. Но я ведь могу потешить себя иллюзиями, что он не властен надо мной, правда? Как говорит Стэфан — никто не может быть счастлив без иллюзий. Они необходимы для нашего счастья не меньше, чем реальность.

Тропка пошла под горку, и я оказался на дороге, теперь уже другой, идущей от Лайнсви́гга — маленького пчеловодческого хозяйства в двух милях от Отумхилла — и входящей в городок с западной стороны. Следуя по ней, я окажусь на станции много раньше запланированного срока. Не хочу опаздывать, иначе моя говорящая трость снова напомнит мне о том, что отпустить коляску было плохой идеей.

— Опоздаем, — буркнул амнис, словно читая мои мысли.

— Лучэры никогда не позволяют себе опозданий, — возразил я ему. — Это неприлично и недостойно истинного чэра. Они предпочитают приходить в удобное для них время.

Услышав свои собственные слова, сказанные, когда мне было то ли восемь, то ли девять лет, Стэфан довольно кашлянул и на время успокоился, предоставив мне возможность донести его до поезда.

На этой дороге было еще более пустынно, чем на прежней, — я шел в полном одиночестве, не беспокоясь о том, что следует идти по краю, уступая путь всадникам и экипажам. И те и другие были редкими гостями в сельской местности. Куда уж проще здесь встретить корову, или козу, или кого-нибудь из маленького народца, чем дормез<sup>1</sup> или регулярный дилижанс.

Я подошел к церкви — суровому темному сооружению, сложенному из грубого, плохо отесанного серого камня, с черной черепицей на крыше, узкими высокими окнами с витражами и ребристым семигранным шпилем, увенчанным алым, горящим и днем и ночью знаком Изначального огня Всеединого.

За церковью, примыкая к дороге, располагалось маленькое кладбище с аккуратными, ухоженными могилами и белыми памятниками. Над тремя дальними надгробиями висели два черных и один янтарный погребальные огоньки<sup>2</sup> — дыхание Изначального огня, места, куда ушли умершие лучэры.

<sup>1</sup> Д о р м е з (от *фр.* dogmouse — букв. соня) — комфортабельная карета со спальными местами.

<sup>2</sup> Цвет погребального огонька зависит исключительно от цвета глаз умершего лучэра: красный, янтарный, пепельный, индиго, зеленый или черный.

Я остановился на несколько мгновений, думая о том, что этот теплый свет над кладбищем — единственное, что остается от таких, как я, после смерти, а затем, спустя пару сотен лет, и он исчезнет, растворившись в мире, словно призрачный морок.

— Раньше, при другом святом отце, здесь жил митмакем.— Стэфан счел, что стоит нарушить затянувшееся молчание.— Иногда вылезал во-о-он из того склепа, что у старой рябины, и бродил в окружении мух. Любил проказничать у дороги и пугать запоздалых путников.

— От такой неожиданности можно и в могилу слечь,— усмехнулся я, представив того, кому вид живого покойника был в диковинку.

— И ложились.

— А что же алые мундиры Скваген-жольца?

— У них в Рапгаре забот полон рот. Митмакем нарвался на пикли. Тот его и поджарил своей электрической молнией, а вместе с ним и святого отца, что приютил беглеца из Королевства мертвых.

— Сурово. Покойник нашел с кем связываться. У пикли отсутствует чувство юмора.

— Зато имеется то, за что их терпят в многонародном Рапгаре — цвет жизни, источник прогресса и процветания...

— Можно ограничиться более коротким эпитетом — электричество. Новый бог Рапгара, прости меня за столь кощунственные слова.— Я миновал кладбище, вошел в городок и снова обратился к амнису: — Тропаеллы<sup>1</sup> головастые ребята, раз додумались, как использовать таланты пикли на благо города. Одно слово — изобретатели.

Стэфан кивнул:

— Прапрадеду нынешнего Князя стоит сказать спасибо, что он разрешил растениям жить на территории столицы. Конечно, поначалу результат был нулевой, но за последние сто лет огромный прогресс — масса открытий.

— Удобства растут, а мир портится,— заметил я, посмотрев на часы маленькой ратуши.— Многие уже говорят, что пора срубить тропеелл под корень прежде, чем они придумают оружие, которое уничтожит этот мир.

— Ну полно! — не согласился Стэфан.— Секта Детей Чистоты слишком малочисленна, чтобы собраться с духом и взяться за топоры.

Тут он прав. Идиоты, ратующие за возвращение в темные века, когда никакого прогресса не было, а люди жили в единении с природой (считай, в лесу, грязи, пещерах и без надежды на теплую воду из труб), — слабы, и жителям Больших голов не угрожает ничего, кроме слов. Но рано или поздно отыщется храбрый придурок и придет

<sup>1</sup> От *лат.* Tropeolum — настурция.

если не с топором, то с бочкой пороха, и тогда во все стороны полетят сначала щепки, а затем и головы.

В Рапгаре всегда найдутся те, кто недоволен друг другом. Кому-то не нравятся люди, кому-то ка-га, кто-то не выносит завью или фиосс, а кто-то ненавидит лучэров. Нам всем приходится лавировать, словно мы тяжелые паровые броненосцы из флота Князя, запертые в узкой бухте. И не дай Всеединый зацепить друг друга — тут же начнется пальба, в результате которой кто-то может пойти на дно.

Расовая нетерпимость въелась в кости жителей Рапгара, и вытравить ее не получится ни цивилизацией, ни несущимся скачками прогрессом.

Запах черной смолы, идущий от шпал, резкий, но тем не менее приятный, окутывал маленький вокзал благоухающим коконом, словно дорогие духи жвилья утонченную модницу. Часы, висящие здесь — с белым циферблатом и острыми, похожими на копыя стрелками, вели обратный отсчет. Ка-га гордились своими скорыми поездами — те всегда, во всех без исключения случаях, приходили вовремя.

До «Девятого скорого» оставалось чуть больше десяти минут.

Я прошел по деревянному перрону в вокзальную кассу, возле которой не было ни единой души, и купил билет в первый класс, получив пожелание доброго пути от седовласой старушки-кассирши, закутанной в белую пушистую шаль.

На перроне находилось всего несколько пассажиров, они топтались в самом начале, где должны остановиться вагоны третьего класса. Все были людьми.

Мимо меня прошел пожилой начальник станции. На его синем сюртуке важно поблескивали золоченые пуговицы. Заметив мои глаза и поняв, что перед ним лучэр, он вежливо приложил руку к плоской фуражке с лакированным козырьком.

В тени, под газовым фонарем, сейчас погашенным, сидел чистильщик обуви. Увидев меня, он оживился. За несколько сценилов юноша начистил мои остроносые туфли, запылившиеся за время пешей прогулки, до зеркального блеска. У мальчишки, продающего газеты, я купил свежий номер «Времени Рапгара» и, свернув газету в трубку, подошел к краю платформы, привлеченный суматошным цыплячьим писком.

На чугунных рельсах царило суетливое оживление — делегация маленького народца встречала поезд. Эти разнообразные создания, которых не счесть по количеству типов и разновидностей, были поражены прогрессом куда больше всех остальных. Паровоз ка-га они считали чем-то вроде огромного и ужасного божества. Поэтому частенько собирались маленькими демонстрациями, выбирались на рельсы, чтобы приветствовать гремящее чудовище, и, разумеется, гиб-

ли десятками, раздавленные многотонной машиной и ошпаренные паром. Никто не собирался экстренно тормозить из-за каких-то безымянных блох, выбравшихся на пути.

Малыши по случаю торжественной встречи обрядились в парадные наряды, сплетенные из цветов и травы, а малышки натянули свои лучшие платица, сотканые из дымчатой паутины и обрывков одежды огородного пугала. Один кудрявый карапуз не нашел ничего лучше, как проделать в коробке из-под махорочного табака «Магарский ванильный» отверстия, просунул туда руки и ноги и, очень гордый собой, махал разноцветным флажком.

— Могучий дымледым! Шипящий паропар! — пищали они, прыгая кто во что горазд.— Трясущий рельсход! Гремящий чух-чух-чух! Великий ту-ту-ту!

— Эй! Вы! — сказал я, подобрав самый грозный и сердитый из множества своих голосов.— Уходите прочь! Немедленно!

Они тут же притихли. Одна из малышей, с пурпурными стрекозиными крылышками, ойкнула и упала с рельса. Остальные тут же опустили флаги, цветы и серебристые конфетные фантики. Все воззрились на меня, раскрыв рты, словно кролики на удава.

— Живо! — прикрикнул я, для остротки сверкнув глазами.

Несколько козявок начали расстроено хлопать носами, а та, у которой юбочка была сшита из желтого березового листочка, разревелась.

— Ну во-о-о-от,— расстроено пропищал кудрявый паренек в коробке из-под махорки, кажется, самый главный в этой компании.

Он чихнул, вытер курносый красный нос кулачком и с трудом слез с рельса. Следом за ним, ревя точно белуги, потянулись все остальные.

— И чтобы я вас здесь больше не видел! — крикнул я им вслед.— Ни сегодня, ни завтра, никогда!

Они не ответили и, шурша, словно мышки, скрылись в сухой траве.

— Какое тебе дело до этой мелочи? — спросил Стэфан.

— Не хочу, чтобы у меня на глазах в небытие отправилось больше трех десятков душ.

— Тоже мне души,— проворчал амнис.— Всех в один наперсток уложить можно и другим накрыть. Не понимаю я этих таракашек. Не могут найти себе более легкий способ для самоубийства? Вечно лезут то под поезд, то под трамвай, то на провода пикли.

— Они слишком наивны, добры и доверчивы, чтобы понимать, какую опасность представляют все эти штуки,— вздохнул я, отходя от края.

Я люблю маленький народец. Во всяком случае, большинство из них. Мне неприятно видеть, как погибают эти создания Всеединого. В последние годы их смерть превратилась почти в стихийное бедст-

вие, но окружающим ровным счетом плевать на какую-то едва видимую под ногами мелюзгу, когда есть дела поважнее и покрупнее.

Семь с половиной лет назад я думал примерно так же, но шесть лет размышлений и лицецерения печати Изначального пламени в корне поменяли мою точку зрения. Я понял, что любое дело важно, даже самое мелкое и на первый взгляд незначительное. Маленький камешек тянет за собой в пропасть огромные глыбы, и от такого камнепада невозможно укрыться.

Банальный пример? Возможно. Спорить не буду. Вот только моя цель в жизни сейчас зависит не от глыб, а от мелочей. И когда я их наконец-то обнаружу, буду надеяться, что случившийся камнепад похоронит под собой тех, кто так ловко и без спроса перекроил мою жизнь.

Из-за поворота показался поезд. Черный четырехцилиндровый паровоз с выписанными на боках алыми молниями и алыми колесными центрами, пыхтя и сопя, легко тащил за собой вереницу вагонов — синих, зеленых и желтых<sup>1</sup>, выплевывая в чистый воздух клубы черного угольного дыма.

— И вот он сошел с небес в пару и дыму, сыпля искрами и воя, точно вырвавшийся из Изначального огня низший, — продекламировал Стэфан.

— Какая-то запрещенная книга? — полюбопытствовал я.

— Речь Князя на предпоследнем военном параде, повествующая о том, что Рапгар не собирается отказываться от своих дальних колоний в угоду шейху Малозана, — рассмеялся амнис.

— А... — протянул я, разом потеряв всякий интерес к цитате.

Поезд, уже полностью сбавив ход, шипя, прополз мимо меня, и я прочитал на двери будки машиниста белые буквы: «Рапгарская северная железная дорога. № 9. Скорый».

Вагоны с лязгом остановились, начало платформы окутало клубами белого пара, и люди посторонились, пропуская выбравшегося из тендера с углем махора. Гигант, измазанный черной пылью от макушки до пяток, сопя, подошел к подводе, на которой его дожидались деревянные ящики. Увалень посмотрел на них, задумчиво пожевал тяжелыми челюстями, почесал одну из двух своих рогатых голов и повернул ее за разъяснениями в сторону паровоза.

Из будки высунулся длиннющий, похожий на гнилую волосатую морковку нос ка-га, обложил помощника трехэтажным загибом, смысл которого заключался в том, что пора отправляться, и вновь скрылся. Махор тяжело, словно слон, вздохнул, повел могучими плечами, подцепил первой парой рук сразу половину груза, а второй — другую половину и, пыхтя от натуги, грузно зашагал к паровозу. Доски перрона под его увеличившимся весом жалобно скрипели.

<sup>1</sup> Класс вагона определяется его цветом: желтые — первый класс, синие — второй, зеленые — третий.

Я направился к своему вагону — одному из двух, предназначенных для первого класса. На этой станции я был единственным пассажиром, решившим путешествовать до Рапгара с комфортом.

Кондуктор-мяурр, увидев меня, снял фуражку, предупредительно поклонился, блеснув посеребрёнными усами:

— Пожалуйте, чэр. Я провожу вас до вашего мрряуеста. Следуйте за мной.

— Благодарю вас.

Я прошёл за Полуденным<sup>1</sup>, гадая, за что его лишили хвоста. Сын Луны<sup>2</sup> мог сделать это по массе причин, но верной я так никогда и не узнаю, потому что спрашивать о подобном, даже если перед тобой слуга, невежливо.

В вагоне оказалось шесть купе, мое было четвертым. Кот распахнул дверь из орехового дерева, отошел в сторону, пропуская меня.

— Чэр позволит взглянуть на его билет?

Я сел на кожаный диван, молча протянул розовую карточку, на которой золотыми буквами была оттиснута девятка с крылышками. Кот достал из футляра, висевшего у него на поясе, серебряные щипчики и пробил корешок.

— Спасибо, чэр. Поезд прибывает на Центральный вокзал без четверти одиннадцать. Если вам что-нибудь понадобится, просто сообщите мрряуне.

## Глава 2

### ПО СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Не успел я разместиться, как прозвучал сигнальный рожок начальника станции, извещающий об отправлении. Спустя секунду раздался длинный паровозный гудок, и поезд тронулся. Я смотрел в окно, наблюдая, как картинка за стеклом все больше и больше сдвигается, проваливаясь назад.

Вот промелькнула платформа, белые домики с алой черепицей, яблоневые сады, и начались желто-охряные, уже убранные поля, изредка перемежающиеся оранжево-алыми рощами. Мы набирали ход, с каждой минутой двигаясь все быстрее и быстрее. «Девятый скорый» на прямых участках пути и при хорошем угле развивал серьезную скорость, и дорога до Рапгара занимала намного меньше времени, чем если бы я воспользовался коляской.

<sup>1</sup> Полуденный — изгнанный из прайда за какой-либо серьезный проступок мяурр (в том числе за отказ от истиной и единственной веры в Лунную кошку или же запытавший себя недостойной работой). Для семьи прайда такой мяурр больше не существует.

<sup>2</sup> Сын Луны — глава всех прайдов. Обычно самый старый и мудрый кот.

Вагон мягко покачивало, и цветы в хрустальной вазе — темно-бордовые астры — кивали пушистыми головками в такт стуку колес. Купе первого класса было отделано ореховым деревом, покрытым золотистым лаком. Металлические поверхности сияли позолотой, хрустальный бар в углу искрил гранями, когда внутрь заглядывали солнечные лучи.

Здесь было просторно, два кожаных дивана с дутыми спинками напротив друг друга, закругленный стол, накрытый дорогой магарской скатертью, чуть дальше — дверь в душ, шкаф для одежды с резными дверцами, бар с напитками. Ради интереса я заглянул туда, оценил подбор хорошего дубового виски, вина кохеттов и жвилья, колониальный кокосовый ром высшего качества, по двенадцать фартов за бутылку, граппа в прозрачном графине и кальвадос. Я вытащил темно-зеленую бутылку с узким хрупким горлышком, взглянул на сине-фиолетовую этикетку.

— Не рано ли начинаешь? — В голосе Стэфана сквозило явное неудовольствие.

— Даже не собирался.— Я стукнул ногтем указательного пальца по запечатанной пробке.— Чисто практический интерес. Кальвадос здесь подкачал. Короткая выдержка в дубовых бочках — слишком резок, на мой взгляд.

Я убрал напиток обратно в бар, закрыл хрустальную дверцу, на которой стекольный вырезал райских птиц, сел обратно на диван, бросив мимолетний взгляд на свою трость, расположившуюся в специальной подставке, недалеко от стола.

Черное лакированное эбеновое дерево, серебряные кольцеобразные вставки для усиления конструкции и тяжелая серебряная рукоятка-набалдашник в виде головы сварливого старикана. Лысый череп, хитрющие глазки, кустистые брови, острый нос и костлявый подбородок. Старина Стэфан предпочитает именно этот образ, хотя у него в рукаве есть еще несколько, но пользуется он ими крайне редко. Что бы там амнис ни говорил о том, что ему, духу, рожденному Изначальным пламенем, претит физическая оболочка, он очень трепетно относится к своему внешнему виду и несколько раз заставлял очищать металл от черного налета. Мол, тот придает его облику излишне неряшливый оттенок.

Трость, заботящаяся о том, как она выглядит,— вполне обычная вещь в нашем сумасшедшем мире.

Я прошел мимо зеркала, которое на мгновение отразило чэра лет тридцати, с темными, несколько длинными для нынешней моды волосами и пепельно-серыми глазами, облаченного в светло-серый костюм-тройку. Узел на шейном платке немного изменил форму, и я вернул его в прежнее состояние, про себя отмечая, что веки у меня сегодня слишком красные, а морщинки в углах глаз предупреждают любого, что я вот-вот готов рассмеяться, хотя это и не так.

Многие, особенно незнакомые, глядя на мое лицо, считают меня неплохим и несколько ироничным парнем. Это впечатление усиливается, когда я начинаю говорить. Я не люблю повышать голос, и обычно это создает образ некой расслабленности и неопасности. Что меня вполне устраивает.

— Стоило взять с собой вещи,— отвлек меня Стэфан.— Хотя бы маленький дорожный саквояж.

— К чему? — удивился я, откидываясь на приятную кожаную спинку.— Предпочитаю путешествовать налегке. Позже пришлю кого-нибудь за ними к Зинтринам.

Я развернул «Время Рапгара»... В отличие от многих, я предпочитаю начинать чтение утренних газет с последней страницы, той, где публикуют некрологи. На мой взгляд, любая, даже самая горячая новость часа, включая внезапную кончину Князя, или очередное восстание в очередной колонии, или находку очередных сапфировых приисков, может подождать, в отличие от смертей жителей Рапгара.

У меня в этом свой интерес. Я все еще продолжаю надеяться увидеть в списках трех братьев Клариссы, чэров Патрика эр'Гиндо, Мишеля эр'Кассо и чэру Фиону эр'Бархен — членов справедливой Палаты Семи<sup>1</sup>, господ старших инспекторов Грея и Фарбо, а также ублюдка Шольца из «Сел и Вышел». Ну и безымянного садовника, будь он проклят Изначальным огнем за погубленную поляну анемонов, что росли возле моего дома с момента основания Рапгара.

Кажется, никого не забыл.

— Ничего? — Стэфан был в курсе моих привычек и моей ненависти.

— Ничего,— холодно ответил я и прочел, подражая ленивому голосу Данте, когда тот цитирует фразы из скучной книжонки: — «Добрый сын», «хорошая сестра», «любящий муж». Ни одного мерзавца, подлеца и труса. Эти господа все еще имеют честь дышать воздухом Рапгара в совершенно возмутительных количествах.

Он усмехнулся.

— Что? — тут же спросил я, отрывая взгляд от строчек.

— Ты как хатлопелма<sup>2</sup>, мой мальчик. Только жители Паутинки могут столь терпеливо выжидать в засаде. Прошло полтора года, но ты даже не щелкнул жвалами, словно тебе и дела нет до всего этого.

— И?...

— Ты сильно изменился. Перестал играть. Стал менее порывист и более осторожен. Слушаешь, наблюдаешь и не тревожишь гнездо

<sup>1</sup> П а л а т а С е м и — организована Князем и подчиняется исключительно ему. Является высшим судом для лучэров, неподсудных обычным городским судам, а также одной из ведущих политических сил, способных с разрешения Князя влиять на процветание государства и дипломатические отношения с другими странами. В состав Палаты входят семь лучэров из высшей знати Рапгара. Распоряжениям Палаты Семи подчиняются мэры, Городской совет и серые жандармы Скваген-жольца.

<sup>2</sup> От *лат.* *Nauploelma lividum* — кобальтовый птицевед.

фиосс. Такой, признаться честно, ты мне нравишься больше, чем прежний. Становишься похож на своего деда. Он тоже всегда ждал до последнего.

— Ну тебе лучше знать.— Я растянул губы в вежливой улыбке и вновь уткнулся в газету.

— Эта тактика не работает, Тиль. Он не объявится,— вкрадчиво сказал амнис.

— Ты о ком?

— О том, кто за всем этим стоит. Иначе ты бы уже хоть что-то узнал. Выждать он может дольше, чем ты.

Я пожал плечами, скользя глазами по ставшим вдруг невидимыми строчкам. Не хочу и не буду верить в это, иначе моя и без того хлипкая надежда обернется прахом. Порой, просматривая некрологи, я начинаю думать: а вдруг это он, здесь, среди черных букв, оттиснутых на дешевой бумаге печатной машиной? Что гнусная сволочь спряталась за «любящим отцом», или «верным другом», или «храбрым офицером», а я даже этого не узнаю и так и останусь ни с чем. В такие минуты я начинаю испытывать нехарактерные для меня приступы страха.

— Считаешь, что я не прав? — Стэфан не стал отказываться от разговора.

— Верно. Так я и считаю.— За окном плыли пушистые облака и мелькали золотистые деревья.— Потому что семь с половиной лет назад он уже сделал свой ход. Отступить и прятаться поздно. Его ищут не только я. Верю, что Князь лично заинтересован в поисках виновного, а значит, серые ищейки Скваген-жольца работают.

— Тем более. Ты хочешь опередить профессионалов?

— Я? Ничуть,— солгал я.— Что касается их умения работать — сомневаюсь, что они смогут найти искомое по остывшим следам, раз у них не получилось это сделать по горячим. Впрочем, давай закроем тему. Она мне неприятна.

— Как тебе угодно.

Я начал листать газету задом наперед, словно какой-то малозанец.

— Что интересного пишут? — Стэфан всегда был жаден до новостей.

— «Команда университета Йозефа Кульштасса в третий раз подряд выиграла соревнования по академической гребле у университета Маркалыштука, проплыв по каналу Мечты от залива Тихой стоянки за рекордное время. Победители отправятся на мировое спортивное студенческое первенство защищать честь родного города»,— прочел я спортивную колонку под рисунком восьмерки обнимающихся гребцов.

— Ну да. Ну да. Махать веслами — все же не мозгами шевелить. Лучше бы учились, бездельники!

— Ты похож на сварливого старика.  
— Я и есть старик. А от такой жизни вполне можно стать сварливым. Там о грядущих беспорядках и драках в Старом парке между студентами враждующих университетов ничего не сказано?

— Ни строчки,— серьезно ответил я ему.

— Так я и думал. Помяни мое слово, Тиль. К вечеру случится грандиозная буча. Опять побьют все фонари.

— Лучше фонари, чем лица. После предыдущих соревнований было шестеро или семеро погибших болельщиков.

— Это если не считать десятка тех, кто застрелился, проиграв пари,— подхватил Стэфан.— Давно пора запретить все эти игрища. Или же отправить оболтусов на Арену. Если умрут, то с толком.

У амниса было свое мнение о некоторых спортивных состязаниях.

— Кстати, что там с Ареной? — оживился дух.— Сезон ведь открывается на следующей неделе! Не хочешь приобрести билет? Я с интересом окунулся бы в боевой азарт и поболел за Крошку Ча.

— Прости мне мою необразованность, но кто такая Крошка Ча?

— Ты словно и не лучэр. Совсем перестал интересоваться популярными азартными играми. Крошка Ча — это он. Лучший управляющий паровой машиной за всю историю Рапгара. Победил всех соперников. Он уже пять лет является абсолютным чемпионом. Никто против него и не ставит, хотя, если он когда-нибудь проиграет, кто-то озолотится.

— Вам, амнисам, только и надо, что потратить немного фартов ваших хозяев,— неодобрительно сказал я.

— Азартные игры у нас в крови,— не стал отрицать Стэфан.— Но ты же знаешь, мой мальчик, я этим не злоупотребляю.

— В отличие от моего брата,— нахмурился я еще сильнее.

— Не хочешь с ним поговорить?

— Нет. Ты же знаешь, чем обычно заканчивается подобное. Мой кошелек скудеет на пару десятков фартов. Виктор обладает уникальной способностью вытягивать деньги из родственников и спускать их в одночасье.

— Может, начнешь читать с первой страницы? Там все самое интересное.

— И не подумаю! Как тебе новость? «Вчера Городской совет выступил с заявлением, что дьюгони смогли полностью восстановить городскую дамбу, частично поврежденную после весенних паводков и поднятия уровня воды в озере Мэллавэн. Угроза затопления для западных районов Рапгара миновала». Нет, ты слышал? Если бы дамбу прорвало, то половину города смыло точно. Уровень воды в озере выше, чем в море, футов на восемьдесят. Если что и уцелеет, то лишь Холмы да Каскады.

— Что ты хочешь от Городского совета? — делано удивился Стэфан. — Ляпни они что-нибудь неутешительное, и мэр бы раскатал их быстрее, чем Палата Семи раскатала бы его. Дьюгони работали очень неспешно — почти четыре месяца. Если бы летом начались затяжные дожди, как три года назад, дамба могла и не выдержать.

— Ну дьюгоням это как раз все равно. Вода — их стихия. И они не слишком довольны политикой мэра. В последнее время заводы и фабрики Копоти, Сажи, Дымка и Пепелка сбрасывают им в воду кучу дряни. Они уже несколько раз подавали протест в Городской совет.

— Толку-то? — фыркнул амнис. — У детей рыб ограниченное гражданство. Их никто и слушать не станет.

Я посмотрел в окно — мы замедляли ход, подъезжая к очередной станции.

— Они не рыбы, кроме того, Глас Иных и Народная палата<sup>1</sup> на их стороне. И ты не прав, что их не станут слушать. Я уверен, что дамба повредилась не просто так. Несложно предположить, что на этот раз дьюгони ее не доломали. Следующая попытка будет удачнее. Если затопит Кошачий приют, мяурры поднимут такой вой, что даже владельцам фабрик придется прислушаться. Если не к ним, то к Князю. Он благоволит котам. Так что давно пора проводить сливные трубы через Соленые сады в реки.

— По мне, так уж сразу в грунт к тропеалам. Тогда цветочки мгновенно придумают, как очистить грязную воду от мусора. — Амнис рассмеялся дребезжащим смехом.

На станции мы стояли всего ничего, поезд вновь тронулся, и я углубился в чтение.

— ...Что еще интересного? — не выдержал Стэфан минут через тридцать.

— Смотри-ка. Через месяц в город приезжает оперный театр жви-ля. Ожидается аншлаг.

— Неужели тебе это интересно? Особенно после той интрижки с балериной? — изумился он.

— Не слишком. Точнее, совсем неинтересно. Но к этому событию обещают наконец-то дотянуть трамвайную ветку до Маленькой страны. А вот это уже куда важнее! — Я перелистнул страницу. — Обострение дипломатических отношений с Малозаном. Очередной виток.

— Кирус? — тут же догадался амнис.

---

<sup>1</sup> В состав Городского совета входят: Палата Благородных (лучеры, высокородные люди и военные), Народная палата (торговцы и избранные народом районов представители из числа людей), Палата Иных (представители других рас Рапгара, но не больше сорока процентов от Народной палаты).

— Верно. Кирус. Попросил у Рапгара помощи в защите веры от малозанских фанатиков. Здесь не хотят поклоняться солнцу. Князь ввел на остров Двадцать четвертый полк легкой пехоты, Семнадцатую роту магической безопасности и отправил к берегам союзника Второй флот. В том числе и броненосцы «Пламя», «Светлячок» и «Чэра Мария-Александра».

— Да ну? Она же была возле Магара! В порту Кальгару.

— И малозанцы, наверное, так думали. И вот тебе сюрприз: недалеко от их берегов — три тяжелых корабля. Того и гляди пальнут по дворцу шейха.

— Как ответил Малозан?

— Пока никак. — Я дочитал заметку, завершившуюся слащавой патриотической чушью. — Но южане непременно обидятся на ввод наших войск и устроят какую-нибудь пакость. Кирус — свободное государство, а не наша колония. Так что действовать следует ювелирно. Не уверен, что наши военные справятся. Вполне возможно, что к зиме начнется война.

— Вся эта защита веры — жалкое прикрытие. И Рапгар, и Малозан порвут глотки за черную кровь, найденную в белой земле острова.

Это точно. Кирус лет четыреста находился под протекторатом южной империи, пока отец нынешнего Князя не посоветовал прежнему шейху отвалить в свою пустыню, к финиковым пальмам, подбру-поздорову. Наши колониальные войска быстро переломили упрямство малозанца, и с тех пор остров свободен и независим, хотя многие его и называют негласной четырнадцатой колонией Рапгара.

Но год назад в горах Кируса нашли то, что назвали черной кровью. Не знаю, что это за дрянь, возможно, она осталась еще с того времени, когда мир населяли предки лучэров, но обнаружили ее исключительно в одном месте — на маленьком острове посреди Срединного моря.

Тут же пошли слухи, что тропаяллы, едва увидев черную кровь, отложили пору цветения на неопределенный срок, заперлись в лаборатории Больших голов и корней с чашелистиками отсюда не кажут. Либо нас в скором времени ждет очередной виток прогресса, от которого и так уже некуда деваться, либо я ничего не понимаю в этой жизни.

Маги тоже заинтересовались неизвестной субстанцией и уже успели сообщить, что потенциал некоторых заклинаний, в особенности тех, что запрещены Палатой Семи и разрешены лишь некоторым Благородным чэрам и альым<sup>1</sup> жандармам, при использовании черной воючей жижи увеличивается вчетверо.

<sup>1</sup> В Скаваген-жольце существует три отдела. Синий — расследующий обычные преступления, серый отдел — занимающийся политическими правонарушениями, и алый — занимающийся магическими нарушениями закона.

Разумеется, Малозан тоже захотел припасть к новому источнику власти и могущества, вновь заявил территориальные претензии на остров и начал подтягивать к морским границам крылья армий, впрочем пока избегая открытых нападений и ограничиваясь завуалированными, дипломатическими, оскорблениями.

Эта возня меня не слишком интересовала, поэтому я не стал читать мнения авторитетных людей и уважаемых жителей города и добрался до первой страницы. Где-то минуту изучал огромную надпись с кучей восклицательных знаков, затем с мрачным видом показал ее Стэфану:

— Твой пророк был прав, старая ворона. Все только начинается. Убийца и не думает успокаиваться. Его уже называют Ночным Мяником. Сегодня произошло третье убийство. И ты не поверишь — он все-таки выбрался из Ямы.

— Где? — односложно спросил амнис.

— Восток Соленых садов. Парень, кем бы он ни был, решил не сидеть на месте и отправился в путешествие по Рапгару. Если жандармы его не поймают, он того и гляди доберется до Небес или Золотых полей. Погиб... опять благородный господин. Имя не сообщается. Какое чувство такта! Не думал, что оно есть у наших газетчиков.

— Возможно, кто-то известный. Думаю, еще пара смертей, и серые мундиры Скваген-жольца возьмут под контроль прессу, иначе начнется паника.

— Все к этому и идет. А вот это уже интересно! Слушай. «Как общает достоверный источник, рядом с телом убийца оставил некую надпись, но представители западного отдела Скваген-жольца, в том числе и старший инспектор Грей, ведущий это дело, по поручению начальника жандармерии чэра Гвидо эр'Хазеппа отрицают такую информацию. Наш журналист видел, как несколько жандармов несли воду и краску, чтобы смыть надпись, хотя официальные лица Скваген-жольца отрицают и это, отмечая, что воду и краску использовали, чтобы удалить кровь и не пугать местных жителей. Нам остается лишь догадываться о том, какое послание оставил Рапгару жестокий убийца и почему власти скрывают его от общественности».

— Грей ведет дело? Они не найдут даже объедков! Правда, меня больше интересует не что написал убийца, а как он убил, — заявил Стэфан.

— Говорю же, ты слишком кровожаден. Даже для амниса. — Я, потеряв интерес к газете, бросил ее на стол и встал, решив прогуляться до вагона-ресторана, находившегося по соседству с моим вагоном.

Разумеется, можно было заказать еду и сюда, но я не люблю попусту гонять людей и Иных, когда что-то можно сделать самому.

В коридоре меня едва не сшибли с ног. Два господина неслись по проходу со скоростью летящего в пропасть паровоза. Один очень по-

ходил на представителя народа жвилья — нос с горбинкой, карие глаза и тонкие губы. Одет он был куда лучше, чище и изысканнее своего товарища. Во всяком случае, у меня не полезли глаза на лоб от сочетания несочитаемого. Чего я бы не сказал о его приятеле. Клетчатый потертый пиджак, ало-фиолетовый галстук, желтая рубашка и шляпа, на которой, казалось, основательно потоптался какой-нибудь махор, а может быть, слон.

Мужчина с потным красным лицом втоптал бы меня в ковер, если бы я не успел посторониться. Он, явно разочарованный тем, что случайная жертва ускользнула от него, буркнул в мой адрес нечто нелестное. Жвилья, немного запыхавшись, снял на ходу шляпу, и извиняясь, вежливо улыбнулся:

— Постите моего д'уга, чэ'. Он поте'ял кошелек.

Когда он говорил это, его темные глаза были холодными, колючими и отнюдь не вежливыми, в отличие от его слов. Я знал такие взгляды — успел повидать их у некоторых заключенных во время своей кратковременной экскурсии в рапгарскую тюрьму. Здесь главное — следить за руками такого человека. Стоит зазеваться — и кусок стали войдет тебе в печень, почку или шею.

Они появились и исчезли, словно выбравшийся из трущоб трутру. Я пожал плечами и, тут же забыв о них, дошел до ресторана, выпил кофе и вернулся к себе в купе, где Стэфан начал ворчать, что хочет спать.

Здесь меня насторожил странный шорох из шкафа. Я нахмурился. Крыса в вагоне первого класса — редкое явление. Резко распахнув дверцу, я едва избежал удара стилетом в грудь, отпрянув в последний момент и перехватив тонкое запястье.

Не слишком церемонясь, я рванул руку напавшего книзу, одновременно выкручивая ее, и услышал жалобный вскрик. Пришлось выволочь содержимое шкафа на свет, чтобы рассмотреть того, кто едва не испортил мой пиджак и все, что находится под ним.

«Содержимым» оказалась молодая женщина.

Ее заплаканное лицо было искажено болью, отчаянием и страхом. Впрочем, когда она разглядела меня, там появилась и еще одна эмоция — неземное удивление.

— О Всединный! — прошептала она. — Вы не они!

— Очень своевременное наблюдение, — сказал я, забирая из ее разом расслабившейся руки стилет. — Не знаю, кого вы ожидали повстречать в моем шкафу, но их здесь нет.

Стэфан благоразумно молчал.

— Отпустите, — попросила девушка и добавила совсем жалобно: — Больно.

Я поразмыслил над ее предложением и, решив, что хуже уже точно не будет — вряд ли в ее сумочке можно спрятать что-то крупнее пилочки для ногтей,— разжал пальцы.

— У вас медвежья хватка,— сказала она, все еще стоя на коленях и растирая запястье.— Простите, чэр. Мне нет оправдания за это нападение. Я увидела, что купе открыто, и подумала, что оно пустует. Я... я... мне нет оправдания... позвольте мне уйти.

Она бросила затравленный взгляд на дверь, ведущую в коридор. Было понятно, что выходить туда ей очень не хочется. Мое решение созрело мгновенно:

— Садитесь,— указал я на диван.— На полу холодно.

Девушка поколебалась, нервно коснулась красивой булавки в виде химеры, приколотой к ее жакету, но приглашение приняла, присев на самый краешек.

— Кто вы, чэр?

— Извините мои плохие манеры, леди. Я не успел представиться.— Я постарался, чтобы в моем голосе не было иронии.— Мое имя Тиль эр'Картиа.

— Эрин.

— Эрин? — Я поднял брови, подразумевая, что должно быть еще.

— Просто Эрин,— сказала она и разрыдалась.

Этого еще только не хватало! Когда начинают плакать женщины, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Я протянул ей свой носовой платок и позвал кондуктора, спрятав стилет под газету. Мяррр вопросительно посмотрел на всхлипывающую незнакомку, затем на меня, ожидая разъяснений.

— Эта леди — моя гостья. Пожалуйста, принесите ей чаю и какое-нибудь пирожное.

У него хватило чувства такта не проверять ее билет, решив заняться этим несколько позже. Кот вернулся меньше чем через минуту с подносом, на котором стоял чайник, чашка с блюдцем, кувшинчик с молоком, сахарница и нечто сладкое, воздушное и украшенное кремом — очередная кулинарная драгоценность от поваров жвилья.

Я дал кондуктору несколько фартов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной, и он откланялся, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Пейте,— сказал я, наливая в чашку темного чая.— Это вас успокоит.

Эрин благодарно кивнула и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась обворожительной. Да и сама девушка, несмотря на заплаканное лицо, надо отдать ей должное, была симпатичной. Утонченное личико с маленьким аккуратным носиком, большие, чистые, прозрачные голубые глаза, густые ресницы, на которых все еще блестели слезы.

Карминовые губы казались чуть припухлыми, изящные каштановые завитки волос падали на лоб из-под очаровательной шляпки.

Фигура у этой невысокой прелестницы была преотличной, и со вкусом подобранная одежда лишь подчеркивала это. Узкая юбка-талер плотно облегла бедра, расширяясь внизу наподобие лилии, консервативный жакет делал талию тонкой, подчеркивая грудь, а узкая сорочка с тугим воротничком и женским темно-кремовым галстуком давали простор для слишком неумного воображения. Тако-го, как у меня, например.

— Мне до сих пор страшно. Ведь я едва не убила вас, чэр! — Она поехала, словно от зябкого ветра.— С моей стороны было очень необдуманно приходиться сюда.

— От кого вы прятались? — поинтересовался я.

Девушка тут же помрачнела:

— От друзей моего жениха. Моего бывшего жениха. Я разорвала помолвку и сбежала за день до свадьбы, а они поклялись во что бы то ни стало вернуть меня под венец.

Лгала она тоже совершенно очаровательно, и я не верил ни одному ее слову, даже несмотря на широко распахнутые, прекрасные, невинные глаза. Смею надеяться, что Эрин действительно сожалела, что хотела проткнуть меня этой острой штукой, но вся история про жениха не стоит даже самой худосочной лапки фиоссы. Если каждая сбежавшая невеста будет тыкать стилетом в грудь очередного друга суженого, то мужское население Рапгара вымрет в течение года.

— Я не буду досаждать вам своим обществом, чэр эр'Картия. На следующей же станции я непременно сойду.

Я хотел сказать, что ее общество меня несколько не утомляет, но не успел. Меня прервали самым бесцеремонным образом.

Дверь едва не слетела с петель, девушка испуганно вскрикнула, вжавшись в стенку, а в проеме появилась красная потная рожа уже знакомого мне амбала, за которым маячил жвилья и еще какой-то усатый уродец, похожий на хорька в человеческом обличье.

— Вот она! — рявкнул красномордый, брызгая слюной, и, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, бросился к Эрин, выхватив нож.

Я с детства не люблю грубиянов. Их вульгарная бесцеремонность и мнение, что можно переть без спросу, всегда утомляют и раздражают. В данном случае я был хозяином этого купе и сам решал, кто будет здесь моим гостем, а кто вылетит отсюда.

Я без всяких экивоков ткнул тростью в живот ворвавшегося мужлана. Тот, не ожидавший от меня столь решительных действий, охнул, согнулся, схватившись за большое место, и округлил и без того выпученные глаза. Мне показалось, что этого мало для того, чтобы он запомнил простую истину — в дверь чужой собственности требу-

ется стучать, поэтому я ударил наглеца серебряным набалдашником по шее, и тот рухнул на пол с достаточно ощутимым грохотом.

Находящийся в дверях жвилья взял быка за рога, выхватив пистолет и направив его мне в лицо. Прищуренные карие, холодные, как у змеи, глаза, напряженный палец на спусковом крючке, темное восьмигранное дуло в пяти шагах от меня — чтобы все это увидеть, мне хватило доли секунды. Сработал не мозг, а мои оставшиеся от предков инстинкты — я принял Облик, отпрянул в сторону, и в этот момент грохнул выстрел.

Электрическая пуля ярко-голубой молнией ударила в стекло, разбив его на сотни мелких осколков, и ворвавшийся ветер подхватил оранжевые занавески. Человек наугад повел дулом, надеясь зацепить меня, но я уже был рядом, рубанул тростью по его руке, пистолет подскочил, и пуля проделала в потолке дыру с рваными краями.

Я швырнул трость, словно копье, в третьего, вновь стал самим собой, схватил стрелка за грудки и выкинул в окно вместе с револьвером и изумленным воплем. Меня несколько не смутило, что внешне парень выглядел несколько тяжелее и массивнее меня. Все-таки лучеры чуть сильнее людей, так что в моем поступке не было ничего экстраординарного. Надеюсь, что жвилья влетит головой в какое-нибудь дерево, благо мы как раз на полной скорости неслись через лес.

Третий из этой компании — тот самый не понравившийся мне усатый хорек — решил, что отправляться в окно ему совершенно не хочется, и бросился от меня прочь, прижимая к груди левую, поврежденную брошенной в него тростью, руку. Не знаю почему, наверное, исключительно из-за желания отвесить тумака по его костлявому заду, я рванулся следом, на ходу подхватывая Стэфана.

Нагнал я беглеца в соседнем вагоне и тут же отпрянул назад, заметив у него в руке обмотанный медной проволокой револьвер с мерцающим барабаном. В этот миг мимо меня пролетела синяя молния, продырявив дверь тамбура, словно та была из бумаги. И сразу же за ней — вторая. Я отступил подальше и оказался прав. Следующие две пули оставили два рваных отверстия там, где я только что прижимался к стене.

Эти новомодные электрические пугачи — та еще дрянь. Хуже них лишь магнитные винтовки с рельсовыми стволами, совсем недавно поступившие на вооружение Князя. Мой приятель Талер, человек, знающий оружие не понаслышке, говорит, что новые стрелялки совсем скоро причинят нам всем массу неудобств. На мой взгляд — они уже причиняют. Вот прямо здесь и сейчас.

Я не забывал считать, и, когда мимо просвистел шестой росчерк, а затем раздался сухой щелчок, выскочил в коридор, желая свернуть

человеку шею, прежде чем он поменяет барабан с патронами, но тот меня опередил. Он провел дулом разряженного пистолета по полу, рисуя на ковре черную черту.

— Стой! — заорал Стэфан, но я уже грудью наткнулся на невидимую стену и, отлетев назад, упал на бок.

Меня накрыла волна тошноты, я справился с ней, вскочил, рассерженно тряс головой, но незадачливого убийцы уже и след простыл, лишь хлопнула дверь тамбура.

— Кому говорил «стой!» — рассерженно рычал амнис. — Совсем ослеп, мальчик! Темное начало нарисовано на полу! Такого, как ты, это может и убить! Хорошо, что он не успел начертить знак полностью, иначе ты бы изжарился!

— И без тебя знаю! — огрызнулся я, все еще ошеломленный тем, что столкнулся с одним из изначальных магов, и раздосадованный, что эта сволочь умудрилась сбежать.

Я с мрачным видом посмотрел на черные полосы, испортившие прекрасный магарский ковер. Незаконченный лотос и цапля, вписанная в многоугольник, — точно такая же печать Изначального огня, правда горящая, когда-то лишила меня свободы на долгие годы.

Я поднял с пола свою шляпу, на ходу отряхнул испачканную тулью, водрузил себе на голову и поспешил назад. С этой глупой погоней я непростительно забыл об Эрин.

В моем вагоне из соседних купе выглядывали испуганные, побледневшие пассажиры, все спрашивали друг у друга, что произошло и почему стреляли. Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями пытался их успокоить. Мне он тихо сказал:

— Простите, чэр, но на станции придется вызвать жандармов.

Я остался бесстрастен. Заглянул в свое купе. Красотка Эрин пропала, а красномордый здоровяк лежал с воткнутым ему в сердце стилетом.

### Глава 3

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ

— Сегодня не твой день. Один идиотский поступок за другим.

— Ты злишься потому, что тебе не дали выспаться? — Я чувствовал раздражение от всего случившегося.

— Нет! Я злюсь исключительно из-за того, что ни один из этих криворуких господ тебя не убил! Иначе я бы давно уже обрел свободу и не торчал здесь с таким...

— Осторожнее, амнис! — В моем голосе появилась сталь. — Я не в настроении.

— Извини... хозяин, — тут же сбавил тон Стэфан. — Но разве ты не видел, что девушка та еще штучка?

— Видел. Если она невеста, а те грубые ребята — женихи, то мне становится страшно за таинство брака.

Нападение, попытка убийства, стрельба, маг и убийство — и это все за неполных десять минут. Таинственная Эрин появилась и тут же исчезла, оставив после себя труп одного из своих преследователей. Кто она на самом деле? Чего хотела? От кого убегала? Кто на нее напал? И почему она так внезапно ушла?

Можно строить догадки до бесконечности, но все они — песчаные замки на морском берегу. Ответов я все равно не получу. Лучшим вариантом было бы забыть это маленькое дорожное приключение как можно скорее. Выкинуть из головы всю случившуюся суету, как жвилья через окно.

Но у меня не слишком получалось. Во-первых, я по природе своей любопытен. Во-вторых, крошка Эрин привлекла мое внимание. Она была интересной. Казалось, в этой девушке есть что-то такое... живое, что ли? Да, пожалуй, именно это слово. Рядом с ней впервые за семь с половиной лет я почувствовал, что пробуждаюсь и становлюсь прежним собой. Тилем эр'Картиа. Таким, каким его знали до событий, случившихся на вилле «Черный журавль».

Эрин, таинственная девушка с карминовыми губами, была слишком непохожа на Клариссу и дам из высшего света. И, признаться честно, мне бы хотелось увидеть ее еще раз.

Я достал часы, покачал их на цепочке перед глазами, глядя на гравировку на крышке.

*«Тилу, в которого я всегда верил, несмотря ни на что. Дядя».*

Порой я чувствую себя большим подлецом. Я принял подарок, но так и не нашел в себе сил прийти и извиниться перед ним за те слова, что сказал ему после того, как славный судья Дикстоун огласил решение Палаты Семи.

Откинув крышку, я посмотрел на стрелки. Никогда не опаздывающий «Девятый скорый» впервые за свою историю задерживался на несколько часов.

После случившегося паровоз остановился на первой крупной станции — Лайльеге, и за дело принялись господа из Скваген-жольца. Перво-наперво они все оцепили, провели тщательную проверку, но Эрин и усатого мага и след простыл. Оставалось лишь предполагать, как им удалось покинуть несущийся на всех парах поезд.

Синие мундиры допрашивали пассажиров, в том числе и меня. На мое счастье, кондуктор подтвердил, что я всего лишь жертва обстоятельств и не причастен к убийству того господина. Пока поезд стоял, рабочие со станции успели поменять стекло в моем купе, уб-

рали труп, вынесли окровавленный ковер. Машинист ка-га шипел и плевался кипятком почище парового котла.

— Возмутительно! — верещал он, подпрыгивая перед жандармом и явно считая, что это действие придаст ему значительности. — Такая задержка! Дайте! Дайте справку с печатью, иначе профсоюз оторвет мне голову!

Стэфан тихонько фыркнул, возвращая меня к действительности.

— Что? — не понял я, перестав смотреть в окно.

— Тот жвилья. Его глаза. Клянусь Всеединым, они были крайне изумленными, когда ты принял Облик. Он явно не ожидал от тебя ничего подобного, мой мальчик.

Надо думать. Каждого жителя Рапгара с самого детства учат одному простому правилу — по возможности не задирайте лучэров с красными и янтарными глазами. Это старая кровь, сохранившая в себе память предков и, в отличие от остальных Детей Мух<sup>1</sup>, способная использовать и Облик, и Атрибут. Лишь Всеединый знает, кем они станут, когда вы нападете, и что они с вами сделают.

Все остальные чэры — свежая кровь, дети лучэров и людей, утратили древнее знание. И с ними можно уже не быть настолько вежливыми.

Мои глаза не алые и не желтые — они пепельные, но кровь моего отца оказалась сильна. У меня есть мой Облик и есть Атрибут. Конечно, им далеко до того, что имеется у Данте или того же Князя, но порой и этого достаточно, чтобы выиграть схватку. К примеру, в такой день, как сегодня.

Я выглянул в окно.

Мы уже проехали окраины Рапгара и Вольный город и теперь, миновав разветвление железнодорожной колеи, уходящей налево, к туннелю, проложенному под Холмами, приближались к вокзалу.

Рапгар, это огромное чудовище, раскинувшееся на двух берегах морского фьорда и окрестных островах, западной оконечностью упирающееся в пресноводное озеро Мэллавэн, выросал из-за горизонта бесконечными домами, дорогами, постройками и трубами далеких заводов и фабрик. Наш славный город — это одна большая братская могила мертвых, не совсем мертвых, не слишком живых и тех, кто делает вид, что он жив.

Он притягивает и отвращает одновременно. Столица страны многогранна, словно раздавленный калейдоскоп, из которого высыпались разноцветные стеклышки — зеленые, синие, красные и черные. Все вперемешку. Здесь можно найти настоящее сокровище и смрадный мусор, уютный уголок и отвратительную ночлежку, отыскать

<sup>1</sup> Дети Мух — одно из уничижительных прозвищ лучэров. В древних рукописях писали, что лучэры произошли от вырвавшейся из Изначального пламени огненной мухи (хотя это и не так).

друга и обрести массу врагов, начать новую жизнь или же распрощаться с ней навсегда. Рапгар — страна множества рас, королевство богачей, царство нищих, мир пара и электричества, пропахший гарью, порохом, испражнениями скангеров, утонченными духами, свежим морским бризом, Королевством мертвых и персиковыми садами.

Районы Иных, плотно застроенные, с теснящимися друг к другу домами, темными крышами, серыми стенами, высокими шпилями старой застройки тянулись по обе стороны от железной дороги. Здесь, как всегда, царили оживление и сутолока. Люди и нелюди спешили по своим делам, торговали и заключали сделки. Наперегонки с поездом отправились несколько фиосс. Судя по бледным полоскам на брюшках — совсем еще дети, каким-то чудом умудрившиеся вырваться из-под назойливой опеки родного роя.

Пузатый молодняк, весело жужжа, летел рядом с моим вагоном. Один из них заметил, что я наблюдаю за этой гонкой, помахал мне черной лапой и растянул зубастую пасть, что означало дружелюбную улыбку. Я помахал в ответ, и он, довольный вниманием, поднажал еще сильнее, надеясь если и не обогнать паровоз, то хотя бы полить машиниста ка-га.

Они отстали от «Девятого скорого», лишь когда начался университетский район Маркальштука — ухоженный, с подстриженными газонами и золотыми парковыми рощами — прекрасный оазис среди дикого южных районов Рапгара. Гордость университета — огромная обсерватория, купол которой в хорошую погоду был виден даже с противоположного берега, — на секунду закрыла собой половину неба, а затем сгнула, уступив свое место университетским корпусам.

— Ты хотя бы осознал, что тебя могли убить? — нарушил молчание Стэфан.

Я хотел ему ответить, что как-то поздно трепыхаться по поводу собственной смерти, но решил не раздражать по-пустому.

— Внимание жандармов тебе ни к чему, — продолжал давить амнис.

— Перестань! — отмахнулся я от него. — Ничто в этом мире не способно испортить мою репутацию. Нечего уже портить.

Поезд тем временем выехал на мост Разбитых надежд — самый длинный и высокий в Рапгаре. Он соединял южный берег с Сердцем — крупным островом, который был связан с другими, более мелкими островами и северным берегом. Висячий мост построили почти двадцать лет назад, и тогда никто не верил, что это огромное стальное сооружение длиной почти в полторы мили, с уходящими в воду опорами, взлетающими на недосягаемую высоту альпийскими крыльями и натянутыми стальными тросами, горящее ночью электрическим светом, — простоит хотя бы день. Но он выдержал, несмотря на то что до сих пор казался многим слишком изящным, хрупким и воздушным.

Кроме железной дороги по мосту проходила и обычная — для экипажей и пешеходов. Предприимчивые ка-га обо всем позаботились и постоянно тянули плату из города за право пользования своим детищем. Уже пару раз случались ситуации, когда мэр пытался проташить в Городском совете предложение о национализации важного для города объекта. Но Глас Иных и забастовки ка-га, а также недовольные акционеры из числа уважаемых жителей Рапгара на корню пресекали эти попытки градоначальника перевести денежный поток в свои руки.

Впрочем, мост Разбитых надежд так назывался не потому, что он не рухнул в первый же час после завершения строительства, на чем букмекеры потеряли кучу наличности. И не оттого, что у мэра так и не получилось взять власть над этой золотой жилой. Просто последние двадцать лет прыжок с моста — чаще всего используемый способ расстаться с жизнью.

Сюда приходят все — проигравшиеся в Яме, несчастные влюбленные, лишенные гражданства, потерявшие работу, расставшиеся со всеми надеждами и просто уставшие от сумасшествия нашего мира.

Четыре с небольшим секунды свободного падения — и покойника, если тому повезет попасть в течение и всплыть, через несколько дней баграми вытаскивают из воды лодочники или жандармы. Или же, если они не поспешили, набежавшие скангеры или выползший из темной норы тру-тру оприходуют несвежее мясо по-своему. Падальщики и людоеды чувствуют мертвых гораздо лучше, чем живые.

Далеко на западе в голубоватой дымке виднелась широкая серая ребристая полоса — дамба дьюгоней, отделяющая огромное озеро Мэллавэн от фьорда, вода в котором была чем дальше от преграды, тем солонее. Перед дамбой раскинулся низкий, застроенный домами длинный остров. Я бы на месте жителей его районов — Паутинки, Хвоста и Гетто Два Окна — нервничал. Чуть ли не каждый год газеты писали, что по всем математическим расчетам выстроенная дьюгонями плотина не выдержит напора воды и зальет Рапгар по крыши. Если такое случится, то Паутинка и иже с нею утонут первыми в течение нескольких минут.

Правее от дамбы располагались самые грязные заводские и фабричные районы. Очаровательная четверка: Пепелок, Дымок, Сажа и Копоть. Я в жизни там не был и надеюсь, что никогда не попаду, так как у меня нет запасных легких.

Многочисленные трубы предприятий, работающих на благо города и страны, пачкали небо бесконечными столбами дыма самых странных и нелепых цветов, вплоть до алого и зеленого. При ясной погоде, когда начинался закат, из-за этих выбросов в воздух солнце окрашивалось во все оттенки радуги, а его лучи создавали и вовсе не виданные оптические эффекты. Боюсь, таких перемешанных палитр

не мог бы изобрести даже воспаленный мозг лунатика, который обожрался наркотика мяурров.

На счастье жителей Рапгара, роза ветров, властвующая над городом, была такова, что весь дым сносило на запад, на озерный край и начинавшиеся за ним леса. В противном случае вся столица давно бы успела зарастить сажей и провонять вплоть до старых катакомб.

Мы миновали мост, под которым спокойно проплывали корабли, и въехали в Сердце — деловой центр Рапгара, пристанище крупных банков, представительств компаний, посольств, магазинов, Академии доблести и Скваген-жольца. Дома здесь были не в пример выше, красивее и чище тех, что остались на южном берегу, а улицы широки и просторны.

Поезд начал замедлять ход, миновал небольшой туннель, проложенный под проспектом, где располагался любимый ресторан Данте, и не прошло и двух минут, как мы оказались на Центральном вокзале.

Вагон остановился у перрона, я встал и уже собирался покинуть купе, когда мое внимание привлек маленький желтый лоскуток, торчащий между спинкой и кожаной подушкой дивана, на котором недавно сидела Эрин.

— Что это? — нахмурился я, подошел поближе, и в руках у меня оказался женский шелковый платок.

Он был канареечно-шафранным, с витиеватыми оранжевыми разводами и едва уловимо пах духами Эрин — красный мандарин, ваниль и свежесрезанные цветы.

— Забыла, когда убегала в спешке? — высказал предположение Стэфан.

— Тогда бы он просто лежал на сиденье. Или на полу. Нет. Она его спрятала. Разве не видишь?

— Вижу. Но не понимаю. Что ценного в обычном, пускай и шелковом, платке?

— Если бы я знал. Но Эрин, похоже, опасалась держать его при себе. — Я посмотрел ткань на свет, но ничего интересного не нашел, немного подумал и убрал вещь в карман брюк.

— Что ты делаешь? — тут же забеспокоился амнис.

— То, что считаю нужным. Здесь он точно пропадет. Возможно, мне когда-нибудь представится возможность встретиться с ней еще раз.

— Глазам своим не верю! — Если бы у Стэфана были руки, он бы ими непременно всплеснул. — Ты решил, что не стоит забывать эту смазливую убийцу!

— Ну здесь, положим, надо разобраться, — неохотно ответил я, направляясь к выходу. — Ее стилет в груди того жмурика еще ничего не значит.

Я распрощался с поклонившимся кондуктором и неспешно пошел по перрону, стараясь избегать сутолоки, устроенной пассажира-

ми, и носильщиков с телегами, нагруженными чемоданами, коробками и корзинами.

К запаху смолы от шпал здесь примешивались ароматы ванили, корицы и сдобы. Чуть дальше, прямо на перроне, мальчишка из народа кохеттов торговал булочками.

Десять платформ вокзала были накрыты застекленным куполом, сквозь который проникал дневной свет. Под куполом мелькали крылатые тени — голуби и носящиеся по делам и поручениям фиоссы. Они благоразумно не залетали в основное здание вокзала, не желая сталкиваться со своими вечными врагами — хаппопелмами. У двух этих рас были стародавние счеты, и, зная некоторую вспыльчивость хапп, поведение фиосс можно было назвать очень разумным.

— Не люблю этот вокзал, — между тем ворчал Стэфан. — На месте прекрасного дубового парка и фонтанов Городской совет выстроил это убожество, сделанное из стекла, кирпичей и стали. Теперь оно смотрится как какая-то язва на Сердце. Чем политикам не угодила прежняя стоянка паровозов?!

— Не приукрашивай, — попросил я его. — Старый вокзал очень давно не справлялся с людским потоком. Хорошо, что построили новый.

— Тебе же хуже. Теперь приходится добираться до дома через половину города.

Возле паровоза я стал свидетелем безобразной драки между тремя ка-га. Двое чиновников с золотыми цепями членов профсоюза, сопя, мутузили вопящего и размахивающего справкой машиниста опоздавшего поезда.

Ка-га похожи на толстых, объевшихся кротов, которые не смогли проглотить большую морковку, и теперь она торчит у них из пасти. Эти ребята ростом чуть выше моего пояса, приземистые, с лоснящейся, покрытой складками, черной шерстью, с широченными розовыми руками, маленькими поросычьими глазками и длиннющим носом, который как раз и похож на морковку.

— Я тебе такую справку покажу! — пискляво вопил один из чиновников, пытаясь пнуть машиниста короткой ножкой. — Репутация всей железной дороги мяурру под хвост! Акции компании упали на четырнадцать пунктов!

Машинист, понимая, что бумажкой с печатью делу не поможешь, ловко сяданул представителя компании «Железные дороги Рапгара» по носу.

— Ах вот ты как?! — взвизгнул тот, и началась форменная свалка.

Вокруг стали собираться зеваки, подбадривая драчунов выкриками и смехом. Дерущиеся ка-га — зрелище довольно забавное. Несколько фиосс, оставив дела, сели на окрестные фонари, решив насладиться бесплатным представлением. Какой-то человек с карандашом,

как видно, журналист одной из газет, строчил в блокноте, в красках описывая драку.

Я вошел в зал ожидания вокзала, где на огненном табло горели данные обо всех отправляющихся сегодня поездах. Людей и нелюдей здесь тоже было достаточно, но, по счастью, обошлось без толчеи.

Привычно подняв взгляд к куполообразному потолку, я увидел двух хапlopелм, находящихся на службе у Скваген-жольца и патрулирующих вокзал. Эти прекрасные создания — лучший гарант отсутствия преступлений. Ни один карманник, вор и убийца не решится заниматься своим ремеслом под взглядом множества глаз огромных пауков.

Мне показалось, что одна из хапл смотрит на меня. Вот уж кого не люблю, так это жителей Паутинки, даже несмотря на то, что это лучшие солдаты в гвардии Князя. Хапlopелмы — крайне агрессивные и жестокие существа. А когда над тобой нависает озверевший паук восьми футов в высоту и четырнадцати футов в длину, с огромными жвалами и скоростью, в три раза превосходящей скорость охотящегося мяурра (а это о чем-то да говорит!), — надо быть начеку.

Впрочем, следует отдать должное — хаплы редко нападают первыми, конечно, если ты не являешься представителем народа фиосс или кровососов завью. Пауки не любят летающих существ.

— Осторожно! — поспешно сказал Стэфан, и через секунду передо мной уже находилась спустившаяся с потолка хапlopелма.

Огромная головогрудь с четырьмя большими, мохнатыми, суставчатыми лапами, маленькое пузатое брюшко, две пары коротких проворных «ручек» с двумя когтистыми пальцами и очень внушительные хелицеры и педипальпы<sup>1</sup>, каждая из которых заканчивалась острым ядовитым когтем. Вся хапла, а, судя по насыщенному кобальтовому цвету, это оказалась самка, была покрыта толстым слоем волосков, очень похожих на шелковистую шерсть.

В общем, очаровательное зрелище, особенно для неподготовленных умов. Даже если заглянуть в каждый из шести блестящих агатовых глаз, никогда не поймешь, что на уме у этого существа. Оставалось лишь надеяться, что тебя не перепутали с мухой.

Она раскрыла страшные жвалы, и я услышал:

— Чэр эр'Картия? — Тихий шелест исходил из ее утробы.

— Совершенно верно, — сказал я, глядя ей прямо в «лицо».

В общении с сотрудниками Скваген-жольца до поры до времени следует сохранять вежливость.

— Следуйте за мной... Пожалуйста.

---

<sup>1</sup> Х е л и ц е р ы — первая пара ротовых придатков паукообразных, иначе называемая верхними челюстями и челюстными усиками, тогда как вторая пара называется педипальпами, нижними челюстями, или максиллами.

Решив, что этого достаточно, она развернулась на месте и с изяществом трамвая поперла вперед, заставляя посетителей вокзала пошевеливаться и расходиться в стороны, уступая дорогу.

Мне не оставалось ничего иного, как идти следом, хотя, конечно, можно было спросить, в чем дело и куда меня ведут. Но проще и быстрее дойти, чем пытаться препираться с кобальтовой красавицей. Я не слишком-то спешил, и хаплелма сбавила прыть, приноравливая к моей походке.

Мы прошли весь зал насквозь и оказались на улице, напротив большой площади Сумок. Здесь меня ждал старший инспектор Фарбо. Он несколько не изменился за годы, что мы не виделись. Все те же широкие плечи, едва помещающиеся в дешевый полосатый пиджак, бульдожья морда, заросшая редкой рыжеватой щетиной, и пронизательные голубые глаза, сверкающие из-под полей надвинутой на лоб шляпы.

— Старший инспектор,— холодно приветствовал я его, не сочтя нужным касаться шляпы.— Какая честь.

— Чэр эр'Картия,— прогудел Фарбо.— Доброго дня. Простите, что пришлось искать с вами разговора столь оригинальным способом. Я боялся, что вы воспользуетесь другим выходом и мы с вами разминемся.

Я сделал вид, что поверил в эту чушь. Цепной пес Скваген-жольца вполне мог встретить меня возле поезда, раз уж ему так хотелось побеседовать. Для этого ровным счетом ни к чему было отлавливать меня с помощью хаплелмы. Фарбо знал, что делал — не упустил возможности мне досадить, к тому же его, в отличие от паучихи, я мог бы и проигнорировать.

— Благодарю вас, офицер,— сказал он, отпуская хаплу, и та бесшумно скрылась в здании вокзала.

Эдакое чудовище на службе порядка и закона Рапгара.

— Не желаете пройтись? — Старший инспектор приглашающим жестом указал в сторону площади.

Фарбо старался показать свою любезность, но и я, и он знали, что друг друга нам обмануть не удастся.

— К сожалению, у меня нет на это времени,— сказал я.— Если вас что-то интересует, то я предпочел бы разобраться с этим как можно скорее.

— Ну что же,— не стал спорить инспектор и вытащил потрепанный блокнот.— Давайте здесь, раз вас это не смущает. Наши сотрудники успели передать сообщение в Скваген-жольц о случившемся в «Девятом скором». Как я понял, вы были свидетелем произошедшего. И в вас, кажется, даже,— Фарбо заглянул в блокнот,— стреляли.

— Совершенно верно.

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

• Под знаком  
мантикоры •



### *Posta di coda lunga a distesa<sup>1</sup>*

«...Дали Они нам Знание, и стали мы называть Их Учителями, а Они нас учениками. И было так. И в двадцать седьмой день месяца...»

Строчки текли легко и ровно. Ему было не привыкать писать, Себастьян занимался этим уже более сорока лет, еще до встречи с Учителями.

Закончив абзац, он отложил перо и, поморщившись, закрыл ладонями глаза. Неприятная резь и слезотечение — вот главная награда любого хрониста, особенно если работать приходится постоянно, да еще и при свете свечи. На сегодня хватит. Рукопись может подождать до завтрашнего утра, иначе попытка для глаз и спины станет попросту невыносимой и он не сможет взяться за перо еще несколько дней. А для человека, который взял на себя обязанность вести историю жизни двух Учителей, подобное недопустимо.

Себастьян, кряхтя, встал со стула и, выбравшись на маленький балкончик, полной грудью вдохнул пьянящий аромат ночи. Пахло остывающими после дневной жары камнями, персиковым ароматом кальяна и морем. Город Иштака погружался в сон, наслаждаясь ночной прохладой. Старый хронист посмотрел на горизонт, туда, где не было городских огней и царил мрак пешханской пустыни.

Внизу раздались голоса. Терзаемый любопытством, Себастьян перегнулся через ажурные балконные перила и посмотрел в сад. Открывшееся его взору зрелище поразило до глубины души. Он увидел то, чего попросту не могло быть. Это не укладывалось в голове, казалось неестественным, нелепым и неправильным. Всегда мудрые, всегда спокойные и уравновешенные Учителя спорили, словно двое самых что ни на есть обычных людей. Это происходило, как видно, уже давно, ибо говорили они резко и раздраженно, едва не срываясь на крик. Младший из них — высокий, темноволосый мужчина в белоснежном одеянии паломника — сидел на низком диванчике, скрестив ноги. Черные брови были нахмурены так, что сошлись у пере-

<sup>1</sup> Стойка длинного и вытянутого хвоста — провоцирующая стойка. Из нее можно завязать и развить весь бой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

носицы. Его старший собеседник — худощавый, длинноволосый и голубоглазый — мерил маленькую площадку широкими и нервными шагами. Глаза его лихорадочно блестели.

В запале ссоры двое не видели и не чувствовали затаившего дыхания человека. Старый хронист, холодея сердцем, вслушался в беседу двух братьев. Тех, кого он и Избранные привыкли именовать Учителями.

— Ты не понимаешь!

— Нет. Это ты не понимаешь! — воскликнул сидевший. — То, что ты предлагаешь, — безумие!

— Это обессмертит нас! Неужели ты не хочешь, чтобы о нас помнили в веках?!

— Хочу! Но не такой ценой! Тебе мало того, что ты имеешь? Ты мечтаешь слишком о многом!

— Я делаю это для людей! — Старший брат остановился.

— Нет, ты хочешь сделать это ради собственного тщеславия! Люди никогда не поймут и не простят тебя, если узнают правду.

— Люди слабы и беспомощны.

— О нет! Они достаточно сильны для того, чтобы принять знание.

Себастьяну мучительно захотелось отступить обратно в полумрак комнаты. Но предчувствие того, что этот разговор может закончиться бедой, удержало его на месте. Хронист вытер ладонью вспотевший лоб. Тихая иштатская ночь стала отчего-то слишком душной...

# Часть I

## REPRISE<sup>1</sup>

### ГЛАВА 1

Si putas in proelio ictus a tergo solam esse vincendi rationem, eo utere.

*Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi<sup>2</sup>*

— А, валаи! — выругался Бето, когда его лошадь в очередной раз поскользнулась, присела на задние ноги — и он едва не загремел с седла в особенно глубокую и мерзкую лужу. — Искуситель бы побрал эту клятую погоду, сеньор! И эту поганую клячу!

— Эта «кляча», мой дражайший лентяй, лучших нельпских кровей, — хмыкнул тот, кого Бето назвал сеньором.

— Простите мою дерзость, сеньор, но что-то это не очень заметно! Она упряма, как мул! — На заросшей щетиной физиономии промелькнуло истинное огорчение. — Как только мы вернемся в Эскарину, дам ее мяснику!

— Между прочим, она стоит сорок пять этудо. — Кажется, желание слуги избавиться от столь хорошей лошади очень позабавило его спутника.

— Да? — Бето, явно не ожидавший такого поворота дел, нахмурился и с сомнением почесал огромный нос. — Ну и пусть!

— Дело твое. — Фернан едва заметно пожал плечами. — Можешь продать ее мяснику или подарить, можешь проиграть в кости. Я возражать не буду.

— Спасибо, сеньор! — Кажется, Бето был крайне удивлен такой покладистостью своего господина.

— Но учти. Впредь ты будешь ходить пешком, а сорок пять этудо я удержу из твоего жалованья, — все таким же безразличным тоном продолжил Фернан.

Услышав последнюю фразу, Бето погрузился, вновь почесал нос и задумался. Несколько минут прошли в молчании. Наконец слуга соизволил сделать выводы:

— Сеньор...

<sup>1</sup> Р е п р и з а — вздвоенная атака (*фр.*).

<sup>2</sup> Если считаешь, что в бою удар в спину — это единственный способ победить, пользуйся! (Джованни Тече. Мастер фехтования). — *Здесь и далее перевод на латынь И. Ю. Шауба.*

— Да? — Фернан отвлекся от своих мыслей и посмотрел на прохиндея.

— Я тут подумал и решил, что такая замечательная животи-на — слишком жирно для мясника. Валаи! Бедняжка не виновата, что дорога скользкая! Это все распроклятый дождь! Именно из-за него такая грязь! Я решил не продавать ее. Вот!

— Мудрое решение, Бето. — Фернан едва сдержал улыбку. — А теперь будь любезен помолчать. Прежде чем мы доедем до Арреды, мне надо подумать.

Слуга поспешно кивнул, сплюнул, едва слышно пробормотал себе под нос привычное «валаи» и замолчал. Теперь уже надолго. Иногда он вертел головой и с огорчением пятилетнего ребенка разглядывал местность, куда его забросила нелегкая судьба. От Эскаринны — столицы Таргеры — до территории, по которой сейчас ехали двое всадников, было чуть больше пяти часов езды, но разница между расположенным у Сарейского моря городом и этой дырой была разительной. Сплошные холмы и леса. Ни открытого пространства, ни моря. Одно слово — провинция.

Ночью здесь прошел сильный дождь, и дорогу, выщущуюся по склонам пологих холмов, которые до самых вершин заросли дебрями дикого винограда, развезло. Даже жаркое послеобеденное солнце так и не смогло высушить огромные лужи и привести тракт в надлежащий вид. Жирная рыжеватая грязь противно чавкала под копытами лошадей и заставляла всадников быть начеку. В любой момент животные могли поскользнуться, и люди, решившие отправиться на столь странную прогулку по ненадежной дороге, старались придерживать своих коней. Из-за этого Фернан уже опаздывал на час. Если не на два.

Спустя какое-то время холмы остались позади — и всадники въехали в небольшую долину. Быстрая речка, маленькая сонная деревушка. Ничего примечательного. Лишь шпили небольшого охотничьего замка, расположенного на дальней оконечности долины, немного оживляли пасторальный пейзаж. Фернан посмотрел на замок, удовлетворенно кивнул и ударил лошадь в бока каблуками сапог. Бето вновь пробормотал «валаи!».

Дорога была сухой, не то что во время путешествия через холмы, и скорость всадников заметно увеличилась. Через деревушку они пролетели, словно горячий августовский ураган, что иногда обрушивается на Таргеру, преодолев Сарейское море.

— И какой Искуситель<sup>1</sup> дернул сеньора покойника, сохрани Спаситель его светлую душу, так далеко забраться от столицы? — пробормотал Бето и вновь сплюнул.

<sup>1</sup> Образное выражение. Синоним злых людей, убийц, душегубов.

Фернан ему не ответил. Замок назывался Арреда и был построен лет двести тому назад тогдашним королем. Небольшой, аккуратный, почти игрушечный, Арреда не был приспособлен для обороны. Никто не собирался пережить нападение врагов за тонкими, невысокими стенами или в двух изящных, но совершенно не приспособленных для боя башенках. Охотничий замок — вот его второе название. Раньше тут очень любили останавливаться короли, благо здесь их всегда ожидала славная охота на ланей и лесных котов. Но короли имеют премерзкое свойство умирать или быть умерщвленными. Предку нынешнего короля не повезло. Как раз во время охоты в окрестностях этого замка он получил арбалетный болт в шею и приказал долго жить. Стрелка не нашли, а безутешная вдовствующая королева так невзлюбила место, возле которого погиб ее муж, что передала эту нелюбовь своим детям. Ни один король Таргеры больше ни разу не приезжал в Арреду, и, так как замок в общем-то стоял без дела, его быстро подарили за какие-то заслуги одному из военачальников рода де Туриссано.

Так что сейчас эта затерянная меж холмов провинция Нуорра игрушка принадлежала одному из потомков де Туриссано, а если быть точным, то Мигелю де Туриссано графу Майдельскому, командующему «Ураганными головами», маршалу кавалерии Таргеры, носителю ордена Святого Антония и прочая, прочая, прочая. И как это ни прискорбно звучит, граф Майдельский вот уже часов шестнадцать как был покойником. Именно это досадное обстоятельство и заставило Фернана ранним утром покинуть столицу и направиться в замок, чтобы лично убедиться в смерти столь известной в высших военных кругах Таргеры личности.

Они проехали мимо стен, сложенных из желтого камня, и оказались у распахнутых ворот.

— Это... — Бето выглядел настолько озадаченным, что даже забыл выругаться. — А где все, сеньор?

— Сейчас узнаем.

Они въехали во двор и сразу же увидели карету, запряженную четверкой ослепительно-белых лошадей. На дверцах был изображен крест Спасителя, и набожный Бето не преминул перекреститься и прошептать быструю молитву. Крест был не белого, а бордового цвета. Фернан лишь едва заметно опустил уголки губ и даже не озабочился помянуть Спасителя. Сеньор де Суоза не очень-то любил Орден отцов-дознавателей Святой Церкви. У маркиза люди, облаченные в бордовые рясы и имеющие дело с магией, пускай она хоть трижды является даром Спасителя, вызывали стойкую антипатию.

Нет, конечно, сеньор де Суоза понимал, что Орден крови Бриана нужен и стране и Церкви, понимал, что магия всего лишь инструмент, но вот только этот инструмент оказался совсем не в тех руках...

Попросту говоря, сеньор де Суоза не слишком одобрял догматы, которыми Святая Церковь в лице отцов-дознавателей выжигала ересь, семя Искусителя и все то, что мешало клирикам жить на широкую ногу. По мнению Фернана, за последние два столетия Святая Церковь уж слишком часто стала лезть в дела мирские, а в особенности политические. Больше всего в этом усердствовал Орден крови Бриана. Священники в бордовых рясах совали свой нос во все дыры.

Кардинал Таргеры тоже был выходцем из Ордена крови Бриана. Ранее небывалый случай, чтобы отец-дознаватель принял на себя кардинальские регалии, а теперь пожалуйста, никого этим уже не удивишь. Фернану не было дела до внутренних склок церковников. Пускай «бордового» хоть Папой сделают, ему все равно. Куда больше маркиза тревожил другой Орден, который клирики называли не иначе как Карающим Клинком в руках Спасителя или «серыми» монахами, а народ — «гарпиями». Эти были настоящими фанатиками, и слава богу, что Орден был малочисленным. Но, похоже, последнее обстоятельство клириков несколько не смущало. Своим фанатизмом «серые» иногда пугали даже «бордовых» братьев, не говоря уже о других многочисленных церковных орденах Таргеры. «Гарпии» были готовы сжечь любого, кто не поминал Спасителя по сто раз на дню и не чтит церковных постов. Но это так, мелочи. Ну подумаешь, сожгли на костре пару еретиков. Делов-то! Авось Таргера еретиками не оскудеет — и отцам-дознавателям еще найдется работа.

Куда страшней было совсем другое — шестьдесят лет назад возникшая в Ордене крови Бриана Таргеры палата «гарпий» очень напористо и грамотно начала рваться к власти. Святые отцы уже умудрились основать свой Орден. Что будет дальше? Пока «бордовые» еще владеют ситуацией, но кто поручится, что года через два «серые» не займут главенствующее положение в таргерской Церкви? В отличие от братьев других церковных орденов все входящие в Орден «гарпий» обладали Даром. Магией. Спаситель к ним явно благоволил.

Они могли посоперничать со своими «бордовыми» братьями и были раза в три сильнее клириков из других орденов. Чего в этом мире до сих пор не хватало, так это святош-фанатиков, у которых руки так и чешутся, дабы применить Дар отнюдь не в мирных целях! Случись так, что «умные» головы решат бросить «гарпий» в бой... если в битвах начнут использовать магию, подаренную Церкви Спасителем... Нет! Положительно лучше об этом не думать! Что будет с единой Церковью, если святоши вражеских стран начнут бросать в головы друг друга сияющие копыя истинного света? Раскол и столько крови, что любая война — даже великие походы предков на восток во славу Спасителя покажутся незначительными стычками. Папа не мог не знать, какую опасность представляют «серые», но пока ничего не предпринимал. Выжидал. На взгляд сеньора де Суоза, убивать

дракона надо, пока он маленький и не умеет плевать огнем, иначе тварь вырастет и будет поздно.

Все эти мысли за долю секунды пронеслись в голове Фернана.

— Валаи! Видать, дело плохо, если «бордовые» приехали, а, сеньор?

— Скоро увидим, насколько все плохо.

Как и следовало ожидать, карета была пуста. Зато у входа в дом стояли люди. Двое. Кирасы, короткие алебарды стражников. По расцветке мундиров он заключил, что эти двое из гарнизона Эскарины. К тому же стражники были не простые, а из жандармерии<sup>1</sup>. Далеко же их занесло! Увидев вновь прибывших, люди прервали разговор. Не доезжая до них ярдов десять, Фернан спешился, передал поводья слуге и медленно пошел в сторону стражников. Те с интересом и явным любопытством изучали идущего к ним дворянина.

Сеньора Фернана вряд ли кто осмелился бы назвать красавцем. Слишком резкие, угловатые черты лица. Тонкие губы, высокие, будто вырубленные палашом скулы, холодные голубые глаза, бледная кожа. Волосы, брови, прямые усы и маленькая аккуратная светлая борода. В Таргере, где основная масса населения смугла и черноволоса, блондины встречались достаточно редко. Фернан был худощав, жилист, гибок. Но отнюдь не слаб. Двигался он легко и непринужденно, с грацией танцовщика зажигательной ральеды или опытного фехтовальщика.

Его невысокий рост служил причиной едких, а порой и ядовитых замечаний при дворе. Впрочем, замечания как-то разом прекратились, когда прогремели четыре дуэли с излишне резкими насмешниками. После трех поединков злопыхателей уносили с поляны под отходную молитву священника вперед ногами. В последнем бою не в меру говорливый бретер просил прощения у сеньора Фернана, стоя на коленях. Впрочем, ему ничего другого не оставалось — с приставленной к горлу шпагой не поспоришь. С тех пор с невысоким блондином предпочитали не связываться, а если и злословили по поводу его маленького роста, то тихо и тайно.

Всегда подтянутый, опрятно одетый, прекрасно умеющий скрывать свои эмоции от окружающих под маской спокойствия, а иногда и высокомерия, сеньор Фернан был нелюбим двором. Он не очень-то из-за этого расстраивался и платил разодетому скопищу придворных лизоблюдов тем же.

— Я приехал по делу графа Майдельского.

— Сеньор, к сожалению, граф сейчас не может никого пригласить. — С дворянином стражник старался быть вежливым. — Нам сказано никого не пропускать, сеньор. Простите.

<sup>1</sup> Аналог городской милиции, но разбирается с делами и преступлениями в военных кругах. Относится к армейским частям. — *Здесь и далее примеч. автора.*

— Мне не нужен граф. Сейчас мне будет достаточно увидеться с тем, кто здесь распоряжается. Не могли бы вы быть столь любезны и освободить дорогу? — Фернан позволил себе едва заметную улыбку.

— Сеньор... — начал было стражник, но его товарищ, который до этого момента молчал, наконец-то догадался повнимательней рассмотреть одежду подошедшего к ним дворянина и теперь отчаянно пихал своего напарника локтем в бок.

Дорожный костюм мышинового цвета, шляпа и перо серой расцветки, витая серебряная цепь очень тонкого, тройного плетения. Короткий серый плащ удерживался на плечах с помощью застёжки. Широкий пояс, отличная шпага со сложной витой гардой. Картину довершила серьга в левом ухе сеньора. Как видно, именно продолговатый изумруд привлек первоначальное внимание стражей, и они не сразу обратили внимание на маленький серебряный значок, приколотый к костюму. А обратить на него внимание следовало в первую очередь.

Значок изображал маленькую ящерку с шестью лапами и головой петуха. Василиск.

Говоривший стражник осекся на полуслове, вытаращил глаза, как будто опасаясь, что василиск сейчас оживет. В разговор пришлось вступать второму жандарму:

— Простите, сеньор! — Алебарды разошлись как по мановению руки.

— Возьмите лошадей у моего слуги, — бросил Фернан, проходя мимо.

— Конечно, сеньор.

— Бето, присмотришься.

Слуга кивнул, и Фернан, удовлетворенно кивнув в ответ, вошел в замок. Быть может, Бето Нос чересчур любит ныть и ругаться, быть может, он слишком часто играет в кости и вообще прохиндей, каких свет не видывал, но, когда надо, слуга становился незаменимым помощником в делах самого разного рода. В том числе таких, где надо подмечать то, что обычный человек никогда при всем желании не заметил бы.

Фернан уже прошел половину широкой, увешанной головами оленей галереи, когда его догнал один из жандармов:

— Сеньор!

Он обернулся:

— Не беспокойся, твоя помощь мне не понадобится. Я найду дорогу. Лучше присмотри за моими лошадьми.

Стражник поспешил назад.

Маркиз лишь усмехнулся, покачал головой и направился своей дорогой, поочередно заглядывая в каждую комнату первого этажа. В шестой по счету комнате он обнаружил людей. Один смотрел в

окно, другой перебирал книги, стоящие в большом шкафу. Заслышав шаги, оба обернулись.

— Господа.— Фернан отвесил едва заметный поклон.

— Что вы здесь делаете, сеньор?! — резко бросил тот, что стоял у окна.— Я приказал страже никого не пускать!

Мундир и нашивка старшего следователя жандармерии делали этого пузатого субъекта излишне самоуверенным. Возмущенно раздувая щеки, человек направился к Фернану. Второй вновь занялся изучением книг. Следователь заметил серебряного василиска. Вся самоуверенность и праведный гнев мигом исчезли. Он поспешно и несколько нервно стал застегивать верхнюю, расстегнутую из-за жары пуговицу мундира и постарался вытянуться по стойке «смирно» (что благодаря внушительному животу выглядело довольно забавно).

— Оставьте. Это ни к чему,— поморщился Фернан.— Вы здесь главный?

— Да, сеньор! Старший следователь жандармерии третьего участка Эскарины Хорте.— Толстяк несколько расслабился и перестал потеть.

— Хорошо, господин Хорте. Вы проведете меня к покойному?

— Всенепременно, сеньор...

Его невысказанный вопрос повис в воздухе.

— Де Суоза. Фернан Руис де Суоза маркиз де Нарриа, капитан «василисков»,— милостиво соизволил назваться Фернан.

— О! Мы ждали вас, но не думали, что так скоро. После грозы дороги просто ужасны. Прошу вас.

«Василиск» направился за господином Хорте. Тот вывел его в галерею, увешанную оленьими головами. Следуя за жандармом, вот уже в который раз в жизни маркиз не переставал удивляться, какой эффект оказывал знак «василиска» на некоторых людях, носящих военную форму.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Контрразведка среди военных была весьма... нелюбима. Их иногда... как бы это помягче сказать?... Боялись. Боялись до дрожи в коленках, до потных мундиров и мокрых штанов.

Слава у «василисков» была самая дурная. И вполне заслуженная. Методами своей работы в розыске шпионов, затесавшихся в ряды славной армии Таргеры, контрразведчики иногда переплевывали даже отцов-дознавателей Ордена крови Бриана. А это о чем-то говорило. Застенки, в коих держали подозреваемых, были ничуть не хуже застенков Церкви.

Впрочем, контрразведчики занимались не только тем, что ловили тех, кто выведывал государственные тайны для врагов государства.

Люди, носившие на одежде серебряных ящериц, выводили на чистую воду врагов Таргеры, паршивых овец, затесавшихся в ряды армии. Начиная с мелкого капрала, продавшего продукты гарнизона торговцу, и заканчивая генералами, задумавшими предать родину. Тех, кто искал врагов среди своих, боялись, ненавидели и... терпели. Потому что методы, которые иногда использовались, полностью себя оправдывали. Шпионы выявлялись, продажные вояки отправлялись на рудники, заговоры раскрывались, и целостность армии и страны оставалась неприкосновенной.

Хорте свернул с галерей на широкую, покрытую дорогим пешанским ковром лестницу. Они поднялись на второй этаж, прошли мимо настержь распахнутых дубовых дверей и оказались в большой, ярко освещенной комнате. Фернан увидел, что одно из трех окон было разбито и легкий сквозняк играл с краем белой занавески. Камин, медвежья шкура на полу. На стене головы кабана, оленя и, судя по размеру, птенца грифона. Часть стены возле камина отчего-то была закрыта широким куском красного атласа. Фернан бросил на тряпку удивленный взгляд. Скатерть? Но что она делает на стене?

Между головой оленя и кабана — герб рода де Туриссано (лошадиная подкова под яблочным деревом), сложенный из кусочков оленьих рогов. Напротив чучела медведя — доспехи. Все остальное место в комнате было занято точно такими же книжными шкафами, как и в комнате, где Фернан обнаружил следователя военной жандармерии. В помещении находились трое. Судя по неброской, ничем не выделяющейся одежде и шляпам без перьев — младшие следователи.

— Оставьте нас, господа, — сказал маркиз. Взгляд его уже был прикован к столу, стоящему недалеко от окна кабинета.

Следователи с удивлением посмотрели на Хорте, но тот сделал страшные глаза и кивнул.

Мигель де Туриссано лежал на полу рядом со столом, тут же валялось перевернутое кресло, разбитый бокал и разбросанные бумаги. Как и сообщили утром Фернану, сеньор де Туриссано действительно был мертв. Ибо не жилец тот, у кого в спине торчит кинжал. Де Суоза поджал губы. Кажется, в некоторых государственных кругах начнется большая буря.

Он присел рядом с телом и, не дотрагиваясь до него, внимательно осмотрел. Судя по всему, покойник явно не ожидал удара в спину. Впрочем, о чем это он? Удара в спину никогда не ожидаешь. Тем он и прекрасен. Глаза графа Майдельского были открыты. Из угла рта, как видно, текла кровь, теперь она запеклась в черной бороде. Маршал лежал на левом боку. Как ни странно, на бархатном халате почти не было крови, правая рука прижата к боку. В ней кинжал. Судя по всему, перед смертью покойный достал клинок из-под халата, но

воспользоваться им, увы, не успел. Фернан взгляделся в лицо убитого. Он встречался с сеньором де Туриссано пару раз на королевских приемах, но, естественно, не общался. Не тот вес.

— Хорте, — Фернан встал, — вы ведете расследование?

— Да.

— Вы трогали тело?

— Нет, сеньор. Его так и нашли.

— Кто нашел? — Фернан внимательно осматривал комнату.

— Слуга.

— Давайте по порядку, Хорте, — вздохнул сеньор де Суоза, снял перчатки, затем расстегнул застежку, удерживающую плащ. — Торопиться нам некуда.

— Покойного обнаружил слуга около пяти часов утра сегодняшнего дня, — послушно стал докладывать следователь. — Он забеспокоился, что в окне хозяина горит свет, обычно граф очень рано ложился спать, и пришел проверить, не случилось ли чего. Когда увидел, что сеньор де Туриссано мертв, вскочил на коня и погнал в столицу. Сообщили нам, сообщили вашему начальству. Когда мы приехали, все было в точности как вы видите.

— Понятно, — процедил Фернан, хотя ему ничего не было понятно. Какого Искусителя понадобилось кому-то убивать знаменитого маршала? — Что сказал лекарь?

— Первый же удар оказался смертельным. Думаю, Спаситель забрал его душу сразу же. Сеньор де Туриссано не мучился.

«Не мучился? — подумал Фернан. — Тот, кто умирает сразу, не опрокидывает стул, не сгребает со стола бумаги и бокал с вином и даже, упав, не старается дотянуться до убийцы кинжалом. Похоже, маршал опасался того, кто пришел к нему в гости, и решил заранее подготовиться».

— Крови мало.

— Лекарь сказал, что кровотечение было внутренним.

«Быстрая смерть!» — Фернан позволил себе тихонько фыркнуть. — Наверняка задели легкое — и граф попросту захлебнулся собственной кровью».

— Слуга в замке?

— Да, но, по его словам, он ничего не слышал. Хотите допросить?

— Это успеется. А что другие слуги?

— Больше никого.

Фернан удивленно изогнул бровь:

— Вот как? А кто же следит за замком? Кто убирает, готовит?

— Граф здесь редко бывал. Когда он приезжал из столицы, обычно слуг нанимали в ближайшей деревне, да и то не всегда. Покойный любил уединение. Что до того парня, то он человек графа. Прибыл с ним из столицы.

— Пригласите его.

Хорте отдал приказ, и спустя минуту один из младших следователей ввел в комнату слугу. Им оказался высокий и уже немолодой детина в мундире сержанта «Ураганных голов», что, впрочем, и неудивительно. Граф, как и многие другие военные, набирал личных доверенных из своих же солдат. На лежащего под столом покойника слуга старался не смотреть.

— Расскажи сеньору то, что ты поведал мне,— приказал Хорте.

— А чего рассказывать-то, господа хорошие? — забубнил слуга.— Вышел посс... прогуляться, гляжу — у графа в окошке свет горит. Ну, я тогда и почуял неладное. Зашел, а он уже холодный. Ну я на лошадь — и в Эскарину, к графине, значит. А уж потом... вот.

Сержант развел руками.

— Ночью что-нибудь слышал?

— Нет, господин. Я спал. Да и далеко. Меня еще с вечера граф во флигель отослал и сказал, чтобы до утра я его не беспокоил.

— Вот как? Граф ждал гостей?

— Не могу знать, сеньор. Я никого не видал.

— Ладно, ступай.

Сеньор де Суоза вновь остался наедине со следователем.

— Господин Хорте. Кто, по-вашему, убийца?

— Я не знаю, сеньор.

— Вот как? — Фернан посмотрел на усатого толстяка с уважением. Редко кто из следователей жандармерии отваживается признать в том, что он ничего не знает.

— Я могу высказать две версии.

— Рискните...

— Слуга...— Следователь неуверенно умолк.

«Спихнуть на него ты бы и рад, да вот только убитый слишком большая фигура в армии, чтобы его окружение поверило в такого козла отпущения, как слуга»,— подумал Фернан и продолжил слушать господина Хорте.

— ...Ну и конечно, не стоит исключать банальное ограбление. Этот детина-сержант сказал, что пропало несколько заметных и дорогих вещей. Но по мне, так это совершенно неуклюжая инсценировка.

— Вот как?

— Смотрите, сеньор.— Хорте подошел к разбитому окну.— Конечно, можно предположить, что убийца забрался вот по этой обвитой плющом декоративной решетке, разбил окно и убил графа, если бы не два обстоятельства. Во-первых, сеньор де Туриссано не был глухим, на шум разбитого стекла он бы обернулся, и убийца не смог бы нанести ему удар в спину. А во-вторых, на полу почти нет осколков.

Все внизу, на улице. Могу предположить, что стекло разбивали не снаружи, а изнутри. Ну и конечно, бокалы. Один стоит на столе, видите? Тот, что с вином. А второй — разбитый, лежит рядом с телом. Похоже, у графа этой ночью был гость. А быть может, и несколько, только пили лишь двое.

— С чего вы взяли, Хорте?

— Можно предположить, сеньор, что, пока граф разговаривал с одним, именно с тем, кто пил вино, кто-то другой, не пивший, зашел сзади и ударил свою жертву кинжалом.

— Если учесть, что пил именно граф.

— Бутылку уже унесли. Лекари хотят проверить вино на наличие яда.

— Остается только узнать, почему убийцы не забрали оружие убийства? — хмыкнул Фернан.

— Это кинжал графа. Его сняли со стены в оружейной комнате.

— Понятно. — Зацепка с оружием убийцы ушла на дно. Кто бы ни всадил клинок в спину графа, он был достаточно умен, чтобы не пользоваться своим кинжалом. А жаль, оружие заметное. Пешханская сталь. — Что говорят отцы-дознаватели?

— Ничего.

— Вот как? — Теперь Фернан действительно удивился. Порой клирики-дознаватели с помощью Дара могли почувствовать отголоски произошедшего убийства, увидеть какие-то намеки. А тут совсем ничего.

— Они не склонны были со мной разговаривать по этому вопросу, сеньор.

— Понимаю. Где они сейчас?

— На первом этаже, в библиотеке. И... они очень недовольны.

«М-да, довольные физиономии не являются характерными особенностями «бордовых».

— Хорошо. Спасибо, Хорте. Я сам с ними поговорю.

Он в последний раз осмотрел тело графа. По лицу покойного ползала большая зеленая муха, и Фернан отогнал ее.

— Господин Хорте, пусть ваши люди позаботятся о мертвом.

Сейчас у Фернана не было ни одного разумного объяснения, почему убили графа. Ограбление? Глупости. Есть гораздо более простые способы выкопать себе могилу и обратить на себя внимание «василисков». Разве что это был глупец или какой-то залетный парень. Борьба за наследство? Но, насколько знал сеньор де Суоза, у графа не было детей. Что еще? Большая политика? Вполне возможно. Кто-то метил на место сеньора де Туриссано? Он кому-то перешел дорогу? Лишил заслуженного звания или награды? Интересно, что скажут король и маршал армии?

— А что у вас на стене? — Фернан кивнул на кусок красной ткани, закрывающей стену.

— Рисунок,— неожиданно тоненько пискнул следователь.

Сеньор де Суоза нахмурился:

— Так покажите его мне, раз уж упомянули!

— Не могу, сеньор. Отцы-дознаватели закрыли его сразу же, как вошли в комнату.

Понятно. Очередной каприз Церкви. А жандарм конечно же не рискнет класть голову на плаху гнева Ордена крови Бриана.

— Я открою, раз вы опасаетесь.

— Но...

— Думаю, Церковь не будет возражать, если один из ее верных сынов заглянет под эту тряпку.

Во всяком случае, сеньор де Суоза очень на это надеялся. Он подошел к стене, сорвал ткань, удивленно хмыкнул и отошел в противоположный конец комнаты, чтобы оценить рисунок. На белой стене четкими красными линиями была нарисована окружность. В ней всего лишь несколькими отдельными и не очень-то ровными штрихами оказалось намалевано нечто напоминающее льва с крыльями и скорпионьим хвостом. Неизвестный художник рисовал даже хуже, чем Бето, но Фернан вполне смог разобрать, что изображено на стене. Мантикора. Тварь, обитающая в пустынных скалах далекого Пешханства.

— Мм... Не знал, что сеньор де Туриссано имел склонность к подобному рода рисункам.

— Мы предполагаем, что это нарисовал убийца. Во всяком случае, как говорит слуга, до этой ночи здесь ничего подобного не было.

— Только сумасшедших и фанатиков во всем этом деле мне и не хватало,— зло бросил Фернан, продолжая изучать рисунок.— Рисовали кровью?

— Что? А, нет, сеньор. Это краска.

— То есть после убийства этот человек решил посвятить себя искусству и не нашел ничего лучше, как расписать комнату маршала? Краску он принес с собой? — Последние слова сеньора де Суоза прозвучали явно издевательски.

— Нет, сеньор. Краска была в замке.

— Этот некто был очень хорошо осведомлен о замке. Где лежит краска, где лежит кинжал. Мне остается только предположить, что он бывал здесь раньше.

Фернан сразу же вспомнил слугу. Да, вполне возможно... Он должен знать замок. Почему убил? Быть может, граф задержал ему жалованье или не отпустил на какой-нибудь праздник. Искуситель поймет этих слуг!

— Мы приглядываем за слугой.— Хорте, кажется, читал мысли сеньора де Суоза.— Но это мог быть и кто-то из очень хороших знакомых графа.

— Осталось найти этого знакомого и отправить на плаху,— нехорошо усмехнулся Фернан.— Боюсь, что вам предстоит сложное дело, господин Хорте.

— Так... ваша организация не будет проводить расследование, сеньор? — Господин Хорте явно расстроился, что не может спихнуть эту оч-чень щекотливую ношу на других.

— Боюсь, что нет. Мы будем наблюдать за расследованием, но не более того. Во всяком случае, у меня на этот счет нет никаких распоряжений. Начальство лишь просило оценить обстановку. Всего хорошего, господин Хорте.

Он едва заметно поклонился, подхватил плащ и вышел из комнаты.

«Оценить обстановку!» — Фернан недовольно скривил губы. Он понимал, почему граф де Брагаре направил сюда именно его. Не будь убит маршал кавалерии, прислали бы кого-нибудь помельче, чем капитан. А так де Брагаре пришлось отправлять своего личного помощника туда, где бы справился обычный следователь жандармерии. И, несмотря на это, сеньор де Суоза был несколько зол и обижен на своего начальника. Не дело Фернана ехать за столько лиг от столицы лишь для того, чтобы увидеть покойника.

Он спустился на первый этаж, вновь прошел по просторной замковой галерее. Де Туриссано были отменными охотниками. Во всяком случае, судя по висящим на стенах головам, паре сотен оленей явно не повезло. Сам Фернан не любил охоту. Мотаться с арбалетом или мушкетом по лесу, вылавливая осторожную лань, или бросаться с пикой на кабана сеньор де Суоза считал не очень большим удовольствием. Нет, конечно, он охотился, но, на его взгляд, охота была глупым времяпрепровождением многочисленных миньонов Карлоса III, а Фернан, находясь рядом с большинством этих расфуфыренных павлинов, хотел лишь одного — побыстрее покинуть столь яркое и слащавое общество. Так что хорошей охоте низкорослый «василиск» предпочитал не менее хорошую тренировочную схватку на рапирах.

В поисках библиотеки Фернан не переставал думать о произошедшем убийстве, но в мыслях царил хаос. Убийство столь высокопоставленного человека на первый взгляд выглядело полной бессмыслицей. Да еще и этот рисунок. Явно рисовали специально. Что хотел сказать художник? Что скрывалось под знаком мантикоры? Быть может, это такой странный способ сбить расследование с истинного пути? И отчего это святые отцы-дознаватели так скоренько прикрыли столь живописную картину тряпкой? Вопросов было слишком много, а вот ответов... Ответов у Фернана Руиса пока что не было.

## ГЛАВА 2

Si ante tempus ferrum denudavis contra Lamiam, vel sacerdotem vel ignotum, scias eorum primum velocitate, secundum sermone atque Salvatoris donis, tertium confidentia tua te vincere posse<sup>1</sup>.

*Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi*

Библиотеку графа Фернан нашел в противоположном крыле замка. Трижды он встречал следователей жандармерии, изучающих комнаты на предмет улик. На него косились, но, увидев эмблему «вазилиска», глупых и несвоевременных вопросов не задавали и препятствий не чинили.

Размерами библиотека не уступала бальному залу средней величины. Помещение неприятно поразило сеньора де Суоза учиненным в нем разгромом. Исходя из того что Фернан видел в других комнатах замка, маршал кавалерии любил книги и относился к ним бережно. Здесь же... Будь граф жив, он бы точно поубивал тех, что сейчас вытаскивали драгоценные фолианты из шкафов и не глядя бросали на пол, где уже высылось несколько горок. Фернан поморщился и презрительно скривил тонкие губы.

В библиотеке находились шестеро. Четверо — отцы-дознаватели одной из низших ступеней, облаченные в грубые шерстяные рясы. Орденцы даже не были «озаренными»<sup>2</sup>. Именно они занимались так называемой сортировкой книг. Работали клирики споро и грубо и на вошедшего Фернана не обратили никакого внимания. Зато святые отцы, сидящие за столом, заметили гостя. Один из них, увидев застывшего в дверях сеньора де Суоза, нахмурился и поманил Фернана пальцем. Тот с досады скрипнул зубами, выругался себе под нос не хуже Бето и направился к ожидающим его церковникам. Если бы Фернан знал, кого он встретит в библиотеке графа, то трижды бы подумал, стоит ли сюда приходить.

Епископ Эскарины, Мигель Алессандро де Лерро, глава Ордена крови Бриана, был вторым человеком в Церкви Таргеры после Его Высокопреосвященства кардинала Хосе Пабло де Стануззи. Вторым по власти, но первым по опасности. С Его Святейшеством старались не связываться, ибо не было в рядах Святой матери Церкви (исключая «гарпий» конечно же) человека более фанатично любящего Спасителя и преследующего врагов его в лице предавшихся Искусителю.

<sup>1</sup> Если ты поспешил обнажить шпагу против ламии, клирика и незнакомца, помни: первый победит тебя скоростью, второй — речами и даром Спасителя, третий — твоей же самоуверенностью.

<sup>2</sup> «Озаренные» — клирики, обладающие Даром — способностью к магии. Обычно носили знак золотой длани на рясе и являлись церковниками среднего и высшего ранга.

Мигель де Лерро любил Церковь и был любим ею. Жестокий с врагами, он никогда не давал пощады тем, кто встал на пути Веры. Его боялись, и... его уважали. Потому что, несмотря на жестокость, этот человек сделал многое для своей страны. И если уж говорить честно, то жестокость не была для него удовольствием, а являлась необходимостью, инструментом в укреплении власти Церкви и славы Спасителя.

А еще де Лерро, выходец из одного из самых старейших родов Таргеры, был человеком неординарного ума. Выбрав в молодости служение Спасителю, к своим неполным сорока годам епископ успел достичь многого. Очень многого. Поговаривали, что он вполне может получить кардинальскую шапочку и посох Таргеры, ибо Его Высокопреосвященство де Стануззи был слишком стар и ему предрекали скорую встречу со Спасителем, хотя на этот счет Фернан готов был поспорить. По мнению «василиска», Старый Гриф Хосе Пабло де Стануззи при желании переживет всех ныне живущих. Молва уже несколько раз хоронила Его Высокопреосвященство, но тот жил и здравствовал, лишь усмехаясь курсирующим по Эскарине слухам о его скорой смерти, и неизменно приезжал на похороны тех, кто совсем недавно во всеулышание «хоронил» тщедушного кардинала. Впрочем, сейчас речь была не о желчном старике.

Епископ де Лерро, высокий, широкоплечий, черноглазый и смуглый, нравился женщинам и являлся предметом несбыточных желаний многих благородных дам и простолоудинок, которые не переставали недоумевать, почему такой красавец выбрал служение Церкви и загубил свою жизнь. Но к вниманию, оказываемому ему женщинами, де Лерро оставался холоден. И даже «василиски», однажды (конечно же только ради «обычного интереса») решившие сунуть нос совсем не в свою вотчину и попытавшиеся аккуратно перекопать грязное белье епископа, не смогли ничего найти. В том числе и этого самого грязного белья. Безупречно чист. Если не сказать — идеален. Чуть ли не святой. Того и гляди, запишут в соратники к Спасителю. Истинный сын Церкви со всеми вытекающими.

Его Святейшество обладал Даром. В магии Спасителя Мигель Алессандро де Лерро был одним из сильнейших клириков Таргеры, уступая лишь кардиналу.

Фернан, идя к наблюдающему за ним церковнику, превратил лицо в маску спокойствия и полной невозмутимости, хотя в его душе бушевала буря. Все объяснялось тем, что сеньор де Суоза и Его Преосвященство не любили друг друга. Причем не любили крепко. Конечно же ни на людях, ни оставаясь лицом к лицу ни один из них не позволял себе проявить своих истинных чувств. Фернан старался не связываться с Церковью, а епископ старался не злить «василисков» без крайней на то нужды. Оба были слишком умны для того, чтобы

показывать зубы и лезть в совершенно ненужную драку. Они старались ограничиваться холодно-вежливыми разговорами.

Правда, несколько раз Фернан и епископ сталкивались лбами на почве интересов Церкви и «василисков», и здесь, как правило, приходилось отступать маркизу. Так как влияние Фернана не шло ни в какое сравнение с весом влияния епископа. Если Церковь чего-то очень хотела, то она этого добивалась.

Незнакомый маркизу клирик оказался одним из так называемых клинков в руках Спасителя — плотный субъект с толстым, добродушным лицом, пухлыми руками, преждевременными залысинами и серыми, словно бы под цвет дорогой рясы, сонными глазами. Смотрел он на капитана без неприязни, даже с каким-то затаенным интересом. Левая рука клирика безостановочно перебирала янтарные четки.

«Вот только «гарпии» мне здесь для полного счастья и не хватало», — обескураженно подумал Фернан. Пожалуй, можно было сказать, что он был несколько ошеломлен тем, что встретил в замке столь влиятельных лиц Церкви. Если сам епископ Эскарини и один из немногочисленных (слава Спасителю!) «гарпий» вдруг оказались так далеко от столицы, пускай из-за убийства высокопоставленного лица, — это событие. Событие, которое заставляло задуматься, что такие люди делают в столь далеком от сферы их интересов месте? В голове Фернана ударил набат. Ударил и смолк, ибо Его Преосвященство встал со стула и с самой что ни есть благожелательной миной протянул Фернану руку для поцелуя епископского перстня. Сеньор де Суоза с непроницаемым лицом совершил ритуал.

Быть может, со стороны это выглядело очень благообразно — почтительный дворянин приветствует духовное лицо. Быть может, им удалось обмануть наблюдающего за этой сценой «гарпию», но не друг друга.

— Ваше Преосвященство, польщен встречей с вами.

— Рад видеть вас в добром здравии, сын мой. Аббат Жозе, позвольте представить вам истинного сына Святой матери Церкви сеньора Фернана Руиса де Суоза маркиза де Нарриа. Сеньор, позвольте представить вам аббата монастыря Благодетельности — Жозе Наярру, епископа<sup>1</sup> «серых» монахов.

Слова об «истинном сыне Святой матери Церкви» в устах епископа позвучали с явной насмешкой. Де Лерро был осведомлен, как Фернан относится к Ордену крови Бриана. Но де Суоза не обратил на нарек Его Преосвященства никакого внимания. Он снял шляпу,

---

<sup>1</sup> Глава церковного ордена, например аббат, автоматически получал звание епископа, но это было не более чем формальностью. Обращаться к нему продолжали так же, как и раньше — «Ваше Святейшество», а не «Ваше Преосвященство». Номинально он все равно был ниже рангом, чем настоящий епископ.

склонился в идеальном придворном поклоне, стараясь скрыть весь букет своих истинных чувств.

Сам аббат Жозе Найрра! Епископ «гарпий»! Здесь! Паук впервые на его памяти выбрался из своей дремучей паутины. За последний год маркиз много слышал об этом человеке. В основном плохое и очень плохое. Народная молва превратила вечно сидящего в цитадели «гарпий» церковника в совершенно мифическую фигуру. В интригана, который все обо всех знает, и, стоит ему лишь пальцем шевельнуть, и грешника, не чтящего Святую Церковь, тут же ждет жаркое пламя искупления. Столько страшных историй не рассказывали даже о самом Искусителе. Говорили, что в магии Найрра ничуть не уступал епископу Эскарины. Так что, увидев добродушного толстяка вместо угрюмого палача с демоническим лицом, Фернан в который уже раз отметил про себя, что слухи и реальность — совершенно разные вещи. Встреть он такого человека на улице, и ни за что бы не подумал, что перед ним один из влиятельнейших и опаснейших людей Церкви.

Насколько знал Фернан, в последнее время в отношениях между де Лерро и Найррой пробежала большая черная кошка. «Серый» с каждым днем набирал очки и уже во многих вопросах начинал подминать честолюбивого епископа Эскарины. Говорили, что Найрра мечтает о кардинальской шапке и посохе. Это конечно же совершенно не устраивало ни Его Преосвященство, ни нынешнего кардинала Таргеры — Хосе Пабло де Станузи. Ни тот, ни другой не хотели передавать Найрре власть над таргерской Церковью. Но, похоже, «серому» было плевать на мнения и епископа и кардинала. Он шел своим путем.

Ловко орудуя страхом и властью, аббату удалось склонить на свою сторону едва ли не половину Церковного совета Таргеры. Похоже, только теперь «бордовые» начали понимать, какую змею (а точнее, дракона) они пригрели на своей груди. Отцы-дознаватели уже отнюдь не так, как раньше, радовались появлению «серых» в этом грешном мире. Конечно же все это дела церковные, стороннему наблюдателю не заметные, к тому же «бордовые» и «гарпии» о своих трениях не распространялись и на людях вели себя так, что ни у кого и мысли не возникало об их очень натянутых отношениях.

На поклон Фернана Жозе Найрра ответил едва заметным, но благосклонным кивком.

— Сеньор, вы видели тело? — Епископ вновь сел на стул и без лишних хождений вокруг да около приступил к делу.

— Да, Ваше Преосвященство.

— Что думаете?

— Это убийство.— Фернан сохранял самое серьезное выражение лица.

Де Лерро поморщился, зато Найрра бросил на «василиска» быстрый одобрительный взгляд. Кажется, «гарпия» оценил тычок, доставшийся его сопернику.

— Сеньор, сейчас не время для шуток. Мы и так знаем, что это убийство. Самоубийцы, прости их Спаситель, не имеют привычки втыкать нож себе в спину.— Голос Его Преосвященства оставался все так же спокоен.

— Это действительно убийство, Ваше Преосвященство, и, насколько я видел, убийство жестокое, быть может заранее спланированное. Граф вряд ли успел оказать сопротивление.

— Сохрани Спаситель его душу,— пробормотал Найрра и вновь занялся своими четками.

— У вас есть предположение о причинах, толкнувших убийцу на столь мерзкий и греховный поступок?

— Нет, Ваше Преосвященство,— совершенно честно ответил Фернан.— Пока никаких предположений у меня нет.

— Расследование будут проводить «василиски»?

Найрра бросил на Фернана быстрый и цепкий взгляд. Словно дремлющая на солнце змея вдруг совершила решительный бросок в сторону того, кто посмел нарушить ее покой.

— Пока у меня таких сведений нет. Этим делом занимается жандармерия. Я всего лишь прислан как наблюдатель.

Епископ скривился, словно ему предложили исповедовать самого Искуителя, но промолчал. Фернан вполне понимал де Лерро. Вряд ли жандармерия сможет найти хоть что-то.

— Сын мой, надеюсь, вы понимаете, насколько тяжела сложившаяся ситуация?

Фернан это знал безо всяких напоминаний, его больше заботил вопрос, какой интерес у Церкви во всех этих делах?

— Могу пообещать, Ваше Преосвященство, что мы сделаем все возможное и невозможное для того, чтобы в кратчайшие сроки найти убийцу графа.

— Все в руках Спасителя,— пробормотал епископ.— Не буду вас больше задерживать. Раз вы не можете пролить свет на это дело...

Он не закончил, явно намекая на то, что и до этого момента знал, что Фернан ни на что не способен и зря занимает должность капитана «василисков». Епископ отвернулся, показывая, что разговор окончен, и вновь занялся грудой бумаг, лежащих у него на столе, но Фернан и не думал уходить. Теперь настала его очередь задавать вопросы.

— Ваше Преосвященство...

Де Лерро обернулся и приподнял брови. Похоже, он очень удивился, что маркиз все еще находится здесь.

— Да?

— Будет ли мне позволено спросить вас?..

— Спросить? Ну попробуйте.— В голосе епископа Эскарины явно слышалась издевка.

— Ваше Преосвященство,— Фернан старался подобрать приличные случаю слова,— я был несколько удивлен, увидев вас и уважаемого епископа Найрру так далеко от Эскарины. Какой интерес у Святой Церкви в этом мирском деле?

— Убили одного из верных сыновей Церкви, сын мой! — вместо де Лерро заговорил «серый».— Мы не могли не прийти.

Фернан молчал, но его молчание говорило куда больше всяких слов. По всему виду невысокого «василиска» даже ослу стало бы понятно, что сеньор де Суоза не верит тому, что из-за смерти графа двое отнюдь не самых последних в церковной иерархии клириков вдруг взяли да и приехали в Арреду лишь для того, чтобы разобраться, кто пронзил кинжалом графа де Туриссано. Фернан быстрее поверит в доброту душегуба, чем в то, что сказал ему Найрра.

— Полноте, брат,— вздохнул де Лерро, когда молчание уж очень затянулось.— Думаю, ведомство сеньора де Суоза должно знать, почему Церковь обратила столь пристальное внимание на смерть маршала Таргеры. Да, нас страшит и печалит невыносимая утрата такого славного и храброго человека. Да, сеньор, Святая мать Церковь и кардинал очень обеспокоены случившимся, ибо неизвестно, к каким последствиям приведет смерть графа. Не мне вам говорить, что стервятники есть везде— и теперь за этот пост развернется борьба нескольких влиятельных родов. Его Высокопреосвященство заинтересован в том, чтобы последствия сегодняшней трагедии прошли как можно более гладко для всех. Церковь заботится о своих детях. Но есть еще одна причина нашего здесь присутствия. Граф де Туриссано хранил у себя запрещенные книги.

— Вот как? — Это откровение ошеломило Фернана.

Дело начинало пахнуть гнильцой и ладаном. Если епископ говорит правду, то выходит, что маршал не был таким уж верным сыном Святой матери Церкви, как о нем только что распространялся Найрра. Хранить запрещенные книги очень рискованно и глупо. От старого фолианта, на страницах которого кто-то нечаянно упомянул Искусителя, до великолепного костерка и усердно подбрасывающих в огонь хворост отцов-дознавателей было всего два очень маленьких и коротеньких шажка. Впрочем, де Туриссано в ближайшее время вряд ли грозило попасть в застенки Ордена крови Бриана. Маршал был на коне, маршал был нужен стране и королю, а это удерживало церковников от поспешных действий. Хранить парочку запрещенных книг для графа было не так уж и опасно. Пока. А вот найди «бордовые» такие книжки у кого-нибудь помельче и понезначительнее, и такому «букинисту» не избежать множества неприятных вопросов в церковных подземельях.

— Вот как? — вновь повторил Фернан.— Откуда у Вашего Преосвященства столь... мм важные сведения?

— У Церкви множество верных детей, сеньор,— холодно бросил Найрра.

«У Святой матери Церкви полно шпионов, которым вы платите полновесным золотом»,— мысленно парировал Фернан.

— Вы нашли эти... книги?

— Да. Их некоторую часть.— Епископ кивнул на два небольших фолианта, особняком лежащих на столе.— Мы не хотели бы губить репутацию столь славного, но, увы, заблуждавшегося сына. Так что было принято решение изъять эти мерзкие книги, пока их не нашел кто-то другой.

— Очень мудрое решение, Ваше Преосвященство.

На самом деле мудрое. Мертвый великий герой гораздо лучше мертвого героя-еретика. Символ, который обязательно сделают из погибшего графа, еще может послужить своей стране. А вот отступник — вряд ли.

— Надеюсь, я ответил на ваши вопросы, сын мой?

— Не совсем.

Найрра хмыкнул, епископ потемнел лицом.

— Что еще? — В голосе главы Ордена крови Бриана послышались первые нотки раздражения.

— Ваше Преосвященство, в комнате, где лежал убитый, был рисунок...

— И?..

— Почему вы приказали спрятать его?

— Я ничего не приказывал.— Епископ бросил недовольный взгляд на аббата Найрру. Тот, казалось, этого не заметил.— Его Святейшество руководствовался лишь своими соображениями.

— Я руководствовался интересами Церкви и ее детей, Ваше Преосвященство.— Найрра едва ли не цедил слова.— Завтра об убийстве будет говорить вся Эскарина... если уже не говорит. Недостает еще, чтобы просочились слухи о нелепом рисунке. Даже боюсь предположить, что молва сможет раздуть из такой вот ерунды...

— Боюсь, Ваше Святейшество, в столице все равно узнают о нарисованном на стене знаке мантикоры. Жандармы тоже люди. Один из них вполне может проговориться.

— Нет, чадо.— Сонный взгляд аббата Найрры стал неожиданно цепким и острым. Теперь «серый» уже не казался Фернану добродушным толстяком.— Я лично поговорю с каждым из этих людей.

Сеньор де Суоза задумчиво кивнул. Теперь он не сомневался, что больше никто не будет упоминать про странный рисунок, обнаруженный в комнате маршала. После разговора с «гарпией» свидетели напрочь забудут о том, что они видели в замке, ибо никто не захочет

оказаться из-за своего болтливости языка в застенках монастыря Благочестия.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Ваше Святейшество. И все же непонятно, что это за рисунок и для чего его нарисовали?

— У вас на этот счет нет никаких соображений, капитан?

— Увы,— развел де Суоза руками.— Ваше Преосвященство, Ваше Святейшество, спасибо за потраченное на меня время.

Он поклонился. Де Лерро холодно отвернулся, Найрра кивнул.

Фернан покинул библиотеку. Разговор с клириками еще сильнее запутал дело. Даже тот факт, что граф де Туриссано якобы хранил запрещенные книги, не оправдывал присутствия в Арреде глав двух могущественных орденов. С таким несложным делом могли справиться люди и помельче епископов. Фернан понимал, что клирики многое недоговаривают и знают гораздо больше. Но тут уж ничего не поделаешь, Церковь очень неохотно расстанется со своими секретами. Впрочем, к Искусителю церковников и их секреты! Фернан выполнил свою задачу, узнал все, что от него требовали, а с остальным пусть разбирается его непосредственный начальник — граф де Брагаре.

Покинув библиотеку, маркиз де Нарриа заглянул в оружейную комнату. Зальчик оказался небольшим, но оружия здесь было предостаточно. На взгляд сеньора де Суоза, с помощью этого арсенала можно было вооружить небольшую армию. Фернан прошел мимо тяжелых доспехов прошлых веков, рыцарских мечей, палиц, секир, двуручных топоров и прочего оружия, заслужившего в боях неотъемлемое право находиться на почетных местах в оружейной комнате. Остановился возле висящих на стене алебард, глеф, голендаг, протазанов, гизарм и рансек<sup>1</sup>. Провел рукой по черному древку укороченной рансеки, подошел к противоположной стене и замер, с восхищением рассматривая шпаги, полушпаги, рапиры, чивоны, палаши и эстокады. Оружие было превосходным. Каждый клинок оказался выкован из пешханской стали. Как бы Церковь ни ругала восточных язычников, нельзя было не признать одно — оружие пешханцы делали великолепное. Правда, стоила одна такая шпага как три-четыре породистые лошади. Сеньор де Туриссано знал, на что потратить деньги. Шпага самого Фернана обошлась в сумму, о которой де Суоза предпочитал не вспоминать. Впрочем, о покупке оружия он еще ни разу не пожалел. Клинок был великолепен.

Фернан не удержался, снял со стены одну из рапир, подержал в руках, сделал выпад в воображаемого противника и с сожалением вернул клинок на место. Рядом со шпагами находились кинжалы и даги. Фернан скучающе поглядел на оружие. Застыл. Удивленно хмыкнул и поспешно выскочил в коридор.

<sup>1</sup> Виды длиннодревкового оружия.

— Эй! — окликнул он одного из жандармов.

— Да, сеньор?

— Найди мне господина Хорте. Пусть придет в оружейную комнату и захватит с собой слугу покойного.

Жандарм отправился исполнять поручение, а Фернан вернулся в оружейную и, потирая подбородок, стал внимательно изучать стену с оружием. За этим занятием его и застал Хорте.

— Сеньор? — Господин Хорте топтался в дверях. За его спиной маячили два следователя и испуганный слуга.

— А, господин Хорте. Входите, не стойте на пороге, — очнулся от раздумий Фернан. — Вы видели это? — Де Суоза кивнул на стену.

— Вы об отсутствующем оружии?

— Да. — «Василиск» поманил слугу пальцем: — Подойди-ка сюда, любезнейший. Вчера здесь было оружие?

— Нет, сеньор.

— Да? И куда же оно делось?

— Граф его продал. Еще два месяца назад.

Фернан нахмурился. Де Туриссано был известным коллекционером дорогих клинков... и вот так продать...

— С чего это маршалу распродавать коллекцию? — пробормотал «василиск». — Маршал нуждался в деньгах?

Слуга помялся и неуверенно посмотрел на маркиза. Затем все же решился:

— Немного, сеньор.

А вот это уже интересно. Следовало обязательно проверить, что там с финансами де Туриссано. Если коллекционер начинает распродавать свое любимое детище, то его дела могли быть действительно тяжелыми. Уж не вляпался ли покойный маршал в какую-нибудь пренеприятнейшую историю с долгами? Это вполне могло стать мотивом для убийства.

— Так-так... — Низкорослому Фернану приходилось задирать голову, чтобы смотреть в глаза слуги. — Значит немного...

По его прикидкам, это «немного» выливалось в приличную сумму. Конечно, де Суоза не знал, какое оружие было продано, так что точную цену он мог только предполагать, но даже самые скромные подсчеты говорили о сказочной сумме.

— Кому он продал клинки?

— Пять герцогу Лосскому...

«Василиск» задумчиво кивнул. Что-то в этом роде он и предполагал. Двоюродный брат короля тоже коллекционировал дорогое оружие.

— И один маркизу де Армунгу.

— Королевскому шуту? — удивился Фернан.

— Да, сеньор.

— Хорошо,— хмыкнул «василиск», делая себе пометку поговорить при случае с шутом о столь странной для него покупке.— А последний?

— Сеньор?

— Кому граф продал последний клинок?

— Последний клинок? Вы что-то путаете, сеньор. Больше граф ничего не продавал, я бы знал.

Фернан нахмурился, быстро пересчитал пустые скобы, служащие для удержания оружия. Выходило восемь. Пять герцогу, один шуту. Итого шесть. Один у графа в спине. Итого семь. Где восьмой?

— Хорте?

— Вижу, сеньор.— Старший следователь был сообразительным малым.

— Ты помнишь, что продал герцог?

Слуга наморщил лоб, крикнул. Фернан терпеливо ждал.

— Герцог Лосский взял три кинжала, полушпагу и мечелом. Маркиз... маркиз купил дагу с головой змеи на рукоятке. Да, сеньор. Именно дагу.

— Хорошо. И еще здесь отсутствует кинжал, который теперь в спине твоего господина. А ну-ка напряги память, любезнейший, и скажи мне, какого оружия здесь нет.

Слуга нахмурился, прошелся вдоль стены, касаясь то одного, то другого клинка.

— Сеньор, думаете это зацепка? — осторожно поинтересовался Хорте.

— Вполне возможно, господин Хорте. Даже очень возможно.

Кажется, появилось хоть что-то. Если пропал клинок, то это и зацепка, и мотив, и шанс найти убийцу.

— Вспомнил! — Слуга довольно заулыбался.— Нет кривого пешанского кинжала с рукояткой из слоновой кости.

— Ты уверен?

— Да. Этот клинок был заметным. На рукояти буква «Т». Граф бы его ни за что не продал, хотя герцог очень просил.

— Молодец! Вот тебе за труды.— Фернан на радостях бросил отличившемуся сержанту ригес<sup>1</sup>.

Слуга рассылался в благодарностях, Фернан, не слушая его, повернулся к жандарму:

— Господин Хорте, надеюсь, не мне вам говорить, в каком направлении следует работать жандармерии?

— Мы немедленно начнем поиск кинжала.

— Отлично,— удовлетворенно кивнул Фернан и, попрощавшись со следователем, покинул оружейную комнату.

<sup>1</sup> Р и г е с — серебряная монета. Двенадцать ригесов равняются одному золотому этудо.

Епископа Жозе Наярру Фернан встретил уже возле самого выхода из охотничьего замка. «Серый» стоял у большой картины, заключенной в мощную и, на вкус Фернана, излишне вычурную позолоченную раму. Заслышав шаги сеньора де Суоза, аббат обернулся.

— А, чадо,— протянул клирик.— Я думал, вы уже ушли. Что скажете?

Фернан посмотрел на картину. Серое угрюмое море катило огромные валы волн прямо к высокому береговому утесу. Художник был мастером. «Василиск» почти ощущал дуновение крепкого соленого ветра, чувствовал запах соли и слышал рев беснующихся волн, что в бессильной белопенной злобе бились о прибрежный утес, на котором находились двое. Злой ветер трепал их одежды и длинные волосы. Лиц Фернан не видел, изображенные художником мужчины стояли спиной к зрителю. Двое смотрели на море и... дальше. Куда-то за скрытый свинцовыми тучами горизонт. Картина была потрясающей, талантливой, глубокой. Казалось, что еще несколько мгновений — и изображение оживет.

— У меня нет слов,— наконец сказал Фернан.— Это...

— Это работа Федерико Лонереддо, жившего в Ирении больше трехсот лет назад. Гениальный художник, сам Спаситель вложил в руки этого иренийца кисть. Вы слышали о нем?

— Нет, Ваше Святейшество.— Фернан не очень-то интересовался живописью.

— Неудивительно. Он умер, так и не успев стать знаменитым. Чума Искусителя в те годы забирала много людей, и лишь Церковь магией Спасителя смогла остановить мор. До наших дней дошло лишь шесть картин Лонереддо. Все, кроме этой, в Ирении, во дворце у Папы.

— Я не знал, что вы любитель живописи.

— Немного, сын мой.— Наярра добродушно улыбнулся.— Я не так страшен, как говорят обо мне многие заблудшие овцы.

Фернан промолчал.

— Не знаю, как к де Туриссано попала эта картина...— между тем продолжил «серый».— Она называется «Два брата». Спаситель и Искуситель перед своим легендарным путешествием через море, сын мой. Они еще вместе, еще дружны, оба хотят спасти человечество и подарить ему магию. Нет еще ни ссоры, ни Кровавой ночи, ни дороги через пешханскую пустыню, ни смерти на горе Искупления. Перед нами самое начало их пути.

Фернан слушал неспешный рассказ аббата Наярры и смотрел на картину. В эти минуты легенда стала для него явью, и Фернану стоило больших трудов вернуться назад, в реальный мир.

— Ваше Святейшество,— произнес капитан,— старший следователь... Он сказал, что никто из отцов-дознавателей не смог почувствовать, как произошло это убийство.

— В этом нет ничего удивительного, сын мой. Только Спаситель всемогущ. Бывают случаи, когда дети его бессильны.

«Случаи, быть может, и бывают,— решил про себя Фернан.— Но крайне редко, если не сказать, что почти никогда. Ой не просто так святые отцы себя ведут, словно воды в рот набрали!»

— Отчего вы нахмурились, сеньор?

— Думаю, что может означать эта нарисованная на стене мантикора, Ваше Святейшество,— соврал Фернан.

— Право, не знаю. Трактовок может быть много. Например, в Святой книге есть упоминание об этом звере. Спаситель шел через каменистую пустыню Пешханства, а его преследовали мерзкие слуги Искусителя. И вот когда они уже готовы были пролить святую кровь Спасителя, с неба на них упала мантикора и растерзала. Мантикора — это возмездие, она несет свет истинным детям Церкви и борется с теми, кто задерживает Спасителя в его победном шествии.

Фернан внимательно выслушал, вежливо распрощался с Наярой и покинул замок, оставив «серого» и дальше любоваться картиной Лонерредо.

Бето сидел возле лошадей и левой рукой подбрасывал в воздух наваху. Раскладной нож делал два оборота, тускло блестел в лучах заходящего солнца и падал на раскрытую ладонь лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь взмыть к небу. На наваху Бето не смотрел. В правой руке он держал невесть как добытое и уже наполовину обгрызанное красное яблоко.

— Сеньор...— Заметив Фернана, прохиндей перестал жонглировать ножом, ловко поймал, закрыл и едва уловимым движением спрятал под одежду.

— Поехали. Путь до Эскарины неблизкий.

Они покинули Арреду и следующие минут двадцать проехали молча. Фернан думал, Бето доел яблоко, запустил огрызок в придорожную канаву и достал из кармана второе. Когда и с этим было покончено, слуга решился нарушить молчание:

— Сеньор...

— Да.

— Не могли бы вы мне выдать этудо на новые сапоги?

Фернан прищурился и бросил быстрый взгляд на Бето.

— Не слишком ли дорого для сапог? Или они из кожи водяного ящера?

— Нет, сеньор. Обычные сапоги.

— Лучше я устрою тебе хорошую порку, когда мы вернемся в столицу, лентяй,— проворчал для проформы Фернан.

«Василиск» знал, что слуга редко вот так нагло осмеливался просить денег. А раз просит, значит, знает, что он обязательно их получит.

— Почему я должен давать тебе этудо? — спустя минуту соизволил спросить Фернан.

— Эх, сеньор, — вздохнул Бето. — Пока вы были в замке, я все ходил, бродил. Смотрел, слушал. Ну вот и подумал: а вдруг хозяин будет настолько добр, что даст мне денег на новые сапоги?

— Ну и что ты «находил», негодяй? — хмыкнул Фернан.

— Следов много, — вздохнул Бето. — Валаи! Возле замка как будто целый полк маршировал! Да и с утра там порядком натоптали. Очень, очень сложно хоть что-то понять. — Он притворно вздохнул, явно набивая себе цену.

— Ну раз ничего нельзя понять, значит, обойдешься без сапог.

— Правда, — поспешно затараторил Бето, — я могу точно сказать, что ночью в замок приезжала карета.

— Эта информация не стоит этудо. Она не стоит даже медяка, мой дражайший проныра. Если бы ты мне сказал, кто приезжал в этой карете или хотя бы что за герб был изображен на ее дверцах, то, быть может, я и подумал бы...

— Это еще не все, сеньор. — Бето соорил хитрую рожу. — Я кое-что услышал.

— Правда? — без всякого интереса спросил Фернан.

— Истинно так! Я как раз обходил замок и услышал один разговор...

— Да? И кто разговаривал?

— «Бордовые», сеньор.

— Продолжай.

— Так вот, — затараторил Бето, явно приободренный проснувшимся интересом хозяина. — Там у них окно было настезь распахнуто, а я как раз под ним и оказался.

— Разумеется, случайно, — хмыкнул Фернан.

— Конечно, сеньор!

— И о чем же говорили эти достойные служители Церкви?

Бето явно повезло оказаться под открытым окном библиотеки и услышать беседу двух епископов.

— Они много говорили.

— И о чем же?

— Очень много говорили, — продолжил Бето, словно не слыша повторного вопроса хозяина. — Как я понял, они искали какие-то бумаги.

— Знаю. Запрещенные Церковью книги, — разочарованно произнес Фернан. — Твоя информация не стоит и подошвы от сапог свинопаса.

— Нет, сеньор. Они искали не книги, они искали какие-то бумаги...

— Книги, бумаги? Какая разница, что хранилось в библиотеке де Туриссано?

— Есть разница. Отцы-дознаватели чуть ли не кипели.

— Ты уверен? Ничего не перепутал? — нахмурился де Суоза.

— Уверен, хозяин. Я стоял... лежал прямо под окном и все прекрасно слышал. Они искали бумаги. А один, тот, который с таким мерзким хриплым голосом...

— Де Лерро... — машинально сказал Фернан.

— Так вот, он сказал, что устои Церкви зависят от того, найдут они эти бумаги или нет. А еще этот де Лерро обвинил другого, что это из-за его некомп... некомпи... тентности. Вот так прямо и сказал.

— Продолжай.

— Это все, сеньор. Потом они только лишь шипели друг на друга.

— Они не говорили, каким образом документы попали к графу и что в них было?

— Нет.

— Хорошо. Завтра можешь купить себе сапоги.

— Спасибо, сеньор!

Что же это за бумаги, раз от них зависит будущее Церкви? Что это за документы, если ради них епископы торопятся в провинцию? Уж явно не пара еретических книжек из библиотеки мертвого маршала.

Путь до Эскарины занял почти всю ночь. В столицу Таргеры они въехали, когда до рассвета оставалось не больше двух часов. Город, раскинувшийся по берегам огромной подковообразной бухты, спал. Большую часть пути Фернан и Бето преодолели по совершенно пустым, сонным, измученным летней жарой, освещенным масляными фонарями улицам. Трижды они встречали патрули городской стражи, что развезжали на лошадях. К дворянину и его слуге стражники не проявили никакого интереса. Мало ли откуда едет благородный господин? Он не вор и не преступник, чтобы отвечать на их вопросы. Лишь лейтенант одного из патрулей вежливо поздоровался с припозднившимся сеньором. Фернан в ответ коснулся шляпы.

Бето, ехавший позади Фернана, время от времени бормотал «ва-лаи» и отчаянно зевал. Они ехали по центральному улицам Эскарины, застроенным особняками знати, к дому Фернана, который располагался на набережной Панты — реки, впадающей в Сарейское море. Сеньор де Суоза часто ездил по этой дороге, и лошадь, уже выучившая маршрут, совершенно не нуждалась в понуканиях своего хозяина. Она, как видно, мечтала поскорее оказаться в конюшне, где с нее снимут тяжелое седло и накормят чем-нибудь вкусным.

За прошедший день Фернан устал не меньше своей животины. Долгая дорога давала о себе знать. А еще сеньор де Суоза был голоден и жутко зол на идиота, убившего графа. Всю обратную дорогу «василиск» думал о произошедшем убийстве, но в итоге у него родилась всего лишь одна разумная мысль.

Он не будет лезть в дела Церкви, отцов-дознавателей и «гарпий». Покойный каким-то образом оказался замешан в церковные дрязги, и в этом не возникало никаких сомнений. А от подобного за лигу несло неприятностями, и вполне понятно, что де Суоза совершенно не хотел ввязываться в такие дела.

До дома капитана «василисков» оставалось всего ничего. Сонные белостенные особняки с красными черепичными крышами и высокой оградой тянулись слева и справа. Затем шли обычные дома горожан. Маркиз предпочитал жить на набережной, в менее престижном, но куда более приятном районе.

Они свернули на узкую и короткую улочку Святого Шеро, упирающуюся в набережную реки, возле которой находился дом Фернана. Улочка была так же тиха и пуста. Лишь бесчисленные ночные мотыльки танцевали вокруг стеклянных колпаков фонарей стремительную ральеду.

Всадники уже почти добрались до дома, когда дорогу им перегородили четверо пеших. Фернан, не ожидавший ничего подобного, натянул поводья. В голове с быстротой молнии мелькнула мысль о грабителях. Мелькнула и тут же пропала. Если это и грабители, то излишне наглые. Они не могут не знать, что здесь не городские трущобы, а чуть ли не центр столицы, где полно стражников. К тому же и одежда, и то спокойствие, с которым они стояли, говорили о многом. Сеньора де Суоза смущало очень странное для всякого уважающего себя грабителя обстоятельство — оружие незнакомцы держали в ножнах.

Ближе всего к маркизу находились двое. Один был настоящим великаном, Фернан вряд ли достал бы ему до середины груди. Небритая простоватая рожа, шляпа горшком, рапира. Второй, в отличие от своего товарища, облаченный в обычное платье горожанина, явно был дворянином. Одет парень неброско и не слишком уж богато, но аккуратно.

Именно этот высокий, поджарый субъект, по мнению Фернана, был самым опасным из всей четверки. Он стоял как раз у фонаря, и «василиск» смог изучить благородное лицо. Черные глаза, нос с горбинкой, густые брови и вежливая полусмешка на тонких губах. Борюда незнакомец не носил, лишь черные, едва подкрученные усы.

Третий человек застыл у стены в тени, и как он выглядит, Фернан рассмотреть не мог — ему был виден лишь неподвижный силуэт. Четвертый, стоявший дальше всех, на мгновение привлек внимание

«василиска». Но всего лишь на мгновение. Этот человечек оказался пожилым и очень сутулым. Из оружия — кинжал. Такие было разрешено носить горожанам. Судя по всему, этот представлял наименьшую опасность.

За спиной у Фернана тихо шелкнула наваха, раскрываемая Бето.

— Валаи, сеньор! — тихо проговорил слуга. — Плохо дело.

Обычно плаксивый голос Бето сейчас был необычайно серьезен. Фернан позволил себе неспешный и ленивый взгляд через плечо. Еще двое. Банальная ловушка. Капитан «василисков» вновь перевел взгляд на тех, кто закрывал ему путь.

— Чудесная ночь, сеньор де Суоза, — неожиданно сказал дворянин.

— Не имею чести, — холодно процедил Фернан.

— Да не очень-то и большая честь, сеньор, — усмехнулся незнакомец. — Мое имя не так уж высоко по сравнению с именем маркизов де Нарриа. Позвольте мне остаться неизвестным.

— Воля ваша, сеньор. — Спокойствие Фернана было напускным. Сейчас «василиск» походил на натянутую арбалетную тетиву. — Да, ночь действительно чудесна, здесь я с вами совершенно согласен. А теперь, когда с любезностями покончено, позвольте откланяться. Я тороплюсь.

Он тронул лошадь каблуками сапог.

— Минуту, сеньор. — Дворянин и не думал уходить с дороги.

— В чем дело? — нахмурился Фернан.

— Мне поручили передать вам послание.

Едва заметное движение бровями.

— У вас ведь есть имение в Нарриа?

— Это вопрос? — холодно бросил Фернан, положив руку на шпагу.

— Простите. Я забыл о вежливых манерах. — Едва заметный поклон, все та же ироничная полуулыбка. — Меня просили передать, чтобы вы на время оставили столицу и отправились в провинцию. Ночной воздух Эскарины иногда опасен для здоровья.

А вот теперь Фернан успокоился. Этих людей послали не его личные враги и не враги рода, затаившие кровную месть. Кто-то другой, со стороны, не знающий род де Суоза и лично Фернана. Иначе бы этот некто знал, что таким образом Фернана не напугать. Скорее всего, наоборот — подобные угрозы превращали невысокого блондина в упрямого, свирепого иренийского пса.

— Это угроза?

— Что вы! — Дворянин явно издевался. — Конечно же нет!

— И кто же попросил вас передать мне подобное предупреждение?

— Предупреждение? Вы меня не так поняли...

— Я вас понял так, как мне было угодно! — отрезал Фернан. Он был уверен, что живыми их вряд ли отпустят и после разговоров дело

дойдет до клинков. Для предупреждений не посылают столь хорошо обученных людей.— Если вашему хозяину угодно поговорить, он знает, где меня найти. С его псами я бесед вести не намерен! С дороги, любезнейший, или моя лошадь станцует на ваших костях ральеду!

Это было намеренное оскорбление.

— Клянусь Искусителем, вы выслушаете меня до конца, сеньор невежа! — Лицо дворянина оставалось спокойным, лишь голос стал выше.

Великан, стоявший рядом с собеседником маркиза, обнажил клинок. Те, что находились позади Бето, поступили точно так же.

— Иначе... — между тем продолжил незнакомец.

Фернан слушать не стал. Он вполне мог догадаться, что последует за этим «иначе», и что есть силы всадил шпоры в лошадиные бока. Еще была возможность прорваться и избежать схватки, в которой у них с Бето против шестерых было очень немного шансов. А дальше все произошло за несколько ударов сердца. Не ожидавшая ничего подобного лошадь прыгнула вперед, и преграждавшие дорогу едва успели отскочить в стороны.

Из полумрака выскочил третий. Совна<sup>1</sup>, зажата в его руках, описала полукруг и ударила лошадь по ногам. Фернан успел выскочить из седла, прежде чем визжащее от боли животное рухнуло на мостовую.

Во время приземления сеньор де Суоза сильно приложился о землю левым боком. Не обращая внимания на разливающуюся по ребрам боль, вскочил, сорвал с себя плащ. Изящная серебряная застежка, упав на камни, жалобно звякнула. Фернан был зол — и прежде всего на себя. Он должен был предположить, что кто-то мог быть вооружен чем-то более грозным, чем шпаги и рапиры. За глупость пришлось расплачиваться лошадь. Несчастное животное с перерубленными ногами визжало на одной нескончаемой ноте и билось на камнях мостовой. Вооруженный совной воин подскочил к лошади и двумя отточенными ударами прекратил ее мучения.

— Хотя на том спасибо,— пробормотал Фернан, обнажая шпагу. В левую руку он взял дагу, все это время находившуюся в заспинных ножах, под плащом.— Эта лошадь была мне дорога!

— И она погибла по вашей глупости! — Дворянин, стоявший шагах в пятнадцати от Фернана, тоже извлек оружие.

В воздухе сверкнула брошенная наваха, и человек, вооруженный совной, упал на колени. Нож торчал у него под лопаткой. Бето извлек из ножен чивону<sup>2</sup> и, спрыгнув с лошади, принялся поджидать, когда к нему подойдут те двое, что ранее перекрывали дорогу к от-

<sup>1</sup> Совна — алебарда, напоминающая выпрямленную косу.

<sup>2</sup> Чивона — разновидность рапиры с широким клинком и корзинообразной гардой.

ступлению. Слуга мастерски выбрал позицию, встав у стены и спрятавшись за животным, тем самым защитив себе спину и левый бок, и Фернан пока был за него спокоен. Нужно было позаботиться о себе.

Громила, дворянин и горожанин с кинжалом. Трое против одного. Хотя нет. Двое. Горожанину, как видно, совершенно не улыбалось выходить с зубочисткой против шпаги, поэтому он отступил вглубь улицы еще шагов на пятнадцать.

«Ну и Искуситель с ним!» — облегченно подумал Фернан.

— Этот недомерок мой! — Громила с рапирой наперевес бросился к де Суоза, опередив неспешно подходящего дворянина.

Здоровяк отсалютовал клинком, и в этот момент Фернан нанес быстрый укол. Он не собирался соблюдать приличия. Это был бой, а не дуэль, и отвечать на салют противника — значило упустить прекрасный шанс отправить врага на встречу с Искусителем. Маркиз де Нарриа никогда подобных шансов не упускал и был сторонником одного удара и короткого боя. Он не понимал, для чего некоторые играют со своими врагами словно кошки с мышью и тратят силы, рискуя получить рану, когда бой можно закончить, нанеся всего лишь один быстрый укол.

Руку пришлось вытянуть что есть силы — роста парень был отменного. Шпага пробил шею так и не окончившего салют громилы. Фернан быстро отскочил в сторону и повернулся к дворянину, краем глаза отмечая, что поверженный противник выронил рапиру и, схватившись за рану двумя руками, оседает на землю.

«Нашел когда играть в благородные игры!» — презрительно подумал Фернан.

— Это тебе за недомерка.

— Хороший удар, сеньор! — Дворянин уже держал в левой руке кинжал.

Фернан не ответил. За его спиной раздавался звон оружия и ругательства. Кажется, Бето пока вполне успешно сдерживал натиск врагов.

— И шпага отличная и несколько... оригинальная.— Дворянин стал в безупречную стойку и, вытянув правую руку, развернул ладонь так, чтобы острое его клинка смотрело Фернану прямо в лицо.

Фернан опять не ответил. Если этому господину не нравится, что у его шпаги волнистый клинок<sup>1</sup>, — это его проблемы. Сидел бы дома и не лез в разговоры. Де Суоза церемониться с противником не собирался.

<sup>1</sup> В определенный исторический период шпага с волнистым клинком в Европе считалась запрещенным оружием, недостойным чести дворянина, ибо в схватках волнистый (пламевидный) клинок во время рубящих ударов или подрезов наносил очень страшные, плохо заживающие раны (эффект пилы). В некоторых войнах пленников, оказавшихся вооруженными таким оружием, казнили без суда и следствия, невзирая на звания и благородное происхождение.

Несколько секунд кончики их шпаг едва касались друг друга. Никто не решался начать атаку. Наконец дворянин попытался отбить клинок «василиска» вверх и вбок и нанести укол. Фернан отшагнул назад, оказался вне досягаемости укола и парировал оружие дагой. Настала очередь «василиска» опробовать защиту дворянина. Все еще блокируя дагой шпагу противника, капитан нанес укол. Дворянин не двинулся с места, отбил кинжалом шпагу Фернана, отразив укол «наружу», и что есть сил пихнул Фернана ногой в живот. Нечто подобное де Суоза и ожидал, а потому проворно отскочил назад. Во время этого прыжка дворянин, не мешкая, нанес сильнейший рубящий удар Фернану в голову. Удар был «тяжелым», и де Суоза вновь пришлось отступить, используя для отражения падающего клинка скрещенные над головой шпагу и дагу.

Поймал, повернулся, опуская руки с оружием, и резко отмахнулся шпагой, разрывая дистанцию.

— Хорошо фехтуете, сеньор.

— И вы, сеньор. Продолжим?

Дворянин был хорош. Действительно хорош! На любой выпад Фернана он отвечал великолепной защитой и сразу же, не мешкая, переходил в стремительную атаку. Фернан полностью отдался фехтованию, на все остальное просто не хватало времени. Он не знал, из какой берлоги выполз этот парень, но его обучал мастер. Противники смотрели друг другу в глаза, и лишь их тяжелое дыхание и отчаянный звон оружия говорили о том, что сошлись они не на жизнь, а на смерть. Атака, защита, ударить в голову, закрыться, подставить дагу под несущийся в живот клинок, вытянуть руку, до боли выкрутив запястье, чтобы нанести укол в горло и тут же превратить его в финт и ударить в грудь с одновременным уколом дагой в плечо. И вновь неудача!

Ответная атака дворянина была стремительной. Он кинжалом отвел клинок Фернана вниз, и, прежде чем «василиск» успел поднять дагу, шпага противника сверкнула, прорываясь через мизерную брешь. Браг отскочил в сторону. Поначалу Фернан подумал, что его не задела, но спустя секунду почувствовал, что левую половину лица жжет огнем. Провел по щеке и с удивлением отметил, что перчатка потемнела от крови.

— Цените мое благородство, сеньор.— Дворянин, как и Фернан, тяжело дышал.— Я оставил ваш глаз целым! Как вам моя роспись? Думаю, для полного совершенства следует оставить точно такую же на вашей правой щеке. Этим мы сейчас и займемся!

— Хватит пустых разговоров, сеньор Никто! — прорычал Фернан.

Опять мельканье и звон клинков. На этот раз де Суоза успел увидеть удар, нацеленный ему в правую щеку, отразил шпагу дагой и быстро уколол дворянина в живот. Казалось, что в этом человеке си-

дит сам Искуситель. Враг шагнул вправо, заблокировал клинок кинжалом и сильно ударил своей шпагой Фернана по левому плечу. Де Суоза пришлось «войти» в противника и одновременно нажать на скрытую кнопку, находящуюся на рукояти даги. Сработала пружина, дага щелкнула, и ее лезвие раскрылось на три части. Именно на этот «трезубец» Фернан и поймал падающий клинок. Со всей поспешностью, дабы избежать тычка кинжалом, нанес горизонтальный удар шпагой поперек живота. Дворянин находился слишком близко, чтобы поставить блок, да и шпага его потеряла всякую подвижность из-за даги-ловушки. Сеньору Никто не оставалось ничего другого, как отскочить назад и, чтобы освободить клинок, поднять и развести руки в стороны. Кончик шпаги Фернана лишь распорол камзол противника.

Как только дворянин приземлился и застыл в высокой стойке, больше приличествующей опытному тореадору, чем фехтовальщику, Фернан, воспользовавшись своим невысоким ростом, нырнул вниз и, превратившись в струну, нанес шпагой свой коронный укол. Если бы капитана «василисков» увидел его первый учитель фехтования, он бы как истинный ирениец восхищенно цокнул языком и воскликнул: «Bravo, mio chico! Perfectum ferite di prima! Perfectum!»<sup>1</sup> Старый мастер редко хвалил своих учеников, но этот удар действительно был совершенным. Быстрым. Опасным. Снизу вверх. И из того положения, в котором сейчас находился сеньор Никто, практически неотразимым. Шпага Фернана с быстротой молнии метнулась вперед и на два пальца вошла противнику в правую половину груди. Сеньор Никто вскрикнул, выронил кинжал и отскочил назад, зажимая рану левой рукой.

— Квиты! — усмехнулся Фернан.

Усмешка принесла с собой резкую боль. Кажется, рана, нанесенная «василиску» этим дворянчиком, оказалась достаточно серьезной. Пламя боли начинало бесноваться у виска и успокаивалось только где-то у нижней челюсти. Фернан представлял, какой у него, должно быть, ужасный вид. Вся левая половина лица в крови, которая капала на воротник и стекала по шее под рубашку.

— Ерунда! Это просто царапина! — Дворянин сплюнул кровью. — Я готов продолжать, сеньор!

Фернан, несмотря на боль, опять усмехнулся. У противника, вне всякого сомнения, задето легкое. Ну минута, ну две... больше он не продержится.

— Как вам угодно, сеньор. Ничто не доставит мне такой радости, как отправить вас на свидание с Искусителем.

<sup>1</sup> Bravo, мой мальчик! Великолепный восходящий укол из нижней позиции! Великолепный! (*um.*)

Он активировал пружину, и три клинка даги вновь стали одним. Вдалеке послышались встревоженные крики и топот ног.

«Стража, как всегда, приходит поздно!» — подумал Фернан и быстрыми шагами направился к дворянину, чтобы теперь уж наверняка добить раненого. Но у того были другие планы.

— Боюсь, нам собираются помешать, сеньор.— Несмотря на ранение и сочащуюся сквозь прижатые к ране пальцы кровь, противник де Суоза все еще мог иронизировать.— Так что позвольте откланяться. Мы продолжим нашу занимательную беседу в следующий раз, и, уверяю вас, более плодотворно.

Дворянин толкнул оказавшуюся незапертой дверь ближайшего дома и с силой захлопнул ее в тот самый момент, когда «василиск» метнул дагу. Клинок застрял в дереве, и Фернан едва слышно выругался сквозь стиснутые зубы. Подобное стоило предугадать. Раз на улице не видно лошадей,— значит, у этих ребят есть совершенно иной путь для отступления. Ломать дверь дома, где скрылся сеньор Никто, не было ни сил, ни смысла. Сеньор де Суоза знал, что в подобных домах обязательно имеется выход на задний двор, с которого можно попасть в нескончаемый лабиринт узких городских улочек. Теперь врага не догнать.

Ну и Искуситель с ним! Фернан злорадно подумал, что сейчас разговорчивому сеньору-насмешнику гораздо хуже, чем ему. Жаль, что рана в легкое не оказалась смертельной, но шанс, что дворянин умрет, не успев найти хорошего лекаря, высок. Фернан искренне пожелал сеньору Никто до лекаря не добраться.

Звона клинков Бето и двух его противников больше не было слышно. Де Суоза обернулся. Слуга стоял, опираясь спиной о стену. Левая рука повисла безвольной плетью, правая зажимала рану в плече. У ног валялось двое покойников.

Фернан хмыкнул. Не повезло ребятам. Откуда же им было знать, что, когда маэстро Пито не мог прийти в дом маркиза, капитан «василисков» проводил тренировочные бои на рапирах со слугой и за прошедшие годы натаскал Бето в умении обращаться с клинком.

— Жив, бездельник?! — Фернан прижал ладонь к щеке, пытаясь остановить кровь.

— Да, сеньор! Руку задели, валаи!

Де Суоза направился к нему, перешагнув через мертвеца, в спине которого застряла наваха, и только тут вспомнил о человеке с кинжалом. Резко обернулся, вскидывая так и не убранный в ножны шпагу. Сутулый человек медленно пятился от него по улице. Крики приближающейся стражи раздавались за углом.

— Ну уж у тебя-то я спрошу, кто так хотел передать мне послание,— пробормотал Фернан и во весь голос заорал: — Стой, мерзавец!

Человек дернулся и резко взмахнул рукой. Фернан подумал, что в него хотят метнуть кинжал. Сработал инстинкт, и он отскочил в сторону. Это его и спасло. Убийца метнул не кинжал. «Василиск» скорее почувствовал, чем увидел, как нечто пронеслось мимо него и с грохотом ударило в дом, разнеся его вдребезги. Во все стороны полетели камни и ошметки того, что ранее было Бето и лошадь. Затем сеньора де Суоза накрыло теплой волной воздуха — и он потерял сознание.

### *Traverse<sup>1</sup>*

Ули открыл глаза и несколько минут лежал не шевелясь, привыкая к темноте и вслушиваясь в дыхание спящих. Рядом тихонько сопела младшая сестренка. Мальчик аккуратно соскользнул со старой невысокой кровати и осторожно, стараясь не шуметь, направился к двери. Половицы под босыми ногами предательски скрипели и грозились перебудить весь дом. На каждый протяжный скрип Ули болезненно морщился и замирал. Если из-за его ночного баловства проснется отец, то в лучшем случае он отделается подзатыльником, а в худшем — его ждет порка. Жители деревни, затерянной меж лесов Ведьминой гряды, что находилась возле самой границы с Андрадой, работали от рассвета до заката и краткие часы сна ценили на вес золота.

Возле двери спал большой старый кот. Он приоткрыл глаза, недобрительно покосился на мальчика, раздраженно дернул кончиком хвоста и вновь задремал. Ули перешагнул через Разбойника, добрался до двери избы и тихонько выбрался во двор.

Несмотря на позднее и в общем-то достаточно теплое, если не сказать жаркое лето, на улице было свежо. Ежась от ночной прохлады, Ули натянул рубаху и направился к калитке. Возле нее, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу, стоял Ери. Земля была холодной, но обувь Ули оставил в доме, и теперь до реки придется бежать босиком.

В курятнике кудахтнула сонная курица. Недалек тот час, когда пропоют первые петухи, начнет светать и деревня проснется. Первой конечно же встанет мать. Она выгонит коров из хлева, чтобы те присоединились к общему стаду деревни, за которым присматривает старый Джо-пастух. До этого времени надо вернуться, если Ули не хочет получить нагоняй и провести весь день, убирая хлев или таская воду, чтобы наполнить огромную дубовую бочку, что стоит на заднем дворе.

<sup>1</sup> Т р а в е р с (*фр.*) — термин, используемый в фехтовании. Необходимый шаг/уход с линии атаки или же необходимое отступление.

— Чего так долго? — прошипел Ери, когда Ули прикрыл за собой калитку и оказался на улице.— Я замерз!

— Отца боялся разбудить,— шепотом ответил Ули.— Пошли, что ли?

Черноволосый Ери поспешно кивнул, и двое мальчишек побежали по пустой деревенской улице. Звезды уже поблекли и горели не в полную силу, месяц побледнел, опустился к темным вершинам могучих елей, которые угрюмой стеной огораживали деревню от всего остального мира. Оставалось чуть больше часа до того, как ночного неба коснутся первые солнечные лучи. Они превратят темный бархат небосвода в алеющий шелк, и к этому времени стоит покончить с делами и оказаться в кровати.

Ери свернул с центральной деревенской улочки направо, побежал вдоль забора Карлоса-плотника. Разбойник — грозный пес Карлоса, всегда с лаем бросавшийся на любого чужака, сейчас лишь приподнял одно ухо и проводил детей сонным взглядом. Ули и Ери вот уже месяц прикармливали старого пса, чтобы тот не брехал.

За домом плотника начиналось заросшее широкими лопухами и высокой крапивой поле. Карлос был слишком большим лентяем, чтобы приводить свой участок земли в надлежащий вид. Узкая тропка вела прямо на невысокий холм. Шипя, когда особенно настырный лист крапивы жалил кожу, дети направились по заросшей тропинке. Один раз Ули громко ойкнул — острый камешек уколол ногу. Весь оставшийся путь до вершины холма мальчик прихрамывал и корчил болезненные гримасы. Достигнув цели, они остановились, посмотрели назад. Огонь горел лишь в доме, располагавшемся на самом дальнем краю деревни — у кузнеца.

Тропка с холма вела к спокойной и медленной реке, берега которой буйно заросли осокой и высоким, почти в человеческий рост, камышом. Над гладкой, точно зеркало, водой появились первые, едва видимые клочья тумана. Он стелился над рекой, путался в прибрежной траве, застревал среди камышей и пузатых гнезд выюрков, поднимался вверх, пытаясь заползти на берег. Дети сошли с тропинки и побежали, не разбирая дороги, прямо по траве, на которой уже успели выступить мелкие и очень холодные капли росы.

— Давай пошевеливайся, пока Карлос не проснулся,— буркнул Ери и поежился.

— Не проснется,— хихикнул Ули.— Он встанет не раньше полудня!

— Ты-то откуда знаешь?

— Знаю, и все.— Ули скорчил загадочную рожицу.— Я его этим вечером вдрызг пьяным видел. Даже Разбойник спрятался в конуру от греха подальше.

ЕЛЕНА БЫЧКОВА,  
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

- Иногда они умирают •



*Посвящается всем, кто дошел и вернулся.  
Тем, кто пока только мечтает, но однажды решится.  
А также тем, кто остался в этих горах навсегда*

## ГЛАВА 1

### *Кайлат*

Камни, лежащие горкой на грязном листе бумаги, отсвечивали робкими золотистыми бликами. Слишком робкими, слишком тусклыми.

— Берите, господин. Эти очень хорошие. Самые лучшие, — весело щебетала Муна, разворачивая новый замызганный сверток.

Эти топазы были еще хуже. Мелкие, непрозрачные и к тому же плохо отшлифованные. Они собрались на бумажном обрывке жалкой горсткой, похожие на мутные глаза дохлых рыб.

— Очень хорошие, — нахально заявила девчонка и посмотрела на меня честным взглядом.

— За кого ты меня принимаешь, Муна? — устало спросил я. — За глупого туриста? Эти камни не годятся даже на бусы для твоей младшей сестры.

Онаostroила удивленно-обиженную физиономию, продолжая по инерции расхваливать товар и упрекать меня в недоверии. А я молча рассматривал ее.

Чумазое лицо с ярко накрашенными губами и веками, золотое кольцо в левом крыле носа, тоже не очень чистого. На длинных черных волосах повязка, расшитая нитью, которая раньше была бордовой. Между бровей тщательно приклеено несколько комочков розового риса — украшение по случаю праздника.

На пальцах с обгрызенными ногтями и наполовину облупившимся алым лаком — кольца, тоненькие запястья увиты браслетами. В черных зрачках уже поблескивают опасные огоньки, напоминающие цветом камни, которые она продает.

Единственной настоящей драгоценностью на девушке был маленький голубой сапфир, вживленный в кожу над левой бровью. Для украшения всего тела Муна была еще слишком юной.

— Зачем так говорить, господин. Я всегда даю вам хороший товар, — сказала она уже менее уверенно, смущенная моим долгим молчанием.

— Другие камни есть?

— Нет, — замотала она головой. — Эти последние.

Я невольно вспомнил слова Уолта, с упоением рассказывающего об этой стране и населяющем ее народе:

«Там живут удивительные люди. У них даже нет таких понятий, как ложь и предательство. В языке просто не существует подобных слов. Можешь себе представить?»

К счастью, он никогда не был в Кайлате, и ему не пришлось пережить разочарование, постигшее меня. Почти в первые же дни узнавшего, что понятие «ложь» в данной местности не требует определения не из-за ее отсутствия. А как раз напротив — из-за естественности процесса обмана, и обозначалось оно тем же словом, что и «работа»...

Из низкого, приземистого дома, прижимавшегося задней стеной к склону отвесной скалы, выбрался мальчишка лет трех и, неуверенно переставляя изуродованные рахитом ноги, выгнутые колесом, подобрался к сестре. Сунув палец в рот, он застенчиво уставился на меня.

И я, как всегда, полез в карман, доставая шоколадку. Протянул ему. Братец Муны тут же доковылял ко мне и деловито схватил угощение.

— Вы берете? — вновь приободрившись, защебетала девушка. — Две тысячи всего. А то уже поздно-поздно. А вам идти далеко-далеко. Можете не успеть.

На последних словах ее голос дрогнул, в нем зазвучали странные гортанные нотки. Как у хищной кошки, глаза снова опасно блеснули, и я увидел точно такой же голодный отсвет в зрачках ее маленького брата.

— Ты права, — ответил я, посмотрев на горы, неровными стенами встающие над долиной. Их вершины постепенно затягивали облака. — Надо торопиться.

Поднял рюкзак, привычно забросил его на плечи и пошел прочь. Муна защебетала мне что-то вслед, но ее голос вдруг оборвался, а я услышал за спиной хриплый окрик:

— Райн, погоди.

Я обернулся. С порога неторопливо спускался коренастый мужчина. Он сказал Муне что-то резкое на местном наречии — смеси найнти с пентха, и та, надувшись, ушла, прихватив с собой брата.

— Не спеши, — вновь обратился ко мне хозяин дома. — Есть для тебя кое-что.

Он вынул из кармана растянутых штанов небольшой мешочек, развязал тесемки и высыпал его содержимое себе на ладонь.

Мне показалось, что в тот же миг все вокруг озарилось ровным теплым светом. Золотые топазы. Несколько крупных, великолепно отшлифованных камней, наполненных сиянием. Именно за этим я

ходил в горы едва ли не каждый месяц, кроме зимних. В нашем мире они стоили очень дорого и считались необходимым украшением у каждой уважающей себя женщины. Кто не мог приобрести натуральные, покупал подделки. Говорили, что в последнее время научились выращивать синтетические камни, практически неотличимые от природных. Но все же ни один из них не мог сравниться с настоящим кайлатским золотым топазом.

У Тиссы был такой камешек, который она любила носить, доводя до бешеной зависти своих подружек. И кто бы мог подумать тогда, что я сам стану добывать эти драгоценности.

— Сколько? — спросил я, вновь бросая рюкзак на землю.

Ранпур стоял в самом начале длинной цепи, по которой камни попадали в цивилизованный мир. Он по дешевке скупал их у местных добытчиков, потом перепродавал мне, я доставлял своему агенту, а тот отправлял в Амстел и Фиренцу, где их взвешивали, оценивали, классифицировали и пересылали в ювелирные дома. А уже оттуда, в виде украшений, развозили по крупнейшим магазинам.

— Пять, — ответил Ранпур, подумав, и добавил с самым искренним видом: — Только для тебя.

Если бы у меня было время торговаться, я бы постарался сбить цену, но теперь приходилось торопиться.

— Хорошо. — Я отдал ему деньги и получил увесистый мешочек.

— Когда будешь в следующий раз? — спросил хозяин, задумчиво глядя на темнеющие горные склоны.

— Не раньше чем через месяц, — ответил я, убирая топазы во внутренний карман куртки.

— Лучше через два, — откликнулся он. — Шахты совсем плохими стали. Мало камней. Придется из-за перевала возить.

Это вполне могло быть правдой. За последние несколько лет крупных топазов стало гораздо меньше, а мелкие потеряли весь блеск.

Ранпур кивнул мне на прощанье и неторопливо направился к дому. А я быстро пошел прочь. В ближайший поселок до темноты мне было точно не успеть, но я знал, где можно переждать ночь.

Видимые вершины гор все еще были освещены чистым розовым светом, однако в ущельях уже клубились густые сиреневые сумерки. Воздух стал влажным и густым. Пыль, висящая над дорогой, осела, и теперь, спешно спускаясь вниз со склона, я вдыхал запах осенней листвы и тумана.

Тишину нарушало лишь негромкое журчание реки на дне ущелья и звук моих шагов.

По краю обрыва росли кусты барбариса, усыпанные красными продолговатыми ягодами, и редкие сосенки. Туман, поднимающийся снизу, окутывал их серым облаком. И каждое новое дерево становилось похоже на призрака, скорбно склоняющегося над пропастью.

Я прибавил шаг.

Говорят, что когда-то в незапамятные времена над этими горами пролетала птица Сиал-чари. Тень от ее крыльев накрывала поселки, и с тех пор с наступлением темноты их жители стали превращаться в кровожадных хищников. А поскольку полет этой мифической птицы был весьма неровным, узнать, каких поселений коснулась ее тень, можно было только на личном опыте.

Впрочем, иногда мне казалось, что эта тень лежит и на всем цивилизованном мире, в котором я жил до того, как пришел в горы. Хотя мои соотечественники не охотились за поздними путниками после захода солнца и не устраивали кровавых оргий над их расчлененными телами.

Тропинка круто сбегала по склону. С обеих сторон над ней нависали камни, обросшие разноцветным лишайником, между которыми торчали пучки подсохшей травы.

Сверху уже был виден низкий забор, грядки, заросшие сорняками, кусты и каменный домик с одним окном. Не так давно здесь была ферма по восстановлению редких видов растений, существующих лишь на территории Кайлата. Кто-то из известных альпинистов решил вложить деньги в восстановление местной флоры, страдающей от наплыва туристов. Но из этой затеи ничего не вышло. Никто из кайлатцев не стремился помогать ему работать с растениями в питомнике, считая, что те и сами неплохо растут. Альпинист вскоре потерял интерес к разведению реликтов в одиночестве и занялся редкими животными, перебравшись в Аранпур, где сумел найти единомышленников. Но дом сторожа до сих пор стоял здесь и не спешил разваливаться.

Сумерки сгустились еще больше, и теперь я почти бежал вниз по дорожке.

Внезапно сверху послышались хруст, шелест, тяжелые шаги. Резко подняв голову, я увидел круглую морду эбо, равнодушно взиравшего на меня из кустов. Он помахивал ушами и ритмично двигал нижней челюстью, пережевывая жвачку.

— Шел бы ты отсюда, парень, — сказал я ему. — А то встретишь ненароком своих хозяев.

Он отвернулся и с легкостью, нереальной для могучей косматой туши, стал взбираться вверх по практически отвесному склону. Похоже, внял предостережению.

Вот наконец и забор. Я протиснулся в дыру между досок и оказался на территории фермы. Быстро прошел по узкой тропинке к сторожке. Вошел в дом, плотно закрыл за собой дверь и лишь после этого позволил себе вздохнуть с облегчением.

Внутри было темно и пусто. На полу лежал толстый слой прелых листьев, пахло сыростью и гнилыми досками. Света, просачивающегося через небольшое окошко с уцелевшим грязным стеклом, хватало

ло лишь на то, чтобы увидеть смутные очертания какого-то темного предмета в углу.

Я чиркнул зажигалкой и осветил маленькую комнату с покосившимся топчаном. Порылся в кармане, достал свечку, зажег ее и прилепил на узкий подоконник. Таиться не имело смысла. Меня все равно найдут рано или поздно. В этом я тоже успел убедиться. Поэтому вытащил из переднего клапана рюкзака кусок бечевки и наматал ее на дверную ручку и скобу, торчащую из косяка. Раньше я бы никогда не поверил, что обрывок простой на первый взгляд веревки может спасти мне жизнь, но несколько лет, проведенных в этих горах, помогли мне понять, что в нашем мире случаются очень странные вещи.

Темнота за окном наполнилась звуками. Вместе с ночным холодом, проникающим внутрь сквозь щели домика, стали просачиваться громкие шорохи, потрескивание, глубокие гулкие вздохи, быстрый топот чьих-то маленьких ножек, пронзительные крики ночных птиц, а может быть, и не птиц. Впрочем, сейчас все это звучало достаточно мирно, мне приходилось слышать по ночам кое-что и похуже. Особенно на перевале Гойю.

Стараясь не обращать внимания на эту суету за дверью, я достал из рюкзака горелку, установил на ней котелок, вылил в него воду, набранную еще днем у реки. Пока она грелась, расстелил спальник на топчане, размышляя, открыть последний пакет супа или сохранить его на утро.

Мельком поднял взгляд на окно, и холодный озноб кольнул кожу на затылке. С той стороны к стеклу прижималась человеческая ладонь. Мне показалось, что я могу разглядеть каждую линию на грязно-серой коже и каждый бугорок мозоли. Несколько мгновений рука оставалась неподвижна, потом пальцы начали медленно сжиматься, раздался громкий скрежет, и я увидел длинные когти, процарапавшие на стекле тонкие полоски. Затем послышалось ехидное хихиканье, и рука убралась, растаяла в темноте.

Я выпрямился, сообразив, что все это время почти не дышал.

Шутка. Это была всего лишь шутка. Неожиданный гость решил позабавиться над неосторожным путником. Пока только позабавиться.

Вдоль стены прошуршали крадущиеся шаги. Кто-то поскребся у двери, хмыкнул, а затем издал приглушенное ворчание, словно голодная собака, почуявшая кость.

— Муна, это ты? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и уверенно.

Видимо, это получилось, потому что за дверью затихли. Потом снова зашуршали, заскребились, громко сопя.

— Иди домой, — сказал я доброжелательно. — Лучше иди домой.

В щель между досками заглянул темный глаз, светящийся по краю радужки неровным, мерцающим светом. Он смотрел на меня с жадным, звериным любопытством, не мигая. В дыру между дверью и косяком просунулись пальцы, украшенные знакомыми золотыми колечками и кривыми серыми когтями. Они осторожно ощупывали дерево, словно ища охранные знаки или запоры, коснулись веревки и поспешно отдернулись.

Муна... то, что было Муной днем, обиженно взвизгнуло и опять уставилось на меня сквозь щель.

— Уходи, — повторил я. — Сюда ты войти не сможешь. Ищи другую добычу.

Ответом мне было глухое, недовольное бормотание. Если бы она встретила меня ночью в горах, убила бы не задумываясь, но инстинкт запрещал ей входить в чужой дом. Объяснялось это просто — нападешь на жилище соседа, и в следующий раз он разорит твое. Быть может, на меня, чужака, подобное правило не распространялось, но веревка, сплетенная из волос ашура, отпугивала ее, как отпугивает зверей запах более крупного и опасного хищника.

Вновь послышалось негромкое ворчание, напоминающее неразборчивую человеческую речь. Зашелестели шаги, теперь как будто удаляющиеся от домика. Я подождал несколько минут, но ничего не происходило. Глубоко вздохнул, только теперь обратив внимание на бульканье закипевшей воды. Наклонился, повернул рычажок на горелке, уменьшая ее мощность, разорвал пакет с супом и щедро высыпал его содержимое в кипяток. Потянулся за ложкой, но именно в этот момент в дверь с той стороны ударилось что-то тяжелое.

Я резко повернулся к входу и тут же услышал приглушенный злорадный смех. А в щели снова замаячил любопытный глаз. Муна хотела убедиться, что чужак достаточно испуган. Я не доставил ей такого удовольствия, делая вид, будто занят. Но незаметно вынул из ножен кривой клинок и положил рядом с собой.

Уолт любил говорить о том, что люди Кайлата мудры, сильны, далеки от цивилизации и не испорчены ею, в отличие от нас. «Они близки к природе, фактически они — часть ее, — часто повторял он, пристально глядя на меня, словно пытаясь донести какую-то тайную, глубокую мысль. — Думаю, только они могли избежать жестокой участи нашего мира...»

За дверью затихли, видимо, придумывали, как бы вывести меня из себя или напугать сильнее, чтобы заставить выйти из дома.

Снова шаги, на этот раз в сторону окна. Рама задребезжала, а потом во все стороны брызнули осколки, свеча погасла и упала на пол. Теперь дом освещал лишь синеватый огонек горелки. Но в нем было видно, как в зазубренную дыру просунулась тонкая серая рука, затем плечо, всклокоченная голова. Взгляд блестящих глаз обежал комнату, задержался на котелке, в котором тихо побулькивало содержи-

мое, но не нашел меня, стоявшего прижавшись к стене рядом с оконным проемом. Муна попыталась протиснуться дальше, и в то же мгновение я крепко схватил ее за обманчиво хрупкую руку. Она взвизгнула от неожиданности, рванулась, но тут же замерла, почувствовав лезвие ножа, прижатого к своей шее.

— Иди... домой, — сказал я раздельно и отчетливо, словно обращаясь к животному, которое никак не может выполнить команду. — Или мне придется убить тебя.

Под тонкой кожей ее руки напряглись мышцы. Муна скосила глаза на блестящее лезвие, облизала губы и уставилась на меня. В синеватом свете это грязное хищное лицо казалось уродливой пародией на человеческое. Хотя было вполне узнаваемо.

Я посмотрел в ее расширившиеся зрачки и, стараясь вложить в это слово всю свою волю, произнес тихо:

— Уходи.

Она, кажется, даже перестала дышать.

А я выпустил ее руку, чуть оттолкнув. Муна зашипела, выскальзывая на улицу. И я увидел, как она бежит прочь, опустив голову и низко пригнувшись к земле.

Снова стало тихо. Из дыры потянуло холодом и запахом мокрой листвы.

Я сел на топчан, машинально вытирая лоб. Давно мне не приходилось делать ничего подобного.

Уолт называл это умение «силой души» и лишь в нем видел надежду на выживание для таких, как я и как он сам. Но оно отнимало очень много физических сил.

Я снова зажег свечу, выключил горелку и придвинул ближе котелок...

В первое время мне казалось диким, как может застенчивая юная девушка или приветливый юноша превратиться в жестокое, хитрое, кровожадное чудовище, а утром опять стать прежними. Не испытывая никаких угрызений совести за то, что натворили ночью. Для них это было обычным явлением, как дождь, ветер, смена времен года.

И я тоже привык к этой новой реальности.

## ГЛАВА 2

### *Намаче*

Остаток ночи я провел в полудреме, даже во сне продолжая прислушиваться к шелесту и шорохам вокруг дома. Но все эти звуки были безопасными. Больше никто не пытался проникнуть в мое убежище.

По-настоящему крепко я уснул лишь под утро и проснулся, когда в разбитое окно полился сероватый рассвет.

Собрав вещи и быстро позавтракав, вышел на улицу. Трава была покрыта инеем. Он похрустывал под ногами, пока я поднимался вверх по тропе. Тучи разошлись, и в бледно-розовом свете стала видна белая изморозь, за ночь покрывшая темные склоны гор. Когда встанет солнце, она растает, испарится под пока еще жаркими лучами, превратится в облака.

Ветер, текущий с ледников, нес с собой аромат холодной свежести.

Я оказался на дороге, ведущей к следующему поселку, оглянулся. Седой Старик — одна из самых величественных, на мой взгляд, гор на трекке, уже был подсвечен восходящим солнцем. Казалось, он стоял, склонив голову, и грозно смотрел из-под косматой шапки волос на ослепительные вершины длинного хребта, тянущегося через весь материк.

Собственно, именно из-за этих гор сюда приезжали туристы со всего света. С другой стороны долины, напротив Старика, блистал на фоне синего неба неровный конус Ю-Чой. А рядом с ней застыла Одинокая Дева. Прекрасная и неприступная. Эти гиганты казались мне пришельцами из какого-то другого, невероятного пространства. Ледяные, безмолвные, равнодушные, не замечающие с высоты своего величия живой мир, копошащийся у их подножий. А если вдруг видели на своих замерзших склонах кого-то из людей, наказывали очень жестоко.

Я шел по тропе, чувствуя, как постепенно согревается воздух и река, текущая в ущелье, начинает бормотать все громче. Позвякивали колокольчики эбо, навьюченных тюками с продуктами, сеном, канистрами с бензином или оборудованием экспедиций, направляющихся к метеостанции. Особенно забавно смотрелись аккуратные белые коробки с рисунком в виде синих полос и крылышек транснациональной почты, грязной веревкой примотанные к лохматым спинам. Неожиданный отголосок цивилизованного мира в дикой реальности Кайлата.

Едва заслышав перезвон колокольчиков, я привычно отошел к краю тропинки и шагнул на невысокий выступ, прижимаясь к крутому склону. Это было одно из правил жизни в горах. Единственные, кому уступали дорогу всегда, — были эбо, не важно, несли они груз или шли порожняком.

Если этого не сделать — по незнанию или замешкавшись, — можно легко оказаться сброшенным в пропасть.

Я стоял, глядя, как эбо медленно проходят мимо, опустив морды к самой земле и натужно дыша. Сейчас, ранним утром, им было не так жарко, но в полдень, когда солнце начнет припекать, воздух нагреется и поднимется пыль, животным придется нелегко.

Караван из пяти зверей сопровождали два погонщика. За ними шли носильщики, нагруженные не меньше эбо. Одного из них я знал. Еще совсем молодой парень, тащивший огромный рюкзак, увидел меня, расплылся в улыбке, остановился, сложил ладони лодочкой, поднес их к подбородку — поклониться у него не получилось из-за неподъемного груза — и сказал:

— Намаскар, Рай-джи.

— Намаскар, Рисаб, — ответил я, спускаясь с утеса. — Куда идете?

— К монастырю. — Не снимая рюкзака, он прислонился к выступу, давая отдых спине, и с любопытством уставился на меня. — Туда приедет много иностранцев. Говорят, будут снимать фильм. — Последнюю фразу он произнес с особой гордостью, словно сам собирался принимать непосредственное участие в грядущих событиях. — А ты куда?

— Обратно, в Лукулу.

— О! — значительно произнес он, щуря черные глаза. — Может, тебе носильщик нужен? Ты бы подождал в Намаче. Я быстро поднимусь, а потом назад пустой.

Весь этот разговор не имел особого смысла. Рисаб прекрасно знал, куда я иду, сколько на это потрачу времени, что привык носить свои вещи сам и уж тем более не стану терять день для того, чтобы дожидаться, пока он спустится, но правила дорожного этикета требовали обстоятельно обсудить эти вопросы. Остальные двое носильщиков с любопытством прислушивались к нашему разговору.

— Спасибо, Рисаб, я сам справлюсь.

На смуглых до черноты физиономиях приятелей моего собеседника появилось одинаковое выражение разочарования и легкого недоумения.

По мнению большинства кайлатцев, белые люди не должны носить свои рюкзаки. У них так много денег, что они обязаны нанимать для таскания тяжестей местных и давать им таким образом заработать. Поэтому я вел себя, с их точки зрения, странно, если не сказать неприлично.

— Ладно, Рисаб, мне пора.

— Намаскар, Рай-джи, — сказал он, ничуть, впрочем, не удивленный моим отказом. — Еще увидимся.

— Намаскар, — ответил я и, пропустив носильщиков, пошел дальше.

Яркое, чистейшее небо стало излучать непереносимое для глаз сияние. Пока на нем не было ни единого облачка. Профили гор казались нереально четкими, видимыми до последней морщинки. Снежные пики, возвышающиеся над склонами, покрытыми лесом, блистали идеальной белизной. Я надел солнцезащитные очки, и краски вокруг стали чуть более приглушенными.

Дорога, ведущая в Намаче, прежде безлюдная, постепенно становилась все более оживленной. Сначала это были только носильщики, нагруженные вещами туристов, спешащие, чтобы успеть занять места в лоджах для своих подопечных. Я уже знал почти каждого из них — дорога одна, и людей, работающих на ней, было не слишком много. Не останавливаясь, мы обменивались приветствиями и шли дальше, занятые каждый своим делом.

Затем стали появляться первые трекееры. Мимо меня проходили группы по трое, пятеро и больше человек, отлично экипированные, с легкими разноцветными рюкзаками за плечами, фотоаппаратами и биноклями, в сопровождении внимательных гидов.

Время от времени попадались и компании людей, выглядящих гораздо более закаленными суровыми невзгодами походной жизни. Эти сами несли свои внушительные рюкзаки, презрительно поглядывая на несамостоятельных туристов, отдающих поклажу носильщику. И, в отличие от них, почти не отвлекались на созерцание пейзажей, уже видев эти горы в прошлые посещения. Их интересовали не прогулки у подножий, а покорение новых вершин. За ними тоже следовали гиды, четко соблюдая правило — не пускать чужаков одних разгуливать по священным тропам, но давая подопечным больше воли.

Встречные провожали меня любопытными взглядами. Ведь я был один и явно не походил на обычного путешественника.

Солнце уже поднялось над горами, когда на фоне неправдоподобно синего неба появился первый молебельный камень. Огромный черный валун, на котором были искусно выбиты, а затем раскрашены белой краской древние символы, стоял в окружении красных цветов и густой зеленой травы. Его контуры напоминали очертания горы, возвышающейся за ним.

Я остановился рядом ненадолго. Мне, как всегда, захотелось коснуться белых иероглифов. Приложив ладонь к теплой шершавой поверхности, я закрыл глаза, вспоминая ночное происшествие.

«Чувства — основа души, — часто повторял Уолт, — мы должны строить свою жизнь так, чтобы испытывать их как можно полнее. Чем они глубже и ярче, тем больше силы дают нам. Но кроме этого «сила души» требует особой ответственности и соблюдения некоторых правил. А их каждый из нас устанавливает для себя сам».

Моем правилом было — относиться с почтением к неведомой силе, живущей в этих горах. Иногда меня слышали, иногда нет. Но почти всегда возвращали утраченное спокойствие.

...Негромкий щелчок и яркая вспышка отвлекли от размышлений. Я обернулся и увидел девушку с дорогой фотокамерой, все еще направленной в мою сторону.

— Извините, — произнесла она на международном без капли смущения или вины в голосе. — Я вас сфотографировала. Уж очень колоритно вы смотрелись на фоне этого камня. Вы, кажется, молились?

— Нет, — ответил я на том же языке, рассматривая незнакомку. — Просто задумался.

Очень хорошенькая и самоуверенная. Темно-русые волосы повязаны яркой косыночкой, футболка туго обтягивает грудь, короткие шорты открывают длинные, стройные ноги. Но загар на них не местный — явно морской, бархатно-золотистый. Солнце Кайлата делало кожу очень темной, часто сероватой.

— Вы откуда? — спросила туристка, также внимательно рассматривая меня из-за черных очков, надежно скрывающих ее глаза.

— С Гойо.

— И как, поднялись? На самый верх?

Я машинально отметил, что она говорит бегло, но чуть тверже, чем нужно, произносит букву «р», а еще иногда растягивает гласные — значит, уроженка северных островов... Только у них был такой характерный легкий акцент, отличающийся от выговора материковых жителей.

Эта привычка — вслушиваться в речь окружающих и анализировать ее, давно стала частью моей природы. И она давала мне возможность больше узнавать о людях, не задавая лишних вопросов. Любой человек мог рассказать мне историю своей жизни, бросив всего лишь несколько обыденных фраз.

Из-за высокого камня вышли двое молодых людей. Таких же молодых, загорелых и довольных путешествием, как и моя собеседница.

— Не жарко? — тут же спросил один, окинув мою более плотную и темную, чем на них, одежду снисходительно-веселым взглядом.

— Как там с погодой? — поинтересовался второй.

У обоих была та же особенность речи, что и у девушки. Скорее всего, эти трое — с одного острова, а быть может, даже из одного города.

Обычные разговоры на тропе. Кто откуда идет, на какую вершину поднялся и каких усилий это ему стоило.

Я начал отвечать на вопросы, как вдруг лица людей поплыли у меня перед глазами и загудело в ушах. Камень, которого я касался только что, отвечал мне.

Солнечная долина смазалась, растворилась в неправдоподобно яркой картине.

Я видел пониющую траву, белую тропинку, глубокой колеей вытопанную в земле. Низкие, клонящиеся к земле деревья с перепутанными кронами и серым мхом на стволах. Алые листья данф, красные лишайники на камнях. И кровь. Очень много крови, заливаю-

щей землю. Обрывки одежды, распотрошенные рюкзаки, разодранные чьими-то острыми когтями.

Облака, сползающие со склонов, то застилали, то снова открывали это зрелище. И прежде чем я успел ощутить запах, висящий над поляной, видение рассеялось.

— Куда вы идете? — спросил я хрипло, вытирая внезапно взмокший лоб.

Молодые люди смотрели на меня с недоумением и легкой тревогой.

— Похоже, у вас горная болезнь, — серьезно сказала девушка с камерой. — Надо спускаться.

— Где ваш гид?

На тропинке появился кайлаец средних лет, увидел меня и улыбнулся:

— Намаскар, Рай-джи.

Он знал меня, но я, все еще оглушенный видением, смотрел на его добродушное лицо, покрытое тонкими морщинами, и не мог понять, кто он такой. Перед глазами по-прежнему стояли багровые лужи. Очень редко ко мне приходили такие озарения, но если я видел нечто подобное, сомневаться в их правдивости не приходилось.

— Не ходите к Ю-Чой, — сказал я проводнику на нашли, поняв вдруг, где растут эти красные цветы и лежат багряные камни. На перевале Минг-Ла. — Вернитесь. Переждите день.

— Что ты видел? — спросил кайлаец, став предельно серьезным.

— Кровь, разорванная одежда. Тел нет, но... людей тоже нет.

— Ясно, — ответил гид, приложил сомкнутые ладони ко лбу, поклонился камню, пробормотал короткую молитву, благодаря высшую сущность за предостережение, переданное через белого чужака, обладающего третьим зрением.

Затем повернулся к подопечным и заявил на международном:

— Нам лучше пойти назад. Так будет безопаснее. Погода испортилась, и мы не дойдем до перевала.

— Что?! — возмутился один из парней, вытаращив глаза. — Как назад? Да у нас же все по дням расписано! Мы не успеем. И погода прекрасная!

— Не уложимся в график, придется идти быстрее, — подхватил второй более вежливо. — А как же адаптация?

— Радж, тебе этот тип что-то сказал? Да ты посмотри на него, он же больной.

Кайлаец с непроницаемым лицом слушал их возмущение, а я вдруг вспомнил его. В прошлом году у этого гида погиб один из трекеров. Заблудился в тумане во время короткой прогулки на небольшой высоте. Еще одна нелепая смерть. И теперь для бизнеса Раджа

будет очень плохо, если в его группе не вернется кто-то еще, а уж тем более — он сам.

Девушка тоже молчала, глядя на меня, и даже сквозь ее непроницаемые горные очки я чувствовал напряженный, вопросительный взгляд.

— Думаю, надо повернуть, — сказала она, оборвав на полуслове одного из своих спутников.

— Кира, ты что, серьезно? — тут же повернулся он к ней. — Мы заплатили кучу денег, а теперь из-за какого-то ненормального...

— Он не псих. — Она неожиданно сняла очки, и я увидел ярко-голубые внимательные глаза. — И я хочу вернуться. Вы можете отправляться дальше, а я пойду обратно.

Молодые люди с одинаковой неприязнью посмотрели на меня и, обступив девушку, принялись вполголоса уговаривать ее не делать глупостей.

— Думаешь, ты сможешь их убедить? — спросил я гида тихо.

— Смогу, — убежденно ответил тот. — Скажу, что в лоджах при монастыре закончились все места и ночевать им придется под открытым небом. Никуда не пойдут.

Я невольно улыбнулся, слыша этот уверенный обман.

— Спасибо, Рай-джи, — вдруг сказал он. — Мне говорили, что у тебя есть третье зрение, но я не верил. Теперь знаю. Удачной дороги тебе.

Я пожал на прощанье его протянутую руку и, оставив Раджа разбираться с подопечными, пошел дальше.

Тропа обогнула гору, и вершина Седого Старика оказалась у меня за спиной. А когда на горизонте появились крутые склоны Тамерску, меня догнала уже знакомая путешественница.

— Куда это вы так несетесь? Еле догнала, — сказала Кира с легким упреком, переводя дыхание, и тут же уточнила: — Я с вами. Вы ведь в Намаче.

— А как же ваши друзья?

— Стоят на том же месте и пререкаются с Раджем. — Она презрительно дернула плечом и добавила с уверенностью: — Все равно обратно к вечеру приползут. А я пока на массаж схожу. Говорят, тут делают отличный аюрведический массаж. В Интернете посижу...

Она замолчала и продолжала идти рядом быстрым, решительным пружинистым шагом, бросая на меня любопытные взгляды.

— Вас Райджи зовут? — наконец осведомилась она.

— Райн. «Джи» — это вежливое окончание, которое кайлатцы иногда добавляют к имени.

— Вы и на местном языке говорите, — озвучила девушка свои размышления. — Давно здесь живете?

— Несколько лет.

Кира снова умолкла, переживая, пока мимо пройдет очередная группа. И как только трекаеры удалились на достаточное расстояние, сказала убежденно:

— Вы ведь увидели что-то там, у камня. Что-то про нас. Так? Сказали Раджу, и тот сразу поверил. Местные вообще верят во всякую ерунду. — Не останавливаясь, она приподняла камеру, висящую на груди, сфотографировала скалистую стену Тамерску. — Нам рассказывали кучу всяких преданий, поверий, сказок. Ну вроде того, что гора Одинокая Дева терпеть не может женщин и ни одна не может подняться на ее вершину. Или, например, если собираешься на Сагараматху, во время трека нельзя спать не со своим мужем. Или вот еще — непозволительно выходить из дома после захода солнца.

— Если вы не верите во все это, зачем повернули назад?

— В это не верю, но... — Она запнулась, обдумывая следующую фразу. — Я как-то читала в журнале статью. Там говорилось, что во всем мире есть несколько сотен человек, которые отличаются от остальных. Будто бы у них есть душа, поэтому они, в отличие от прочих, нормальных, такие странные. И психика у них очень неустойчивая, потому что они все время переживают из-за всяких пустяков, могут очень сильно привязываться к одному человеку...

Она рассмеялась, качая головой, и пнула мелкий камешек, попавший под ноги.

— Иногда у них бывают видения, вроде как у вас, в голову приходят чудные идеи, они часто совершают нелогичные поступки.

— Например, спасают кому-нибудь жизнь?

Кира снова весело рассмеялась:

— Ну примерно. Вернее, спасают чью-то жизнь, не получая от этого никакой выгоды. Да и удовольствия тоже. Или — совсем уж глупо — рискуют своей. В общем, я сразу поняла, что вы один из них.

В ее словах была часть правды. Наш мир всегда отличался односторонним восприятием. Простым и рациональным. Существует только белое или черное, горячее или холодное. А такие, как я, не вписывались в общую картину реальности.

— Меня, кстати, Кира зовут, — мило улыбнулась девушка.

— Я знаю.

Дальше какое-то время мы шли молча. Она периодически останавливалась, фотографировала понравившийся вид и опять догоняла меня.

Солнце припекало все жарче, и над белыми вершинами стали клубиться облака. Их легкие тени скользили по склонам и растворялись среди теней долины.

На пологом участке земли паслась лошадь с жеребенком. Он скидывал голову, фыркал, мотал коротким лохматым хвостом и, смешно выбрасывая вперед ноги, бегал по загону.

— А мне говорили, что лошади здесь не водятся, — рассеянно заметила Кира, роясь в кармане.

— Их очень мало. Но в старинных легендах говорится, что раньше в Кайлате разводили коней и даже продавали их. В горах живет народность, которая до сих пор называется «таманг», что переводится как «продавец скакунов». И при дворе императора именно таманги работают в конюшнях. Но теперь в основном грузы перевозят на эбо. И на людях.

Она усмехнулась, словно услышала забавную шутку, вынула из кармана шоколадку, искоса взглянула на меня, но ничего не сказала.

Следующие полчаса пути Кира сосредоточенно размышляла о чем-то, даже перестав фотографировать. Хмурилась, пару раз с легким недоумением посмотрела на меня, покачала головой в ответ на какие-то размышления и внезапно спросила, лучезарно улыбаясь:

— А в поселке ты где остановился?

— На нижних террасах, — ответил я, уже прекрасно зная, к чему ведет этот разговор.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию? — В ее голосе не было ни малейшего сомнения в моем утвердительном ответе.

Кира кокетничала так, словно решала математическое уравнение. Уверенно и стандартно. Предмет она вызубрила на «отлично» и теперь прекрасно знала, в какое место формулы своего флирта подставлять взмах ресниц, улыбку или взгляд.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказал я мягко.

— Почему это? — совершенно по-детски обиделась моя собеседница, останавливаясь.

Мимо нас прошли несколько туристов, с любопытством поглядывающие на пару, выясняющую отношения посреди трека. Гид, идущий следом, деликатно отвернулся. У местных считалось неприличным демонстрировать глубокие личные чувства и тем более наблюдать за их проявлениями.

— Мы только что говорили о том, что я один из тех, у кого есть душа, — продолжил я. — На меня находят странные видения, и я часто совершаю нелогичные поступки.

Она кивнула, и ее губы искривились в легкой усмешке. Кира решила, что спутник оскорблен ее замечаниями и теперь пытается отомстить, делая вид, будто не хочет выполнить простую просьбу.

— ...Но кроме этого, такие, как я, обладают еще одним противоестественным даром, талантом, не знаю, как лучше назвать. Мы привлекаем людей. Таких, как ты. Одних сильнее, других слабее, кого-то с первых минут общения, кого-то через неделю или месяц. Ты стремишься пойти со мной не потому, что хочешь этого сама.

На лбу Киры появилась глубокая вертикальная морщина, губы плотно сжались, а скулы напряглись. В ее черных зеркальных очках

отражался белоснежный профиль Тамерску и легкая вуаль облака, окутывающая его.

— Я ничего не слышала об этом, — сказала девушка, легким пренебрежением маскируя озадаченность, а потом спросила: — Значит, поэтому ты живешь в Кайлате? Не хочешь, чтобы люди привязывались к тебе?

— И поэтому тоже, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Тогда ты определенно очень странный. — Лоб Киры разгладился, губы снова улыбались. — Любой жил бы в цивилизованном мире, пользовался своим даром, наслаждался вниманием окружающих. А ты сидишь в этой глуши... — Она не договорила, пожала плечами, поправила лямки рюкзака и пошла вперед.

Тропа сузилась, превращаясь в тонкую полосу, тянущуюся по склону горы. Здесь уже полгода восстанавливали кусок обвалившейся дороги, укрепляя ее металлической сеткой, засыпая пустоты щебнем и обломками валунов. Однако работа продвигалась очень медленно.

Нас догнали три носильщика, согнувшиеся под тяжестью длинных широких корзин, наполненных камнями. Впереди показался очередной караван эбо, и воздух сразу наполнился густым запахом навоза и потной звериной шерсти. Весело звенели колокольчики на косматых шеях, резкие гортанные крики погонщицы, а также удары палкой заставляли зверей двигаться быстрее. Немолодая женщина в темном платье и платке, низко надвинутом на лоб, угрюмо посмотрела в мою сторону, скользнула безразличным взглядом по моей спутнице. И меня неожиданно коснулось довольно неприятное ощущение. Как будто с ледника долетел особенно холодный порыв ветра.

— Осторожнее. — Я взял Киру за локоть, уводя с пути эбо. — Здесь надо быть очень осмотрительным.

Видимо, мой голос прозвучал как-то необычно, потому что она настороженно покосилась на меня. Но послушно забралась на небольшой выступ над тропинкой, чтобы пропустить тяжело навьюченных животных. Я встал рядом с ней на этой крошечной площадке, вытопанной многими ногами, глядя на грязно-белые косматые спины, проплывающие ниже.

Носильщики также постарались избежать столкновения с неповоротливыми эбо. Двое из них прижались к отвесной скале, пропускавая караван, а третий шагнул в другую сторону, ближе к обрыву...

А затем все произошло очень быстро.

Громоздкий, неуклюжий зверь, проходя мимо, всего лишь слегка задел человека тюком, прикрученным к косматому боку. Кайлатец покачнулся, взмахнул руками, пытаясь восстановить равновесие, но тяжелая корзина потянула его за собой. И он упал. Вниз, с крутого, почти отвесного склона.

На мгновение все вокруг будто замерло. Погонщица с суровым, замкнутым лицом, носильщики, согнувшиеся под своей ношей, медлительные эбо, даже пыль над дорогой. Лишь грохотали камни, вываливающиеся из корзины, и слышались глухие удары человеческого тела об острые валуны.

А потом Кира вскрикнула, до боли вцепилась в мою руку и произнесла свистящим шепотом, как будто не веря своим глазам:

— Ты видел? Он сорвался? Он что, правда сорвался?

Тут же заголосила погонщица эбо. Я скинул рюкзак и бросился к краю. Следом за мной спешили два носильщика, избавившиеся от своей ноши.

Внизу, на узком каменистом берегу реки лежало неподвижное тело. Сверху его едва можно было разглядеть.

— Разбился, — произнес на горкхали рядом со мной один из кайлатцев без удивления, сочувствия или испуга. — Хотя, может, еще жив?

— Вряд ли, — ответил я на том же языке, вглядываясь в черную фигурку. — Слишком высоко.

— Ах, как жаль. Какой хороший человек был, — сказал второй, пожилой носильщик, с заученными интонациями огорчения и печали, но тут же заявил деловым тоном: — Спуститься надо.

Он посмотрел на меня, и я увидел в его черных узких глазах вполне понятное выражение опасения и настороженности. Видимо, он увидел то же самое в моем взгляде. Несколько мгновений пытался решить, как относиться ко мне — на обычного белого не похож, говорю на его языке, кажется, знаю местные особенности, но все же не местный. И кроме того, чувствовал во мне ту самую силу души, о которой так часто говорил Уолт и которая так сильно притягивала к подобным мне остальных людей. Наконец кайлатец кивнул молча, решив принять меня за своего. Вытащил из корзины веревку, смотал и повесил себе на плечо.

Погонщица скороговоркой выложила соболезнования по поводу случившегося, выразила сожаления о том, что не может остаться, чтобы помочь, — ей засветло надо быть в Тенгабоче, поклонилась всем присутствующим и быстро ушла со своими эбо.

Я видел, как она на ходу, оглядываясь через плечо, торопливо чертит в воздухе охранные знаки, перед собой и над спиной животного, столкнувшего человека.

— Ужас, — услышал я равнодушный голос Киры. Она стояла на безопасном расстоянии, наклонившись вперед и вытянув шею, чтобы разглядеть погибшего носильщика, лежащего внизу. — А ты был прав, когда предупреждал меня. Здесь действительно надо было быть осторожным. Как ты узнал, что он упадет? Эй, ты куда?

— Возвращайся назад, к Раджу. — Я отвязал трекинговые палки, пристегнутые к моему рюкзаку. — Мне придется задержаться.

— Почему? Что ты собираешься делать?

— Надо поднять тело.

Она передернула плечами от отвращения, хотела спросить что-то, но к нам подошла еще одна группа трекеров. Посыпались неизбежные вопросы, восклицания и комментарии.

— Тут недалеко тропа есть. — Носильщик не обращал на них внимания. Его лицо, покрытое сеткой морщин и напоминающее старый pekanовый орех, было невозмутимо, однако темные глаза светились заметным беспокойством. — Можно вниз сойти. Идешь?.. — Он выразительно замолчал, и я, отвечая на его невысказанный вопрос, прознес:

— Райн.

— Тенгба, — вежливо представился он и указал на своего молодого товарища: — Лакпа присмотрит за вещами. Мало ли что. Сейчас еще двое наших подойдут, помогут. А мы пока с тобой вдвоем спустимся.

Второй носильщик широко мне улыбнулся и слегка поклонился.

— Намаскар, Рай-джи. — Ко мне подошел гид новой компании трекеров, рослый, по меркам кайлатцев, человек средних лет с правильными чертами смуглого лица.

Одет он был в хороший спортивный костюм, и небольшой рюкзак за его плечами казался явно не местного производства. Оба носильщика почтительно поздоровались с ним, он ответил им вежливо, но равнодушно и снова обратился ко мне:

— Что случилось?

— Намаскар, Юро, — ответил я. — Портер в пропасть сорвался.

Гид глянул вниз с обрыва, нахмурился, прикрыл глаза, пробормотал короткую молитву, затем жестом велел Лакпе подойти. Тот почтительно приблизился и стал подробно рассказывать, что произошло.

Кира, окруженная путешественниками — молодыми людьми и девушками, излагала им свою версию произошедшего, больше не обращая на меня внимания.

Мы вдвоем с кайлатцем пошли прочь от этой шумной, беззаботной толпы. Тенгба молчал. Говорить действительно было не о чем. Все ясно и так. Чем быстрее мы окажемся внизу, тем лучше.

Впрочем, когда обнаружилась узкая, петляющая тропинка, ведущая к реке, он все же не удержался от комментария:

— Значит, это я про тебя слышал. Будто есть один сумасшедший белый, который по горам в одиночку ходит. И до сих пор жив.

Он внимательно посмотрел на ножны с клинком, висящие на моем поясе.

— Хукури в монастыре делали?

Обычно иностранцы называли клинок кухри, но местные предпочитали именно это название.

— Да.

Он одобрительно покивал головой и начал спускаться первым.

Трехсотмиллиметровый клинок моего ножа формой напоминал лист местного дерева сиру. Поэтому создатель этого клинка называл его сирупати. Считалось, что уникальный изгиб увеличивал силу удара в семнадцать раз. Моим кухри весом девятьсот граммов можно было перерубить ствол дерева диаметром двадцать сантиметров с одного удара. Когда я впервые взял его в руку, то понял, что центр тяжести смещен ближе к рукояти. Держать сирупати было удобно, однако стоило мне попробовать вращать кистью, сжимая нож, как возникло стойкое ощущение, что он сейчас вырвется из ладони. Понадобилось довольно долго упражняться, прежде чем я смог полностью приручить его.

Часто ножны для подобного оружия стоили дороже самого кухри, если изготовлялись из ценных пород дерева или оникса, но мои были простыми, кожаными. В них имелись дополнительные отделения для «маленьких братьев» — двух ножичков, которые использовались для заточки и правки клинка большого брата, а также всевозможных мелких хозяйственных нужд.

Помню, первый раз я увидел хукури в деле, как только приехал в Кайлат. Такси везло меня по разбитым, шумным, пестрым улицам Кантипура, забитым людьми, мотороллерами, машинами и велорикшами. Я попал на один из праздников. Мощные изогнутые клинки рубили головы жертвенным животным. По мостовой текла кровь, со всех сторон слышались истошные вопли. И в какое окно я бы ни посмотрел — везде видел обезумевшие от ужаса морды коз, овец, баранов с выпученными, страдающими глазами. Веселые женщины в красных одеждах направлялись к центральной площади. Мужчины, деловито переговариваясь, прижимали животных к камням и одним ударом перерубали им шеи. Мимо пробежал мальчик, держа отрубленную куриную голову и весело размахивая ею. Струя крови обрызгала стекло машины, ударив почти мне в лицо.

— Хороший знак, — довольно сказал водитель, оглядываясь на меня, и я понял, что почти все, что я знаю об этой стране, можно забыть и начинать изучать ее заново...

Спуск с горы стал еще более сложным, и мне пришлось отвлечься от воспоминаний.

Кайлатец шел очень быстро, почти бежал по извилистой тропинке. Я успевал за ним только потому, что опирался на трекинговые палки. Они помогали держать равновесие, перепрыгивать через ва-

луны, постоянно попадающиеся на пути, и снимали нагрузку с суставов ног.

Но все же, несмотря на то что мы оба торопились, спустаться пришлось не меньше получаса.

Шум реки заглушал наши шаги и стук металлических наконечников моих палок о камни. Потянуло холодом от ледяной, бурлящей воды.

— Хорошо хоть все утром случилось. — Тенгба ниже надвинул на лоб свою потрепанную красную кепку. — Ночью или в сумерках мы бы здесь попрыгали.

— Пришлось бы отложить до утра.

— Нельзя откладывать, сам знаешь. — Он поспешно оглянулся на меня, чтобы удостовериться, действительно ли я знаю об этом.

Убедился, что не собираюсь задавать лишних вопросов, и успокоился.

В Кайлате обсуждать некоторые прижизненные и особенно помертвые свойства местных жителей считалось неприличным даже друг с другом.

Упавший лежал на том же самом месте, белые камни вокруг него были залиты кровью. Руки и ноги вывернуты под неестественными углами, голова разбита, лицо обезображено. Неподдалеку валялась помятая корзина. Было видно, что человек мертв, но я все же наклонился и прижал пальцем артерию на его шее.

— Знаешь, что такое небесные похороны? — Тенгба подтянул свои безразмерные штаны, перетянутые резинкой на поясе, закатал рукава спортивной кофты и сбросил с плеча веревку.

— Знаю. Видел. — Я не стал вдаваться в подробности о своих впечатлениях от этого зрелища. — Думаешь, у его семьи достаточно денег, чтобы заплатить могильщику-рогьяпе, который может провести их?

Тенгба с сожалением поцокал языком, обходя тело.

— Денег у нас действительно немного.

— У нас?

Кайлатец поднял голову, взглянул на человеческие фигурки, мелькающие у края склона.

— Он был младшим братом моего деверя.

Меня уже не удивляли равнодушие и спокойствие кайлатцев, видящих смерть своих близких. По их верованиям, тело умершего было всего лишь пустой оболочкой, скорлупой, которую нужно просто снять для того, чтобы выпустить дух, совсем недавно оживлявший его. Ведь теперь, когда связь с плотью оборвана, ему надо поскорее отправиться в мир мертвых. И там ему будет гораздо лучше, чем здесь. Так что печалиться нет причины, но я все же сказал:

— Мне очень жаль. Прими мои соболезнования.

Тенгба молча кивнул.

В воздухе над нами начал кружить ворон, через пару секунд к нему присоединился второй.

— Уже пришли, — задумчиво произнес кайлаец, глядя на птиц — проводников в мир мертвых. — Скоро позовут других.

Затем он пробормотал знакомую мне краткую молитву напутствия для своего умершего родственника и принялся разматывать веревку.

Людей, стоящих на горе и смотрящих вниз, прибавилось. А через несколько минут послышались шаги, и к нам присоединились еще двое кайлатцев, спустившихся по той же тропе, что и мы. Они принесли с собой кусок ткани, в которую мы общими усилиями завернули тело, перевязав его веревкой. В обратный путь, на тропу, где этот человек ходил при жизни, он отправился в корзине, которую носил прежде сам. Ее привесили на спину одного из самых крепких носильщиков, и тот тащил груз, пыхтя и отдуваясь.

Во всем происходящем была своеобразная горькая ирония. Сначала ты несешь свою ношу, затем можешь превратиться в нее сам, и кому-то придется поднимать тебя.

Как оказалось, Кира не ушла. Она дождалась меня, сидя на уступе, нетерпеливо покачивала загорелыми ногами и от скуки фотографировала все подряд. Был уже полдень. Облака ползли вверх по склонам, закрывая белые вершины. Кайлатцы, коротко обсудив предстоящие похороны, которые будут проходить в районе Лхаса, разобрали свои вещи и направились в сторону Намаче.

Кира подождала, пока я попрощаюсь с носильщиками, забравши тело разбившегося товарища, спрыгнула на землю и спросила как ни в чем не бывало:

— Ну, теперь мы можем идти?

— Ты не вернулась к Раджу? — Я прицепил трекинговые палки к рюкзаку и с неохотой поднял его, вновь надевая лямки на плечи. Все же я немного устал, поднимаясь обратно по склону и помогая тащить нелегкое человеческое тело.

— Нет. — Девушка недовольно скривила губы. — И мимо он не проходил. Значит, повел ребят... куда он там собирался их вести, показывать местные достопримечательности. А я с тобой, как и собиралась. Хорошо бы больше никто не сорвался в пропасть и заминок в пути не было.

Высказав это пожелание, она уверенно зашагала вперед.

До самого Намаче девушка со мной не разговаривала. Только подглядывала время от времени, выразительно поджимала губы и снова отворачивалась.

В поселок мы добрались примерно через час. Здесь я должен был ночевать прошлой ночью. Но теперь из-за вынужденной задержки мне придется миновать столицу высокогорного королевства.

Намаче был расположен на склонах, образующих глубокую воронку — зеленые террасы полей спиралями спускались до самого дна долины. Две горные реки, Бхот Коши и Имья Кхола, огибали селение. Одна брала начало из-под вечно тающего ледника Нгозумпа, питающего озера Гойо, другая — с Локхотце. Весело журча на перекатах, потоки сливались в один и неслись дальше, в нижний Кайлат.

Крыши домов синели яркими веселыми пятнами, похожими на цветную мозаику, радующую глаз. В густой синеве неба снова медленно кружили две черные тени — вороны выискивали добычу.

Сначала мы шли по тропинке, выходящей по склону горы, затем я увидел ступени, ведущие вниз, и указал на них Кире. Она кивнула и направилась по ним первой. Быстро, легко, уверенно.

— Где вы останавливались в поселке? — спросил я девушку.

— В «Снежном барсе», — ответила она, не оборачиваясь. — На нижних террасах.

Хороший отель, и дорогой. Один из первых в Намаче. Там отдыхали все знаменитые альпинисты и оттуда же шли самые первые экспедиции на вершину Матери Всех Богов — Сагараматху, Ю-Чой и Седого Старика.

— Я отведу тебя, попрошу дать комнату и сообщу Раджу, что ты там.

— Я и сама могу. — Кира оглянулась на меня через плечо, и ее черные очки отразили солнечный блик.

— Одну тебя не пустят.

Она не стала спорить, равнодушно пожав плечами.

По узким, неровным, пыльным улицам Намаче бродили туристы, местные жители, эбо и носильщики. Почти возле каждого дома стояли длинные столы с горами сувениров. Бусы с яшмой и бирюзой, фигурки животных, вырезанные из черного дерева, молитвенные барабанчики, бронзовые статуэтки богов и богинь, поющие чаши, подделки из рога, серебряные раковины...

Все это богатство призывно блестело и переливалось, позванивало и гудело. Кира уже была здесь, поэтому не задерживалась. Но на неподготовленных туристов подобное великолепие действовало ошеломляюще.

Прилавки с сувенирами чередовались лавками, забитыми трекинговым снаряжением. Не самым лучшим, на мой взгляд, и не самым дешевым.

Двух- и трехэтажные дома выглядели вполне современно. Кроме туристов сюда свозили еще и контрабанду, которую доставляли по горным тропам из Гунхэго. Так что владельцы лоджей и гостиниц могли себе позволить завести интернет-клубы с десятком хороших компьютеров, настоящие пабы и бары, провести электричество и освещать свои заведения модным неоном.

Отель, в который я вел Киру, был расположен в нижней части города. По вечерам здесь висело облако дыма от печей, которые топились во всех домах. Но многим даже нравился горьковатый запах, плывущий в вечернем воздухе, он добавлял романтики.

Двери «Снежного барса» были гостеприимно распахнуты.

На стенах узкого коридора висели старые, еще черно-белые фотографии покорителей гор. Худых, изможденных, бородатых счастливых на фоне белоснежных пиков и безграничного неба. Никого из них уже давно не было в живых.

— Кстати, ты поднимался на Сагараматху? — спросила Кира, мельком взглянув на фотографии.

— Нет.

— Почему? — Она сняла очки и чуть прищурилась, глядя на меня. — Ты давно здесь живешь. Знаешь все трудности. К высоте адаптировался...

— Не хочу шагать по трупам.

— По каким еще трупам?

— Человеческим. Есть такая кайлатская легенда. Одно из воплощений местного высшего существа — свирепая, жестокая, но справедливая богиня. Она ненавидит, когда люди нарушают правила, установленные ею. И любит украшать склоны своего жилища телами тех смертных, что не угодили ей.

Кира поморщилась:

— А на самом деле?

— Альпинисты гибнут от отека мозга, обморожения, срываются в трещины. Но никто не в силах спустить с такой высоты их тела. Поэтому они остаются.

Девушка серьезно кивнула. Такое пояснение ее вполне устраивало.

Хозяин отеля был занят очень важным делом — перетаскивал мешки с почтой. Он всегда занимался этим лично, считая, будто без его внимания письма потеряются. Не исключено, что это было именно так.

— Давно тебя не видел, Рай-джи, — сказал он на наитили, отдуваясь и вытирая рукавом застиранной рубашки взмокший лоб. Широко улыбнулся. — Что за дела у тебя здесь?

— Намаскар, Ньима, — ответил я. — Найди комнату для девушки.

Улыбка мгновенно исчезла с пухлых, обветренных губ кайлатца. Его круглое лицо с косматыми бровями и приплюснутым носом стало суровым. Он уставился на Киру, и та невольно поежилась под его пристальным взглядом.

— Она что, с тобой? Ты тоже останешься?

— Нет. Пойду дальше. Но пока она со мной.

Ньима вздохнул, как мне показалось, с облегчением.

— Извини, Рай-джи. Не могу. Сам знаешь — ты уйдешь, она останется. А кто она такая, ты можешь сказать? Я — нет. Кто за нее отвечать будет?

— Я ручаюсь за нее.

— А если ты ошибся? Вот если бы ты остался, тогда никаких вопросов. Пусть ночует.

— Ее гид — Радж, — сказал я хозяину, потерявшему к девушке интерес. — Позвони ему. Он скоро приведет сюда остальных ее спутников.

Ньима поворчал еще некоторое время, но отправился на поиски мобильного телефона, вернулся и долго набирал номер проводника, продолжая бурчать что-то себе под нос.

— В чем проблема? — тихо спросила меня Кира. — Свободных номеров нет?

— Есть. Но кайлатцы никогда не оставят в своем доме гостей без сопровождения местного гида, — так же негромко ответил я, одновременно прислушиваясь к тому, как Ньима, дозвонившийся до Раджа, препирается теперь с ним.

— Опять из-за какой-нибудь дурацкой местной легенды? — произнесла она недовольно.

— Вроде того, — улынулся я.

— Ладно, — заявил хозяин гостиницы из-за стойки, убирая телефонную трубку. — Пусть остается. Их прежняя комната свободна. Радж уже на подходе.

— Все в порядке, — сказал я девушке. — Скоро твои друзья будут здесь.

— Ну, тогда спасибо за помощь, — ответила она, глядя в сторону. — Может, еще увидимся.

— Может быть, дорога здесь одна.

Кира кивнула мне на прощанье, взяла ключ, который протянул ей хозяин отеля, и, не оборачиваясь, пошла прочь по длинному коридору.

Обычная встреча на тропе. Увиделись, поговорили и больше никогда не встретились.

Я попрощался с Ньимой и вышел из отеля...

Улица круто спускалась вниз. Стал слышен плеск реки, моей постоянной спутницы, следующей почти тем же маршрутом, которым обычно ходил и я. На берегу несколько девушек стирали белье — дружно колотили рубахи и штаны деревянными валиками, поливая водой, топтали босыми ногами, громко смеясь и переговариваясь. Увидев меня, они захихикали еще громче, а самая смелая помахала рукой. Я улынулся и махнул в ответ.

На окраине поселка мальчишки запускали воздушных змеев. Их крылья реяли в воздухе, крепко соединенные с землей тонкими бе-

чевками. Ветер держал их в небе и слегка дергал иногда, словно проверяя на прочность удерживающие их нити.

Последним, кто видел меня, — были глаза верховного божества, смотрящие с белоснежной ступы. Они внимательно и в то же время отрешенно наблюдали за всеми проходящими мимо. Выцветшие разноцветные флажки, похожие на воздушных змеев, дрожа на ветру, снова и снова посылали в небо безмолвные молитвы.

Я прошел под высокими воротами с красной крышей, как всегда, крутанул тяжелый резной барабан. И услышал, как он грохочет мне вслед, поскрипывает и звякает, задевая медный колокольчик, подвешенный рядом.

### ГЛАВА 3

#### *Лукула*

Дорога резко уходила под уклон, я вышел на очередной отрезок трека, ведущий к цели моего пути через несколько менее крупных селений.

Я шагал, обгоняя туристов, пропуская эбо и носильщиков, привычно срезая путь по узким тропам, а сам думал о том, что сказала Кира.

Многое в ее словах было правдой.

Люди, которые меня окружали, — красивые и не очень, сильные, выносливые, хрупкие, умные, глупые, домоседы и путешественники, — все они не имели души. Того, что называется душой. Той самой искры, которая приносит боль и счастье, умеет любить, сопереживать и страдать, а также вызывает неудержимое влечение у тех, кто не имеет этого огня.

В какой-то старой сказке еще ребенком я читал, что раньше души были у всех. Они попадали в человеческое существо из волшебного источника сразу при рождении. Но однажды произошла катастрофа, родник был засыпан, и теперь лишь крошечные «капли» просачиваются наружу из-под груды камней, и редкие люди получают души. Прочие остаются «пустыми». Они могут жить, ходить, разговаривать, смеяться и никогда не узнают, чего лишились.

Существование их было ровным, сытым, размеренным, рациональным... до тех пор, пока рядом не оказывался тот, кто был наделен душой.

Наш дар — благо и проклятие одновременно. Он безудержно притягивает людей, лишенных души. Сами не зная почему, они начинают испытывать неукротимое влечение к таким, как мы. Хотят, чтобы мы были рядом всегда, каждое мгновение, и... стараются уничтожить. Неосознанно, конечно.

Уолт говорил, что в древности на таких, как мы, велась целенаправленная охота. Люди, лишённые души, убивали нас, для того чтобы извлечь из наших тел эту самую невидимую субстанцию и попытаться перенести в собственное тело. Естественно, из этого ничего не получалось. И в эпоху расцвета просвещения подобные эксперименты прекратились. Сейчас никому в голову не придет пить кровь людей, наделённых душой, или принимать за обедом эликсир из их высушенных сердец. (По преданиям, душа, или ханса, как называли эту нематериальную сущность кайлатцы, находилась именно в этом органе и распространялась с током крови по всему телу.) Но так или иначе нас все равно подталкивали к гибели.

Лишь люди, наделённые душой, могли создавать нечто оригинальное. Такое, как настоящие, волнующие произведения искусства, которые столь ценны в нашем обществе. Картины, скульптуры, здания редкой красоты, изысканные ювелирные украшения, стихи и проза... с каждым годом их творцов оставалось все меньше. И хотя с произведений снимались многочисленные копии, все они были тщательно выполненными, но... бездушными. Поэтому подлинники ценились столь высоко.

Как говорил Уолт, символ нашего мира — математики, доказывающие на улицах теоремы, и зрители, которые платят им за это деньги. Впрочем, в этом он был не прав — математики также должны обладать воображением. И насколько я знал, все основные формулы были выведены и доказаны все теми же обладателями души.

Мой друг Уолтер Брэм был одержим поисками источника душ. Он преподавал этнографию и, в отличие от меня, лингвиста, очень серьезно относился к любому преданию, самому немыслимому. Считал, что за каждым мифом, даже совершенно на первый взгляд нелепым, скрывается реальный исторический факт. И мои слова о том, что легендарный Источник — всего лишь красивая сказка, попытка объяснить устройство мира с помощью аллегории, не устраивали его. По мнению Уолта, мифический родник находился именно в Кайлате. Он хотел уехать сюда. На его поиски. Быть может, остаться тут навсегда. А в итоге его мечты, вместе с обширным архивом, достались мне...

До Лукулы я дошел в конце дня.

По сравнению с деревушками на остальном маршруте этот поселок был центром культуры.

Здесь находился настоящий ирландский паб, несколько кофеен, почта, отели с горячей водой в каждом номере и самое главное — аэропорт. Маленькие самолеты с утра до вечера сновали между Лукулой и Кантипуром — столицей Кайлата, перевоза туристов и грузов. Взлетная полоса была настолько короткой, что самолет, проехав

по ней четыреста шестьдесят метров, практически падал в пропасть и лишь затем, натужно ревя моторами, поднимался на безопасную высоту, чтобы успеть проскочить над соседними вершинами и не воткнуться в них носом. Посадка проходила так же экстремально. А если на гору вдруг напоздало облако, пилоты теряли ориентиры — и машина разбивалась о скалы.

Поэтому, как только начинался дождь, сильный ветер или садилось солнце, на короткую взлетную полосу опускалась тишина. Полеты отменялись до следующего дня. Как сейчас.

Был еще один аэропорт, выше, в Кхуджуне, с гораздо более удобным заходом на посадку. Но им уже десяток лет не пользовался никто, кроме спасателей. Жители деревень, находящихся внизу, взбунтовались, когда поняли, что туристы могут высаживаться сразу на четырех тысячах и не будут останавливаться в их лоджах, а значит, на трекерах они не заработают ни рупии. Кхуджунский аэропорт закрыли. А Лукула процветала.

Горы, окружающие поселок, сегодня заволокли низкие тучи, и от этого казалось, что по городку ползает вечерний сумрак. Где-то за домами кричал петух, слышалось приглушенное звяканье колокольчиков эбо.

Туристы, перебираясь из одного ресторанчика в другой, посматривали на склоны гор, поросшие лесом, — но ледяные пики Кариотинга, Кзум Кангури и Гонгхла, особенно хорошо видимые на этой точке маршрута, были плотно укутаны облаками.

Больше всего трекеров скопилось возле офиса местной авиакомпании. Они пытались забронировать себе места на самолеты, вылетающие завтра, — чтобы не сидеть в Лукуле лишний день, два или неделю.

Я здоровался с многочисленными знакомыми, но не останавливался, чтобы поговорить.

Мне навстречу попался Шарма — один из местных «баронов», управляющих продажей авиабилетов. Почти все они проходили именно через его руки, и этот кайлаец мог помочь любому улететь в нужное время. Он быстрым шагом направлялся к офису компании, а за ним почти бегом следовали два туриста, мечтающих попасть в завтрашний самолет.

Шарма кивнул мне на ходу, всем своим видом показывая, что чрезвычайно занят. Впрочем, я никогда не вызывал у него особого интереса, ведь я не собирался улетать из Кайлата...

Нужный мне паб находился в центре городка. Не заходя в лодж, где обычно останавливался после похода в горы и жил в зимние месяцы, я ввалился в бар с рюкзаком, грязный и всклокоченный.

Здесь не было верхнего освещения, сизый клубящийся полумрак разбивал лишь режущий глаза белый свет за стойкой. На одной из

стен висела футболка с дарственной надписью знаменитого певца из цивилизованного мира, когда-то посетившего эти места, на другой — светились неонem разноцветные лампы.

Давно знакомый бармен радостно поприветствовал меня. Я кивнул ему в ответ, высматривая того, кто уже давно должен был меня ждать.

Ричард сидел за дальним столиком у стены, потягивая коктейль чудовищного синего цвета. После замызганных местных жителей он выглядел настоящим эстетом в безупречной рубашке цвета лососины и новом сером костюме. Как будто за несколько секунд перенесся сюда из дорогого ресторана на Свит-авеню. Стильные очки в стальной оправе отражали свет огоньков барной стойки. Темно-каштановые волосы аккуратно причесаны. Узел галстука ни на миллиметр не сдвинулся с положенного места между острыми углами воротничка. Впрочем, и говорил он так же — безукоризненно правильно, и если даже добавлял в речь намеренно сниженную лексику, та звучала с аристократичной изысканностью.

Увидев меня, он демонстративно поморщился, выражая неудовольствие моим внешним видом, и слегка выдвинул соседний стул.

— Опаздываешь, — сказал мой агент вместо приветствия. — Ты должен был прийти еще вчера.

Я подошел, сбросил свою поклажу на пол и сел, вытянув гудящие от усталости ноги.

— Пришлось задержаться.

— Надеюсь, это оправданное опоздание?

— Пять камней по сорок карат очень чистой воды, десять по двадцать, двенадцать по шесть и однокаратная мелочь...

— Неплохо. — В карих глазах Ричарда вспыхнули довольные огоньки. Он оглянулся на бармена и жестом подозвал его. — Еще одну «Клубную Маргариту» и коньяк для моего друга.

Пока не принесли заказ, он молча постукивал пальцами по столу, подсчитывая доходы, которые принес ему мой очередной поход в горы. Я отдыхал, поглядывая по сторонам.

С трудом представляю, как этот щеголь мог оставить свою отлаженную жизнь в цивилизованном мире и переселиться в крошечный городок на окраине земли. Впрочем, сюда он прилетал всего на пару дней, остальное время проводил в Кантипуре, где проживал в лучшем отеле, окруженный очаровательными служанками и покорными слугами из низших каст, готовыми выполнить любую его прихоть. Возможно, древняя кровь аристократа взывала к тем эпохам, когда в своем родовом замке господин мог по желанию казнить и миловать любого, не отвечая ни перед кем и постоянно чувствуя свою безграничную власть. Здесь он наслаждался полной вседозволенностью за небольшие деньги.

## СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Пехов. ПЕРЕСМЕШНИК . . . . .	7
Алексей Пехов. ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ . . . . .	389
Елена Бычкова, Наталья Турчанинова. ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ . . .	795